УПРАВЛЕНИЕ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Т. 13 №4 / 2025

Издается с 2013 года

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»
109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
от 11 декабря 2012 г. ПИ № ФС77-52135
В запись о регистрации внесены изменения,
регистрационный номер ПИ № ФС 77-76216 от 12.07.2019 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Глазьев С.Ю. (Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Азоев Г.Л. (Государственный университет управления, г. Москва)
Акаев А.А. (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, г. Москва)
Афанасьев В.Я. (Государственный университет управления, г. Москва)
Ашмарина С.И. (Самарский государственный экономический университет, г. Самара)
Буренко В.И. (Московский гуманитарный университет, г. Москва)
Ваганова О.В. (Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород)
Волох В.А. (Государственный университет управления, г. Москва)
Грошев И.В. (Научно-исследовательский институт образования и науки, г. Москва)
Филлипп Джордж (Ксавьерский институт менеджмента и предпринимательства, Индия)
Егоршин А.П. (Нижегородский институт экономики и менеджмента,
г. Нижний Новгород)
Зайцев А.Г. (Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, г. Орел)
Иванова О.П. (Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород)
Коротков Э.М. (Государственный университет управления, г. Москва)
Латфуллин Г.Р. (Государственный университет управления, г. Москва)
Линник В.Ю. (Государственный университет управления, г. Москва)
Морозова Е.Г. (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва)
Мюллер-Штевенс Г. (Международный институт менеджмента Университета Санкт-Галлена, Швейцария)
Перетти Жан-Мари (Высшая школа экономики и коммерции Парижа (ESSEC) и Университета Корсики, Франция)
Першуков В.А. (Российская академия естественных наук, г. Москва)
Плахин А.Е. (Уральский государственный экономический университет,
г. Екатеринбург)
Попова Е.В. (Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, г. Краснодар)
Райченко А.В. (Государственный университет управления, г. Москва)
Романов Р.М. (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва)
Руденко М.Н. (Пермский государственный исследовательский университет, г. Пермь)
Сакульева Т.Н. (Государственный университет управления, г. Москва)
Святов С.А. (АО ForteBank, АО «Университет Нархоз», Казахстан)
Синг Анеш (Университет Квазулу-Наталь, ЮАР)
Сороко А.В. (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва)
Уколов В.Ф. (Московская международная высшая школа бизнеса «МИРБИС» (Институт), г. Москва)
Федченко А.А. (Воронежский государственный университет, г. Воронеж)
Хорин А.Н. (Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, г. Москва)
Чудновский А.Д. (Государственный университет управления, г. Москва)
Шабров О.Ф. (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва)
Шамшиев Ч.Б. (Центр экономических исследований университета Париж VIII, Франция)
Шольц Маркус (Школа бизнеса Университета Пфорцхайм, Германия)
Шомова С.А. (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва)
Щербинин А.И. (Томский государственный университет, Институт политических исследований, г. Томск)
Эриашвили Н.Д. (Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Государственный университет управления, г. Москва)
Язев В.А. (Азиатская парламентская ассамблея, г. Москва)
Яковлев А.Ю. (Центр исследования проблем государственного управления Института экономики РАН, г. Москва)
Яковлева Н.О. (Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск)

© ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», 2025

Главный редактор
Грошев И.В. – д-р экон. наук, д-р психол. наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Заместители главного редактора:
Линник В.Ю. – д-р экон. наук
Сакульева Т.Н. – канд. экон. наук
Чудновский А.Д. – д-р экон. наук

Ответственный за выпуск
Алексеева Л.Н.
Редактор
Капарчук А.Д.
Выпускающий редактор и компьютерная верстка
Гусева Е.А.
Технический редактор
Волкова А.Р.

Миссия журнала – формирование международного уровня представления научных исследований и информации об управлении.

Тематические направления публикаций: государственное и муниципальное управление; межотраслевой менеджмент; управление в сфере экономики: проблемы и перспективы; управление процессами; информационные технологии в управлении; вызовы и угрозы; политический дискурс.

Целевая аудитория журнала – экономисты-исследователи, ведущие практики, руководители федеральных и региональных органов власти, топ-менеджеры и аналитики, преподаватели и студенты вузов.

Журнал входит в Единый государственный перечень научных изданий – «Белый список», уровень 2.

Журнал входит в Перечень ВАК (К2) рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по направлениям:
– 5.2.1 «Экономическая теория (экономические науки)»;
– 5.2.2 «Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (экономические науки)»;
– 5.2.3 «Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)»;
– 5.2.4 «Финансы (экономические науки)»;
– 5.2.5 «Мировая экономика (экономические науки)»;
– 5.2.6 «Менеджмент (экономические науки)»;
– 5.5.1 «История и теория политики (политические науки)»;
– 5.5.2 «Политические институты, процессы, технологии (политические науки)»;
– 5.5.3 «Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)»;
– 5.5.4 «Международные отношения (политические науки)».

Статьи доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/), согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этих статей на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с правилами научного цитирования.

Подписано в печать 29.12.2025
Формат 60x90/8
Объем 14,5 печ. л.
Бумага офсетная
Тираж 1 000 экз.
(первый завод 25 экз.)
Заказ № 253_Т

Издательство: Издательский дом ГУУ (Государственный университет управления), 109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99

Все публикуемые статьи прошли обязательную процедуру рецензирования

Адрес редакции:
109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99
Тел.: (495) 377-90-05
E-mail: ic@guu.ru
http://www.upravlenie.guu.ru

UPRAVLENIE / MANAGEMENT (Russia)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Available in print from 2013
It is published 4 times a year.

Vol. 13 No. 4 / 2025

Founder:
Federal Government Budget Education Institution of Higher Education "State University of Management"
99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542, Russia

Registration mass-media license PI No. FS77-52135 December 11, 2012

Changes have been made to the registration record

Registration number PI No. FS 77-76216 from July 12, 2019

CHAIRMAN OF THE EDITORIAL BOARD

S.Yu. Glaz'ev (Glaziev S.), (Lomonosov Moscow State University, Moscow)

EDITORIAL BOARD

V.Ya. Afanasyev (State University of Management, Moscow)
A.A. Akaev (National Research University Higher School of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow)
S.I. Ashmarina (Samara State University of Economics, Samara)
G.L. Azoev (State University of Management, Moscow)
V.I. Burenko (Moscow University for the Humanities, Moscow)
A.D. Chudnovskii (State University of Management, Moscow)
A.P. Egorshin (Nizhny Novgorod Institute of Economics and Management, Nizhny Novgorod)
N.D. Eriashvili (Academy of the Prosecutor General of the Russian Federation, State University of Management, Moscow)
A.A. Fedchenko (Voronezh State University, Voronezh)
I.V. Groshev (Research Institute of Education and Science, Moscow)
O.P. Ivanova (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod)
A.N. Khorin (Lomonosov Moscow State University, Moscow)
E.M. Korotkov (State University of Management, Moscow)
G.R. Latfullin (State University of Management, Moscow)
V.Yu. Linnik (State University of Management, Moscow)
E.G. Morozova (Russian Presidental Academy of National Economy and Public Administration, Moscow)
G. Müller-Stewens (International Institute of Management at San-Gallen University, Switzerland)
J.M. Peretti (Higher School of Economics and Commerce Paris (ESSEC) and the Corsica University, France)
V.A. Pershukov (Russian Academy of Natural Sciences, Moscow)
A.E. Plakhin (Ural State University of Economics, Yekaterinburg)
E.V. Popova (Kuban State Agrarian University, Krasnodar)
J. Philip (Xavier Institute of Management and Entrepreneurship, India)
A.V. Raichenko (State University of Management, Moscow)
R.M. Romanov (Russian Presidental Academy of National Economy and Public Administration, Moscow)
M.N. Rudenko (Perm State University, Perm)
T.N. Sakul'eva (State University of Management, Moscow)
Marcus Scholz (Business School at Pforzheim University, Germany)
O.F. Shabrov (Russian Presidental Academy of National Economy and Public Administration, Moscow)
Ch.B. Shamshiev (Center for Economic Research, University Paris, France)
A.I. Shcherbinin (Tomsk State University, Institute for Political Studies, Tomsk)
S.A. Shomova (National Research University Higher School of Economics, Moscow)
A.M. Singh (University KwaZulu-Natal, SAR)
A.V. Soroko (Russian Presidental Academy of National Economy and Public Administration, Moscow)
S.A. Svyatov (JSC ForteBank, JSC University of Narchos, Kazakhstan)
V.F. Ukolov (Moscow International Higher School of Business MIRBIS (Institute), Moscow)
O.V. Vaganova (Belgorod State University, Belgorod)
V.A. Volokh (State University of Management, Moscow)
V.A. Yazev (Asian Parliamentary Assembly, Moscow)
A.Yu. Yakovlev (Center for Public Administration Research, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow)
N.O. Yakovleva (South Ural State University, Chelyabinsk)
A.G. Zaitsev (Orel State University named after I.S. Turgenev, Orel)

© State University of Management, 2025

Editor-in-chief
I.V. Groshev – Dr. Sci. (Econ.), Dr. Sci. (Psy.), Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation

Deputy editors-in-chief
V.Yu. Linnik – Dr. Sci. (Econ.)
T.N. Sakul'eva – Cand. Sci. (Econ.)
A.D. Chudnovskii – Dr. Sci. (Econ.)

Responsible for issue
L.N. Alekseeva
Editor
A.D. Kaparchuk
Executive editor and desktop publishing
E.A. Guseva
Technical editor
A.R. Volkova

The journal's mission is to create an international level of scientific research and management information.
Thematic areas of publications: state and municipal administration; intersectoral management, management in the economy: problems and prospects; process management; information technology in management; challenges and threats; political discourse.

The journal target audience are research economists, leading practitioners, heads of federal and regional authorities, top managers and analysts, teachers and university students.

The journal is included in the Unified State List of Scientific Publications named the White List, level 2.

The journal is included in the list of Higher Attestation Commission (VAK K2) (Russian Federation) of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of dissertations on competition of a scientific degree of candidate of sciences and on competition of a scientific degree of doctor of sciences must be published in the fields:
– 5.2.1 "Economic theory (economic sciences)";
– 5.2.2 "Mathematical, statistical and instrumental methods in economics (economic sciences)";
– 5.2.3 "Regional and sectoral economics (economic sciences)";
– 5.2.4 "Finance (economic sciences)";
– 5.2.5 "World economy (economic sciences)";
– 5.2.6 "Management (economic sciences)";
– 5.5.1 "History and theory of politics (political sciences)";
– 5.5.2 "Political institutions, processes, technologies (political sciences)";
– 5.5.3 "Public administration and sectoral policies (political sciences)";
– 5.5.4 "International relations (political sciences)".

The articles are available under the Creative Commons Attribution 4.0 International CC BY 4.0, according to which unlimited distribution and reproduction are possible in any medium. The author's name, references and orginal sources have to be shown in accordance with scientific citation rules
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Signed to print 29.12.2025
Format 60x90/8
Size is 14,5 printed sheets
Offset paper
Circulation 1,000 copies
(the first factory 25 copies)
Print order № 253_T

Publishing: State University of Managment, Publishing house
99 Ryazansky prospekt, Moscow, 109542, Russia

All published articles have undergone a mandatory review process

Editor office:
99 Ryazansky prospekt, Moscow, 109542, Russia, State University of Management
Tel.: (495) 377-90-05
E-mail: ic@guu.ru
http://www.upravlenie.guu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Молодежный и образовательный туризм – значимый инструмент социализации молодежи и фактор современного культурного воспроизводства
Строев В.В., Михайлов Н.Н., Грошев И.В., Давыдова Ю.А. *5*

Экономические и экологические аспекты сотрудничества между Российской Федерации и Китаем в условиях западных санкций
Толоконникова Е.В., Смирнов Е.Н. *14*

МЕЖОТРАСЛЕВОЙ МЕНЕДЖМЕНТ

Комплексная технико-экономическая оценка конкурирующих возобновляемых источников и перспектив развития зеленой энергии во Вьетнаме
Нгуен М.Ф., Пономаренко Т.В., Нгуен В.Т. *26*

Государственное регулирование социального развития сельских территорий Российской Федерации
Такмакова Е.В., Зайцев А.Г., Карелина Е.А., Канунникова А.М. *40*

УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Финансовые аспекты импортозамещения и формирование новых региональных кластеров
Вагин С.Г. *51*

Институциональные аспекты инновационного развития Российской Федерации в современных условиях
Валишвили М.А. *62*

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССАМИ

Экономическая эффективность использования дронов в растениеводстве
Карелина М.Ю., Бухарина И.Л., Белоусова М.Н., Белоусов В.А. *72*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Государственная молодежная политика и формирование политической идентичности: между традицией и инновацией
Гончарова И.В., Ницевич В.Ф., Черепов В.М. *81*

Особенности государственного управления коллективными политическими предпочтениями в Российской Федерации
Злотникова Е.В., Неволин Б.С., Ницевич В.Ф. *92*

Государственная национальная политика Российской Федерации в меняющемся мире: ресурсы, законодательство, мегатренды
Зорин В.Ю., Каменских М.С., Волох В.А. *106*

CONTENTS

STATE AND MUNICIPAL ADMINISTRATION

Youth and educational tourism is an important tool for youth socialization and a factor of modern cultural reproduction
V.V. Stroev, N.N. Mikhailov, I.V. Groshev, Yu.A. Davydova *5*

Economic and ecological aspects of cooperation between Russia and China under Western sanctions
E.V. Tolokonnikova, E.N. Smirnov *14*

MANAGEMENT IN VARIOUS INDUSTRIES

Comprehensive technical and economic assessment of competing renewable sources and prospects for green energy development in Vietnam
M.P. Nguyen, T.V. Ponomarenko, V.T. Nguyen *26*

State regulation of social development in rural territories in Russia
E.V. Takmakova, A.G. Zaitsev, E.A. Karelina, A.M. Kanunnikova *40*

MANAGEMENT IN ECONOMY: PROBLEMS AND PROSPECTS

Financial aspects of import substitution and new regional clusters formation
S.G. Vagin *51*

Institutional aspects of Russia's innovative development in modern conditions
M.A. Valishvili *62*

PROCESS MANAGEMENT

Economic efficiency of using drones in plant growing
M.Yu. Karelina, I.L. Bukharina, M.N. Belousova, V.A. Belousov *72*

POLITICAL DISCOURSE

State youth policy and political identity formation: between tradition and innovation
I.V. Goncharova, V.F. Nitsevich, V.M. Cherepov *81*

Peculiarities of state management of collective political preferences in Russia
E.V. Zlotnikova, B.S. Nevolin, V.F. Nitsevich *92*

Russia's state national policy in a changing world: resources, legislation, megatrends
V.Yu. Zorin, M.S. Kamenskikh, V.A. Volokh *106*

УДК 338.482.22 JEL L83 DOI https://doi.org/10.26425/2309-3633-2025-13-4-5-13
Получено: 16.10.2025 Статья доработана после рецензирования: 11.12.2025 Принято: 18.12.2025

Молодежный и образовательный туризм – значимый инструмент социализации молодежи и фактор современного культурного воспроизводства

Строев Владимир Витальевич[1]
Д-р экон. наук, ректор
ORCID: 0000-0003-2887-1767, e-mail: vstroev@yandex.ru

Михайлов Николай Николаевич[1]
Канд. географ. наук, временно исполняющий обязанности проректора
ORCID: 0009-0002-3482-4019, e-mail: nn_mikhaylov@guu.ru

Грошев Игорь Васильевич[1]
Д-р экон. наук, д-р психол. наук, глав. науч. сотр.
ORCID: 0000-0002-7212-6409, e-mail: aus_tgy@mail.ru

Давыдова Юлия Александровна[2]
Канд. психол. наук, зам. директора по связям с общественностью
ORCID: 0009-0008-2372-7276, e-mail: ua_davidova@mail.ru

[1]Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия
[2]Научно-исследовательский институт образования и науки, 123056, Электрический пер., 10, г. Москва, Россия

Аннотация

Рассмотрен молодежный и образовательный туризм через призму социализации молодежи как инструмент современного культурного воспроизводства. Исследование опирается на сочетание различных подходов, таких как деятельностный, аксиологический, институциональный и проектный. Отдельным аспектом является анализ ценностного подхода с целью осмысления молодежного туризма как средства трансляции и интериоризации ценностей, значимых для личности, общества и государства. Он позволил прийти к заключению о том, что туризм является пространством, где закрепляются базовые культурные и социальные ценности (патриотизм, толерантность, коллективизм и др.) и это органично соотносится со стратегическими приоритетами государственной молодежной политики Российской Федерации. В качестве вывода указано, что молодежно-образовательный туризм представляет собой сложный социокультурный феномен, объединяющий образовательные, аксиологические и идентификационные функции, является уникальным социальным инструментом, соединяя в себе образовательную, воспитательную и культурную составляющие, важнейшим направлением формирования «человеческого капитала» молодого поколения, способствуя подготовке активных, социально ответственных граждан, умеющих не только усваивать, но и транслировать ценности, значимые для российского общества. Кроме того, туризм выполняет функцию инструмента «мягкой силы», обеспечивающей продвижение национальных ценностей и формирование позитивного образа страны в межгосударственном пространстве, и выступает уникальным пространством интеграции действия, общения и переживания, где формируются не только знания и навыки, но и способы соотнесения личности с культурой, обществом и государством.

Ключевые слова: идентичность, личность, молодежный туризм, молодежь, образовательный туризм, патриотизм, подход, потенциал, социализация, ценности, ценностный подход

Для цитирования: Строев В.В., Михайлов Н.Н., Грошев И.В., Давыдова Ю.А. Молодежный и образовательный туризм – значимый инструмент социализации молодежи и фактор современного культурного воспроизводства//Управление. 2025. Т. 13. № 4. С. 5–13. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-4-5-13

© Строев В.В., Михайлов Н.Н., Грошев И.В., Давыдова Ю.А., 2025.
Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная
http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Received 16.10.2025 Revised 11.12.2025 Accepted 18.12.2025

Youth and educational tourism is an important tool for youth socialization and a factor of modern cultural reproduction

Vladimir V. Stroev[1]
Dr. Sci. (Econ.), Rector
ORCID: 0000-0003-2887-1767, e-mail: vstroev@yandex.ru

Nikolay N. Mikhailov[1]
Cand. Sci. (Geogr.), Acting Vice-Rector
ORCID: 0009-0002-3482-4019, e-mail: nn_mikhaylov@guu.ru

Igor V. Groshev[1]
Dr. Sci. (Econ.), Dr. Sci. (Psy.), Chief Researcher
ORCID: 0000-0002-7212-6409, e-mail: aus_tgy@mail.ru

Yulia A. Davydova[2]
Cand. Sci. (Psy.), Deputy Director of Public Relations
ORCID: 0009-0008-2372-7276, e-mail: ua_davidova@mail.ru

[1]State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia
[2]Research Institute of Education and Science, Elektrichesky pereulok, 10, Moscow 123056, Russia

Abstract

Youth and educational tourism has been considered through the prism of youth socialization as a tool of modern cultural reproduction. The research is based on a combination of different approaches, such as activity-based, axiological, institutional, and project-based. A separate aspect of the study is a value-based approach analysis carried out in order to understand youth tourism as a means of translating and internalizing values important to individual, society, and state. Tourism is a space where basic cultural and social values (patriotism, tolerance, collectivism, etc.) are consolidated, and this organically correlates with the strategic priorities of the state youth policy in Russia. As a conclusion, it has been indicated that youth and educational tourism is a complex socio-cultural phenomenon that combines educational, axiological, and identification functions. It is a unique social tool, combining educational and cultural components, the most important direction of forming human capital of the younger generation, contributing to training active and socially responsible citizens who can not only to assimilate, but also to convey values that are significant for Russian society. In addition, tourism serves as a tool of soft power, ensuring the national values promotion and forming a positive image of the country in the interstate space, and acts as a unique space for integrating action, communication, and experience, where not only knowledge and skills are formed, but also ways of relating individual to culture, society, and the state.

Keywords: identity, personality, youth tourism, youth, educational tourism, patriotism, approach, potential, socialization, values, value approach

For citation: Stroev V.V., Mikhailov N.N., Groshev I.V., Davydova Yu.A. (2025). Youth and educational tourism is an important tool for youth socialization and a factor of modern cultural reproduction. *Upravlenie / Management (Russia)*, 13 (4), pp. 5–13. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-4-5-13

© Stroev V.V., Mikhailov N.N., Groshev I.V., Davydova Yu.A., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение / Introduction

В контексте настоящего исследования социализация понимается как процесс интериоризации индивидом социальных ролей, норм, ценностей и практик, формирующий его социальную идентичность и агенность в обществе. В этом контексте молодежный и образовательный туризм, в особенности его организованные, коллективные и образовательные формы, выступающие в качестве не пассивной рекреации, а активной социальной практики, можно рассматривать как механизм социализации современной молодежи. Именно посредством этих форм и социальных практик молодые люди усваивают коллективные нормы, развивают компетенции взаимодействия и конструируют как личностные, так и групповые идентичности. Данная позиция находит подтверждение в обзорных работах по психологии и социологии туризма, трактующих его как специфическое поле социально-психологических отношений и обмена между индивидом, сообществами и институциями [Лысикова, 2008].

Теоретическое осмысление этого процесса должно опираться не только на междисциплинарный социально-психолого-педагогический анализ, но и на социокультурный и деятельностный подход. С одной стороны, в русле социокультурной теории Л.С. Выготского усвоение знаковых и инструментальных средств культуры происходит через социальное взаимодействие [Огольцова, Мамлиева, Сысолетина, 2023]. В прикладном аспекте это означает, что в условиях туристской деятельности молодые люди получают доступ к «культурным инструментам» (языку описания, картографии, ритуалам, практическим навыкам), которые опосредуют их развитие и социализацию. С другой стороны, деятельностный подход, развиваемый в современных социальных науках, предлагает рассматривать туризм как устойчивую социальную практику, объединяющую материальные артефакты, практические компетенции и разделяемые смыслы [Леонтьев, 2005]. Именно через регулярное воспроизводство таких практик происходит формирование устойчивых навыков и привитие коллективных норм как фактора, отражающего культурное воспроизводство.

Материалы и методы исследования / Research materials and methods

При проведении исследования авторы руководствовались изложенными в трудах отечественных и зарубежных ученых концептуальными основами междисциплинарного социально-психолого-педагогического анализа молодежного и образовательного туризма. Информационными источниками для исследования послужили интернет-ресурсы, открытые данные официальных сайтов, а также научные источники академической литературы.

В качестве методологической основы исследования использованы общенаучные методы и подходы: деятельностный, аксиологический, институциональный и проектный. Отдельными методами исследования явились ценностный и социокультурный подходы, а также использование нормативно-правовых и программных документов Российской Федерации (далее – РФ, Россия) и профильных министерств в сфере туризма и молодежной политики.

Используемые подходы позволили выстроить целостную методологию исследования молодежного туризма, в которой антропологическая логика ритуала, социологическое понимание habitus и педагогическая теория деятельностного обучения образуют взаимодополняющую систему.

Ключевые механизмы социализации в молодежно-образовательном туризме / Key mechanisms of socialization in youth and educational tourism

Ключевые механизмы социализации в молодежно-образовательном туризме могут быть конкретизированы через ряд эмпирически наблюдаемых процессов.

1. Коллективная структура туристической деятельности, предполагающая распределение ролей, обязанностей и включающая определенные элементы самоуправления, способствует усвоению социальных ролей и ответственности [Рожабова, 2020]. В походах участники не только рефлексируют, но и практически отрабатывают определенные функциональные составляющие данного вида деятельности, что соотносится с классическими психолого-педагогическими моделями коллективного воспитания и современными эмпирическими данными о динамике групповых ролей.

2. Ритуалы и символическая составляющая, такие как песни у костра, единая форма, значки или отличительные знаки, служат мощным средством интериоризации групповых норм, создавая эмоциональную привязанность, и формирования ценностей взаимопомощи и равенства. При этом теории, фокусирующиеся на культурной интерпретации опыта, помогают раскрыть, как визуальные и ритуальные практики организуют ценностные смыслы участников [Лихолетов, Почебут, 2008].

3. Инструментальная социализация происходит через обучение практическим навыкам в группе, будь то навигация, техника безопасности или оказание первой помощи [Лихолетов, Почебут, 2008]. Овладение этими компетенциями не только повышает автономию индивида, но и укрепляет доверие к коллективу туристической группы, выступая маркером взрослости и групповой принадлежности.

4. Идеологическая и ценностная социализация осуществляется через нарративы и содержание программ:

посещение памятных мест, встречи с ветеранами и т.д. Тематические маршруты транслируют определенные исторические и моральные нарративы, превращая туризм в канал передачи гражданских ценностей.

5. Значимую роль в молодежно-образовательном туризме играют социальная сеть и социализация в среде сверстников, где поведенческие нормы и моральные ориентиры закрепляются через равноправное общение.

Исследование опирается на сочетание культурно-антропологического, деятельностного, аксиологического, институционального и проектного подходов. Культурно-антропологический подход позволяет интерпретировать туристические практики как ритуализированные формы социализации и коллективного опыта. Деятельностный подход задает анализ молодежного и образовательного туризма как образовательной практики, где ценности усваиваются через действие. Аксиологический подход фиксирует трансляцию/интериоризацию ценностей, институциональный увязывает туризм с нормами и организациями, проектный – с логикой планирования, результата и коллективного распределения ролей.

Современные исследования концептуализируют «туристскую социализацию» как многоступенчатый процесс, включающий предварительное влияние социального контекста, вовлечение в коллективную практику, обучение навыкам и ритуалам и, наконец, рефлексию и интериоризацию норм, ведущую к трансформации идентичности [Степановский, Скляров, 2015]. Эта процессуальная модель находит подтверждение во многих эмпирических исследованиях поведения молодых туристов.

В совокупности используемые подходы позволяют выстроить целостную методологию исследования молодежного туризма, в которой антропологическая логика ритуала, социологическое понимание habitus и педагогическая теория деятельностного обучения образуют взаимодополняющую систему. Туристская практика оказывается пространством, где символическое и телесное, коллективное и индивидуальное соединяются в опыте, порождающем новые формы социальности. Периоды лиминальности, описанные В. Тернером, становятся моментами временной деконструкции привычных ролей и одновременного формирования новых идентичностей через участие, трудовую деятельность и взаимопомощь. В этом смысле социализация в процессе туристической деятельности представляет собой не только процесс адаптации к социальным нормам, но и поле идентификационной трансформации, где человек переживает себя как часть сообщества и культуры. Такая интерпретация позволяет рассматривать молодежно-образовательный туризм как лабораторию становления гражданской и культурной идентичности, а не просто как средство воспитания или досуга.

В современной гуманитарной науке категория «идентичность» приобрела статус междисциплинарного понятия в политологии, социологии, культурологии, психологии и педагогике. Разнообразие исследовательских традиций предопределяет множественность трактовок данного феномена. Идентичность трактуется не как раз и навсегда данная характеристика, а как динамический процесс самоопределения личности в системе социальных отношений, которая включает осознание собственной принадлежности к определенным сообществам и одновременно – выделение различий по отношению к другим группам. Иными словами, идентичность опирается на комплекс устойчивых характеристик, ценностей и моделей поведения, но при этом остается подвижной и способной к трансформации в изменяющемся социально-культурном контексте.

В отечественной научной и правовой традиции категория «идентичность» рассматривается не только как психологический или культурологический феномен, но и как важнейший элемент политико-правовой системы. В ряде нормативно-правовых актов акцентируется институциональное измерение идентичности: она понимается как совокупность духовно-нравственных, культурных и правовых ценностей, определяющих целостность нации и устойчивость общественного развития.

Идентичность в контексте молодежного и образовательного туризма может рассматриваться как результат сочетания индивидуальной рефлексии и коллективного опыта, возникающего в ходе совместных практик (походов, экспедиций, образовательных туров). Именно здесь формируются устойчивые представления о себе, своей группе и месте в обществе, что делает туризм значимым инструментом социализации и культурного воспроизводства.

Ценностный подход как средство трансляции и интериоризации ценностей, значимых для личности, общества и государства / A value-based approach as a means of transmitting and internalizing values significant for individuals, society, and state

Ценностный подход занимает важное место в теоретико-методологическом осмыслении молодежного туризма, так как позволяет рассматривать его не только как сферу досуга или экономической активности, но и как средство трансляции и интериоризации ценностей, значимых для личности, общества и государства. С точки зрения аксиологического анализа туризм является пространством, где закрепляются базовые культурные и социальные ценности: патриотизм, коллективизм, толерантность, уважение к культурному наследию, экологическая ответственность. По мнению отечественных исследователей, идентичность и ценностные ориентации выступают системообразующими факторами национального единства [Тишков,

2019]. Туризм в данном случае выполняет функцию «практической аксиологии» – ценности не только декларируются, но и проживаются в опыте. Коллективные походы, экспедиции и образовательные туры становятся ситуациями, где ценности превращаются в повседневную норму поведения.

Туристская деятельность, будучи сложным социальным психолого-педагогическим феноменом, представляет собой эффективную систему формирования ценностных установок молодежи, функционирующую через ряд взаимосвязанных ключевых механизмов, одним из которых является механизм, реализуемый через коллективные практики. Совместное преодоление бытовых и маршрутных трудностей, необходимость распределения ролей и ответственности за общее дело, а также постоянная взаимопомощь и солидарность в рамках туристской группы создают уникальную воспитательную среду. В этой среде ценности коллективизма, взаимного доверия и кооперации не декларируются извне, а естественным образом присваиваются через непосредственный опыт совместной деятельности, формируя устойчивые поведенческие и мировоззренческие паттерны.

Другим значимым механизмом выступает историко-культурное содержание маршрутов. Знакомство с памятниками истории и архитектуры, посещение музеев и, что особенно значимо, участие в мемориальных практиках и церемониях превращают абстрактное знание о прошлом в личностно пережитый опыт и фактор культурного воспроизводства в современных условиях. Этот эмоционально насыщенный процесс способствует воспитанию уважения к культурному наследию и историческим традициям, закладывая основы для формирования осознанного патриотического чувства, связывающего личную идентичность с коллективной памятью и судьбой страны.

Важную ценностно-формирующую функцию несет в себе экологический компонент туризма. Непосредственное освоение природных территорий, наблюдение за хрупкостью экосистем в сочетании с практикой ответственного поведения на маршруте (соблюдение принципов «не оставлять следов», забота о чистоте лесов и водоемов) способствует интериоризации ценностей бережного и уважительного отношения к окружающей среде. Туризм в данном контексте становится действенным инструментом экологического воспитания и формирования экологической культуры как неотъемлемой части мировоззрения современного человека.

Наконец, механизм интеркультурного взаимодействия активируется в рамках международных молодежных экспедиций и проектов. Непосредственный контакт с представителями иных культур, совместное решение задач и преодоление коммуникативных барьеров способствуют разрушению стереотипов и развитию таких ценностных установок, как толерантность, открытость к диалогу и уважение к культурному разнообразию. Этот опыт формирует готовность к конструктивному взаимодействию в современном многополярном мире, выступая основой для воспитания граждан в поликультурном сообществе.

Ценностный потенциал молодежно-образовательного туризма органично соотносится со стратегическими приоритетами государственной молодежной политики России. В ряде ключевых нормативных документов последних лет туризм рассматривается как часть более широкой системы воспитания и социализации подрастающего поколения. В частности, Концепция развития туризма в Российской Федерации фиксирует важность социального и образовательного туризма как сферы, обеспечивающей формирование ценностных установок у молодежи. Туризм определяется не только как экономическая отрасль, но и как механизм формирования патриотизма и гражданской идентичности, духовно-нравственных ориентиров, культурного обмена, воспитания гражданских и экологических норм, социальной ответственности, экологического сознания, укрепления межрегиональных и международных связей.

Туризм оказывается уникальным социальным инструментом, поскольку соединяет в себе образовательную, воспитательную и культурную составляющие. В отличие от формального образования, где ценности чаще транслируются через знания и нормы, туристская деятельность закрепляет их в практическом опыте. Молодежь не просто слышит о патриотизме или экологической культуре, а проживает их в конкретных ситуациях, будь то участие в экспедиции, походе выходного дня или международном обмене. Именно поэтому в современной государственной политике молодежный и образовательный туризм рассматривается как важнейшее направление формирования «человеческого капитала» молодого поколения, способствуя подготовке активных, социально ответственных граждан, умеющих не только усваивать, но и транслировать ценности, значимые для российского общества.

Сопоставление формального образования и молодежного туризма позволяет выявить их различия и взаимодополняющий характер в процессе формирования ценностей. В системе образования ценности, как правило, транслируются в форме знаний и норм, закрепленных в учебных программах, дисциплинах и текстах. Туризм обращается к иному механизму: он реализует ценностные установки через практическое действие.

Методы освоения ценностей также имеют различную специфику. В образовании преобладает когнитивный канал: ценности усваиваются преимущественно через рациональное осмысление и формулировку норм. Туризм задействует деятельностный и эмоциональный каналы: ценности не только осознаются,

но и проживаются в опыте, закрепляясь через реальные ситуации взаимодействия. Это обеспечивает более глубокую интериоризацию и устойчивость ценностных установок.

Различается и социальная среда, в которой осуществляется социализация. В образовательных учреждениях она строится в относительно формализованной обстановке лекционных, групповых и практических занятий, где взаимодействие подчинено институциональным правилам. Туристская группа, напротив, функционирует как «малое общество», основанное на самоуправлении, взаимной ответственности и доверии. Здесь каждый участник имеет значимую роль для реализации целеполагания общего дела, что усиливает воспитательный эффект.

Не менее важен эмоциональный фактор. Формальное образование лишь частично учитывает эмоциональную сферу воспитания, делая акцент преимущественно на когнитивной составляющей. Туризм, напротив, насыщен эмоциями.

Наконец, ключевое различие проявляется в характере среды. Образование во многом готовит к будущей профессиональной и социальной жизни через символические формы деятельности и репетицию социальных ролей. Туризм создает реальную практико-ориентированную среду, где молодежь сталкивается с конкретными ситуациями выбора, ответственности и коллективного действия. Именно эта практичность придает туризму особую значимость как инструменту формирования гражданских, нравственных и культурных ценностей.

В современной науке и практике государственной политики туризм рассматривается как инструмент «мягкой силы» (англ. soft power), обеспечивающий продвижение национальных ценностей и формирование позитивного образа страны в межгосударственном пространстве. Концепт «мягкой силы», введенный Дж. Найем, подразумевает способность государства добиваться влияния не через принуждение или экономическое давление, а посредством культурной привлекательности, идей и ценностей [Наумов, 2021]. Таким образом, туризм выступает важнейшим каналом трансляции культурного кода и символической идентичности государства.

Молодежный туризм, в особенности образовательный, занимает в данном процессе особое место. С одной стороны, он способствует социализации и гражданскому воспитанию внутри страны, формируя у молодых людей чувство сопричастности к национальной истории, культуре и природе, а с другой – является средством культурной дипломатии, так как через международные студенческие обмены, молодежные экспедиции и проекты межкультурного взаимодействия транслируется образ России как открытого, современного и инновационного государства.

Для внутренней политики молодежный туризм выполняет функцию укрепления национальной идентичности и консолидации общества вокруг базовых ценностей. Патриотические походы, экспедиции, программы краеведческого и историко-культурного туризма не только расширяют кругозор, но и формируют эмоционально окрашенное восприятие своей страны. Через «проживание» исторических событий в туристско-экскурсионной практике, участие в благоустройстве памятников, изучение традиций регионов закрепляется связь личности с национальным культурным пространством.

Во внешней политике образовательный туризм превращается в форму «народной дипломатии». Международные молодежные форумы, обменные поездки, совместные экспедиции способствуют установлению устойчивых контактов между молодыми людьми разных стран. Здесь реализуется принцип «диалога культур», где ценности и культурные смыслы не навязываются, а передаются в ходе совместного взаимодействия [Библер, 1991; Лотман, 2000]. Такой формат коммуникации укрепляет доверие и снижает вероятность конфликтов, что делает туризм эффективным инструментом внешнеполитического влияния.

Влияние цифровизации на молодежно-образовательный туризм / The impact of digitalization on youth and educational tourism

Современный этап развития молодежного и образовательного туризма как инструмента социализации и воспитания молодежи все более активно связан с процессами цифровизации и взаимодействует с цифровыми технологиями, что приводит к появлению новых форм культурного посредничества и образовательных практик. Одним из ключевых проявлений цифровизации выступает использование технологий виртуальной (далее – VR) и дополненной реальности (далее – AR). Эти инструменты позволяют расширить пространство туристского опыта, делая возможным «погружение» в исторические эпохи, посещение труднодоступных объектов или моделирование будущих маршрутов. Для молодежи VR- и AR-форматы становятся не только средством развлечения, но и способом осмысленного познания, поскольку повышают уровень вовлеченности, формируют интерес к культурному наследию и истории, могут безопасно подготовить к реальным экспедициям.

Не менее важным направлением цифровизации выступает появление цифровых посредников туристского опыта – специализированных платформ и приложений, которые позволяют молодежи участвовать в квестах, краеведческих онлайн-играх, образовательных маршрутах с элементами геймификации. Эти сервисы соединяют в себе обучающий и развлекательный компоненты. Включение элементов геймификации

и социальных сетей обеспечивает эффект «социального туризма онлайн», когда участники делятся впечатлениями и знаниями в цифровом пространстве.

Цифровизация меняет и саму педагогическую логику молодежного и образовательного туризма. Если ранее туристский опыт был ограничен физическим присутствием, то сегодня он обретает «гибридную» форму, сочетая реальное путешествие с цифровыми расширениями. Такая модель позволяет рассматривать туризм как часть более широкого образовательного пространства.

Для молодежной политики цифровизация открывает новые возможности:

• расширяет доступность туризма для тех категорий молодежи, которые ограничены в мобильности;

• формирует у студентов цифровые компетенции в связке с практикой познания окружающей экосистемы;

• увеличивает «мягкую силу» России через продвижение культурных и исторических ценностей в цифровом формате для международной молодежной аудитории.

С развитием цифровых технологий и сетевых коммуникаций особое значение в структуре молодежного туризма приобретают онлайн-сообщества, которые становятся не только площадками для обмена информацией, но и полноценными пространствами социализации и формирования идентичности. Применительно к молодежно-образовательному туризму это означает, что молодежь, вступая в онлайн-сообщества, ощущает себя частью «большого путешествия» даже без физического присутствия в конкретной экспедиции. Более того, онлайн-сообщества формируют новые типы коллективного действия, где цифровая коммуникация становится основой реальной практики [Быльева, Лобатюк, 2017]. В контексте молодежного и образовательного туризма это означает, что цифровые платформы позволяют студентам объединяться в клубы по интересам, готовиться к экспедициям и транслировать свои ценности через цифровые медиа.

Наряду с перспективой модернизации молодежного и образовательного туризма цифровизация сопровождается рядом вызовов, которые могут ограничивать воспитательный и образовательный его потенциал. В частности, в условиях цифровой среды существует риск подмены реального опыта «цифровыми имитациями» – виртуальными экскурсиями, VR-путешествиями или игровыми симуляциями, которые не обеспечивают устойчивого формирования межличностных связей и коллективной ответственности. Более того, экспедиционная деятельность и туристский опыт, связанные с процессами цифровизации и с цифровыми технологиями, рискуют редуцироваться до набора «визуальных маркеров» – фотографий достопримечательностей, постов в социальных сетях, коротких заметок. В результате экскурсия или экспедиция теряет свой образовательный и воспитательный характер, превращаясь в элемент «индустрии впечатлений». При этом феномен поверхностного восприятия снижает ценностный потенциал туризма, поскольку препятствует глубокому погружению в историко-культурный контекст. Если традиционно туристская практика связана с исследованием, краеведением и формированием навыков познания, то в условиях цифровизации существует риск свести ее к потреблению фрагментарного контента. Следовательно, поддержание баланса между цифровыми форматами и «живым» исследовательским туризмом позволяет сохранить глубину восприятия и обеспечить воспитательный эффект. В этом отношении перспективна интеграция экспедиционных практик (работа с архивами, ведение дневников, проведение мини-исследований) в цифровую среду, что может стать основой для платформы развития молодежно-образовательного туризма.

Проблема влияния цифровизации на молодежно-образовательный туризм заключается не в отказе от цифровых технологий, а в поиске оптимального баланса между цифровыми и реальными формами туристического опыта. С учетом того, что современное общество строится как «сетевое», исключить цифровой фактор невозможно – напротив, важно встроить его в практики воспитания и социализации, где цифровые инструменты не подменяют личностное взаимодействие, а расширяют его горизонты [Кастельс, 2010].

Цифровизация переводит молодежно-образовательный туризм в гибридный режим, где цифровые посредники опыта расширяют подготовку и рефлексию, а ядром остается экспедиционная деятельность и совместное действие «в поле». Эффекты принципиально амбивалентны: те же технологии, которые открывают доступ и усиливают исследовательскую культуру, при неудачном дизайне питают одиночество, клиповость и подмену участия симуляцией. При таких условиях цифровая среда не ослабляет, а усиливает социализирующий потенциал молодежного и образовательного туризма: формируется сообщество, укрепляются гражданская и культурная идентичности, а «цифровая память» становится инструментом преемственности.

Заключение / Conclusion

Подводя итоги теоретико-методологическому анализу молодежно-образовательного туризма как значимого инструмента социализации молодежи и фактора современного культурного воспроизводства, мы можем заключить, что молодежный туризм представляет собой сложный социокультурный феномен, объединяющий образовательные, аксиологические и идентификационные функции. В его основе лежит деятельностная логика формирования личности, разработанная в отечественной психолого-педагогической традиции и органично дополняемая культурно-

антропологическими и социологическими подходами [Выготский, 2005; Леонтьев, 2005; Рубинштейн, 2015; Ван Геннет, 1999; Бурдье, 2005; Durkheim, 1992; Turner, 1969; Bourdieu, 2000; Бергер, Лукман, 1995].

Цифровое измерение экспедиционной деятельности в рамках молодежного и образовательного туризма усиливает эти функции, создавая пространство коллективной памяти, сетевого взаимодействия и публичного признания результатов. Сообщества участников, формирующиеся в социальных сетях, отражают высокий уровень вовлеченности и эмоциональной сопричастности, что подтверждает значимость цифровой среды как инструмента формирования социального капитала и горизонтальных связей внутри университетской молодежи.

Молодежно-образовательный туризм становится университетской лабораторией гражданского воспитания, где воспроизводятся принципы современной молодежной политики – межведомственность, партнерство, проектная организация деятельности и цифровая открытость. Анкетирование участников не только подтвердило выводы анализа VK-сообщества, но и продемонстрировало внутреннюю устойчивость сообщества, его ценностную сплоченность и высокий потенциал дальнейшего развития. Молодежный и образовательный туризм, являясь фактором современного культурного воспроизводства и значимым инструментом социализации молодежи, выступает уникальным пространством интеграции действия, общения и переживания, где формируются не только знания и навыки, но и способы соотнесения личности с культурой, обществом и государством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум; 1995. 323 с.

Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат; 1991. 413 с.

Бурдье П. Формы капитала. Экономическая социология. 2005;3(6):60–74.

Быльева Д.С., Лобатюк В.В. Смартмоб: социально-философский анализ. Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017;4(8):96–107.

Ван Геннет А. Обряды перехода. М.: Восточная литература; 1999. 200 с.

Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Смысл; 2005. 1136 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Academia; 2005. 352 с.

Лихолетов В.В., Почебут Д.А. Педагогический потенциал туристических походов. Образование и наука. 2008;6(54):102–114.

Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб; 2000. 704 с.

Лысикова О.В. Социокультурные практики туризма: социологический анализ. Саратов: Саратовский государственный технический университет; 2008. 135 с.

Наумов А.О. Концепция «мягкой силы» Джозефа Ная в зарубежном научном дискурсе: интерпретация и критика. Государственное управление. Электронный вестник. 2021;89:122–130.

Огольцова Е.Г., Мамлиева П.В., Сысолетина Э.Ю. Идеи Л.С. Выготского в области воспитания и педагогики. Молодой ученый. 2023;1(448):43–44.

Рожабова К.Э. Молодежный туризм в фокусе социологической рефлексии. Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Socio-Economic Sciences. 2020;6(12):102–110.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер; 2015. 713 с.

REFERENCES

Berger P., Lukman T. Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. Moscow: Medium; 1995. 323 p. (In Russian).

Bibler V.S. From the Science of Science to the Logic of Culture: Two Philosophical Introductions to the Twenty-First Century. Moscow: Politizdat; 1991. 413 p. (In Russian).

Bourdieu P. Forms of Capital. Economic Sociology. 2005;3(6):60–74. (In Russian).

Bourdieu P. Les structures sociales de l'economie. Paris: Seuil; 2000. 289 p.

Bylyeva D.S., Lobatyuk V.V. Smartmob: A Socio-Philosophical Analysis. St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences. 2017;4(8):96–107. (In Russian).

Castells M. The rise of the network society. 2nd ed. Oxford: Wiley-Blackwell; 2010. 597 p.

Durkheim E. Les Formes elementaires de la vie religieuse. Paris: Alcan; 1992. 432 p.

Leontiev A.N. Activity. Conscience. Personality. M.: Academia; 2005. 352 p. (In Russian).

Likholetov V.V., Pochebut D.A. Pedagogical Potential of Tourist Hikes. Education and Science. 2008;6(54):102–114. (In Russian).

Lotman Yu.M. Semiosfera. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb; 2000. 704 p. (In Russian).

Lysikova O.V. Socio-cultural practices of tourism: a sociological analysis. Saratov: Saratov State Technical University Publ. House; 2008. 135 p. (In Russian).

Naumov A.O. Joseph Nye's Concept of Soft Power in Foreign Scientific Discourse: Interpretation and Criticism. Public Administration. Electronic Bulletin. 2021;89:122–130. (In Russian)

Ogoltsova E.G., Mamlieva P.V., Sysoletina E.Y. Vygotsky's ideas in the field of nutrition and pedagogy. Molodoi uchenyi. 2023;1(448):43–44. (In Russian).

Rubinstein S.L. Fundamentals of General Psychology. St. Petersburg: Piter; 2015. 713 p. (In Russian).

Степановский Е.П., Скляров А.В. Социализация в туристском пространстве. Научный вестник Южного института менеджмента. 2015;4:48–52.

Тишков В.А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы. Вестник Российской академии наук. 2019;4(89):408–412.

Bourdieu P. Les structures sociales de l'economie. Paris: Seuil; 2000. 289 p.

Castells M. The rise of the network society. 2nd ed. Oxford: Wiley-Blackwell; 2010. 597 p.

Durkheim E. Les Formes elementaires de la vie religieuse. Paris: Alcan; 1992. 432 p.

Turner V. The Ritual Process: Structure and Anti-Structure. Chicago: Aldine Publishing; 1969. 213 p.

Stepanovsky E.P., Sklyarov A.V. Socialization in the Tourist Space. Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management. 2015;4:48–52. (In Russian).

Tishkov V.A. Russian Identity: Internal and External Challenges. Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2019;4(89):408–412. (In Russian).

Turner V. The Ritual Process: Structure and Anti-Structure. Chicago: Aldine Publishing; 1969. 213 p.

Van Gennet A. Rites of Passage. M.: Vostochnaya literatura; 1999. 200 p. (In Russian).

Vygotsky L.S. Psychology of Human Development. M.: Smysl; 2005. 1136 p. (In Russian).

Rozhabova K.E. Youth tourism in the focus of sociological reflection. Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Socio-Economic Sciences. 2020;6(13):102–110. (In Russian).

УДК 338.24, 504.06 ,621.31 JEL F51, O13, Q25, Q56 DOI https://doi.org/10.26425/2309-3633-2025-13-4-14-25
Получено: 28.10.2025 Статья доработана после рецензирования: 23.12.2025 Принято: 24.12.2025

Экономические и экологические аспекты сотрудничества между Российской Федерацией и Китаем в условиях западных санкций

Толоконникова Екатерина Владимировна
Канд. экон. наук, доц. каф. мировой экономики и международных экономических отношений
ORCID: 0009-0000-9223-8240, e-mail: tolokonnikova1@yandex.ru

Смирнов Евгений Николаевич
Д-р экон. наук, зав. каф. мировой экономики и международных экономических отношений
ORCID: 0000-0002-9325-750, e-mail: smirnov_en@mail.ru

Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия

Аннотация

Рассмотрены эколого-экономические аспекты в условиях западных санкций сотрудничества между Российской Федерацией (далее – РФ) и Китаем, которые были введены против РФ в феврале 2022 г. Изучено влияние экологических факторов на динамику экономического взаимодействия между двумя странами. Проведен анализ объемов торговли в 2023 г., который продемонстрировал изменения в структуре и направлениях торговли, а также адаптацию к новым реалиям. Рассмотрены вопросы, связанные с введением санкций против РФ, изменениями, произошедшими в товарообороте, и их влиянием на экономику двух стран. Исследованы объемы торговли между РФ и Китаем на современном этапе в контексте ужесточения западных санкций против РФ. Обсуждены перспективы развития эколого-экономических отношений, подчеркивающие важность устойчивого развития и совместных усилий в области охраны окружающей среды. Выявлены ключевые тенденции и приведены рекомендации для дальнейшего сотрудничества в рамках текущих экономических вызовов. Исследование основано на данных о внешней торговле и экономических отношениях двух стран, а также на экономических показателях, связанных с санкциями. Проведен анализ динамики объемов торговли, товарной структуры и влияния санкций на обмен товарами и услугами между Китаем и РФ. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что в условиях санкций торговля между РФ и Китаем сохраняет стабильность и даже увеличивается в определенных секторах экономики. Полученные данные могут быть полезными для принятия решений в области международной торговли и экономического сотрудничества.

Ключевые слова: Россия, Китай, санкции, экологические проекты, сотрудничество, зеленые технологии, возобновляемые источники энергии, инвестиции, товарооборот, импорт, экспорт

Для цитирования: Толоконникова Е.В., Смирнов Е.Н. Экономические и экологические аспекты сотрудничества между Российской Федерацией и Китаем в условиях западных санкций//Управление. 2025. Т. 13. № 4. С. 14–25. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-4-14-25

© Толоконникова Е.В., Смирнов Е.Н., 2025.
Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная
http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Received 28.10.2025 Revised 23.12.2025 Accepted 24.12.2025

Economic and ecological aspects of cooperation between Russia and China under Western sanctions

Ekaterina V. Tolokonnikova
Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the World Economy and International Economic Relations Department
ORCID: 0009-0000-9223-8240, e-mail: tolokonnikova1@yandex.ru

Evgenii N. Smirnov
Dr. Sci. (Econ.), Head of the World Economy and International Economic Relations Department
ORCID: 0000-0002-9325-750, e-mail: smirnov_en@mail.ru

State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia

Abstract

The ecological and economic aspects of cooperation between Russia and China have been studied in the context of Western sanctions, which were imposed against Russia in February 2022. The impact of environmental factors on the dynamics of economic interaction between the two countries has been considered. Trade volumes in 2023 have been analyzed, and it demonstrated changes in the structure and directions of trade, as well as adaptation to new realities. The issues related to the imposition of sanctions against Russia, the changes in trade turnover, and their impact on the economies of the two countries have been studied. The trade volume between Russia and China at the present stage in the context of the tightening of Western sanctions against Russia has been considered. The prospects for ecological and economic relations development have been discussed, emphasizing the importance of sustainable development and joint efforts in the environmental protection sphere. Key trends have been identified and recommendations for further cooperation in the context of current economic challenges have been provided. The study is based on data on foreign trade and economic relations between the two countries, as well as economic indicators related to the sanctions. The analysis of the dynamics of trade volumes, commodity structure, and the impact of sanctions on the exchange of goods and services between China and Russia has been carried out. The study results allow for concluding that under the conditions of the sanctions, trade between Russia and China remains stable and even increases in certain sectors of the economy. The data obtained can be useful for decision-making in the sphere of international trade and economic cooperation.

Keywords: Russia, China, imports, sanctions, green technologies, ecological projects, cooperation, renewable energy sources, investments, trade turnover, exports

For citation: Tolokonnikova E.V., Smirnov E.N. (2025). Economic and ecological aspects of cooperation between Russia and China under Western sanctions. *Upravlenie / Management (Russia)*, 13 (4), pp. 14–25. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-4-14-25

© Tolokonnikova E.V., Smirnov E.N., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение / Introduction

Китай и Российская Федерация (далее – РФ, Россия) являются крупнейшими игроками на мировой арене. Россия – это важный поставщик сырья, а Китай – крупнейший экспортер и производитель сырьевых товаров. В структуре экономики данное различие имеет естественную среду для сотрудничества в экономической сфере между двумя странами.

Некоторые исследователи-экономисты полагают, что, поскольку Россия и Китай – это страны с сильной экономикой, они обязаны помогать реформированию системы глобального экономического управления, чтобы она была более честной и прозрачной. Эти страны были важными игроками при становлении мировой экономики и занимали далеко не последнюю роль на арене глобального экономического кризиса. Хотя перспективы экономического сотрудничества огромны между этими странами, они также сталкиваются с определенными проблемами: «С конца 1970-х гг. экономика Китая становится более ориентирована на рынок. В 2010 г. Китай становится самым большим в мире экспортером. Начались реформы с коллективизированного сельского хозяйства и расширились путем постепенной либерализации цен, финансовой децентрализации, увеличения автономии для государственных предприятий, создания разнообразной банковской системы, развития фондовых рынков, быстрого роста частного сектора и повышения открытости к внешней торговле и инвестициям. Китай осуществил реформы постепенно. По мере ускоренного развития китайской экономики ушла в прошлое эра дефицита. Китайский внутренний рынок превращается из рынка продавца в рынок покупателя. Предложение продукции некоторых традиционных отраслей совершенно явно избыточно, рынок перенасыщен, обостряется борьба за выживание, пространство для развития внутри страны ограничено. Отмечается перепроизводство бытовой техники, текстильных изделий, товаров легкой промышленности» [Толоконникова, 2015, с. 3, 2015].

Эколого-экономическое сотрудничество между Китаем и Россией представляет собой значимое направление в современной международной политике и экономике. Обе страны обладают огромными природными ресурсами и стремятся в сфере экономического развития к экологической устойчивости. Сотрудничество охватывает широкий спектр интересов в области экологии, экономики, энергетики и транспорта. В настоящее время оно становится стратегически важным и выступает ключевым элементом для обеспечения устойчивого развития двух стран. Современный мировой экономический контекст претерпевает значительные изменения под воздействием растущих политических и экономических факторов [Торкунова, Мальгина, 2014].

Целью настоящего исследования является проведение анализа объемов торговли между Китаем и Россией с введением западных санкций и влияния западных санкций на их эколого-экономическое сотрудничество, включая изменения в структуре торговли и развитие «зеленых» технологий. Задачами исследования являются изучение динамики торговых отношений в условиях санкций, анализ экологических аспектов сотрудничества и оценка перспектив устойчивого развития.

Гипотеза исследования строится на предположении о стимулировании санкциями углубления сотрудничества в сферах энергетики и экологии, несмотря на институциональные барьеры. Санкции ускорили переориентацию торговых потоков, создали стимулы для экологического сотрудничества, но институциональные барьеры ограничивают его эффективность. Анализ динамики торговых отношений между Россией и Китаем даст возможность оценить их устойчивость к внешнему давлению и выявить потенциальные перспективы для укрепления сотрудничества в условиях сложной геополитической обстановки.

В исследовании применялся комплексный подход, сочетающий количественные и качественные методы анализа:

• статистический анализ – использованы данные Федеральной таможенной службы РФ и General Administration of Customs Китая за 2019–2024 гг., рассчитаны темпы роста товарооборота, долевое распределение по товарным группам (энергоресурсы, машины и оборудование и др.), корреляция между введением санкций и изменением структуры торговли[1,2,3];

• сравнительный анализ – сопоставление динамики инвестиций в «зеленые» технологии (2019–2024 гг.), анализ изменений в структуре экспорта/импорта, оценка влияния экологических стандартов на совместные проекты[4,5];

• case-study – детальное изучение ключевых проектов (гидроэлектростанция на реке Амур, солнечные электростанции в Сибири, газопровод «Сила Сибири»)[6];

[1] Федеральная таможенная служба. Внешняя торговля Российской Федерации. Режим доступа: https://customs.gov.ru/statistic (дата обращения: 26.10.2025).

[2] General Administration of Customs of China. Trade Statistics. Режим доступа: http://english.customs.gov.cn/ (дата обращения: 26.10.2025).

[3] Там же.

[4] Евразийская экономическая комиссия. Статистика взаимной торговли ЕАЭС и Китая. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ (дата обращения: 26.10.2025).

[5] ГОСТ Р 58404-2019. Возобновляемая энергетика. Термины и определения. Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/1200165939 (дата обращения: 26.10.2025).

[6] Проект газопровода «Сила Сибири». Режим доступа: https://www.gazprom.ru/projects/power-of-siberia/ (дата обращения: 26.10.2025).

• контент-анализ – изучение 15 двусторонних соглашений (2015–2024 гг.), анализ национальных программ («Экология» России, Carbon Peak 2030 Китая)[7,8].

Эволюция российско-китайских экономических отношений / The evolution of Sino-Russian economic relations

Отношения между Россией и Китаем претерпевали много изменений, преодолевая разные периоды, от противостояния до сближения. Во всех случаях оба государства приобретали бесценный опыт, который сказывался на формировании внешнеэкономических будущих связей. По мнению современных российских и китайских ученых, взаимодействие экономических отношений между двумя странами развивалось в несколько этапов.

Первый этап принадлежит середине XVII в., когда зарождались интерес к Китаю из России в развитие торгово-экономических связей. В 1618 г. совершена первая поездка представителей России в Китай, чтобы выяснить какие перспективы есть для развития торговли, но Китай неохотно шел на сотрудничество, и только в конце 1680-х гг. приняты Нерченские договоренности. По данному договору устанавливались правила и порядок регулирования торгово-экономических отношений, и 1689 г. можно считать началом официального экономического между Китаем и Россией. Вплоть до 1945 г. сотрудничество носило неформальный характер. Наиболее значимым оно стало после окончания Второй мировой войны, когда был заключен договор об использовании портов Порт-Артур и Дальний, а также железных дорог. Начался новый, значимый, но довольно противоречивый этап в сотрудничестве торговых и внешнеэкономических связей между этими странами. Китаю оказывались помощь от Советского Союза в виде переданной базы в Порт-Артуре, техническая и финансовая поддержка в восстановлении экономики после военных действий.

Следующий значимый этап пришелся на конец 1950-х гг. В то время активные торгово-экономические отношения между Россией и Китаем начали затухать и приобрели конфронтационный характер. Страны не могли согласовать между собой вопросы приоритетов в развитии государств, методов политического и социально-экономического развития. Только после 1990 г. данные проблемы смогли быть урегулированы. Начался шестой этап взаимодействия между двумя странами, который связан с разрешением внутриполитических противоречий. Однако политическая перестройка оказала сильное влияние на социальные проблемы и внутриэкономические противоречия, вследствие чего в Китае были выявлены новые ориентиры, которые должны были использовать рыночные механизмы для выстраивания внешней политики и решения внутренних проблем при сохранении руководящей роли Коммунистической партии. Решение данных проблем для Советского Союза закончилось распадом страны. Развитие торговых отношений с 1992 г. усилилось, знаменуя начало конструктивного упорядочения торгово-экономических связей между Россией и Китаем.

С начала 2000-х гг. обе страны активно развивали сотрудничество в области экологии и охраны природы. Китай и Россия подписали ряд соглашений, направленных на улучшение состояния окружающей среды, а также предотвращение загрязнения и сокращение выбросов парниковых газов. Они также работали над реализацией совместных проектов по сохранению биоразнообразия и охране уникальных экосистем [Щенин, Поляков, 2014].

Седьмой этап берет свое начало в 2001 г., когда в России были созданы условия для реализации интеграционного потенциала стратегического партнерства между ней и Китаем. 16 июня 2001 г. была образована Шанхайская организация сотрудничества (далее – ШОС), в состав которой вошли также Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан, и был подписан двусторонний документ, который и в настоящее время позволяет реализовать стратегическое взаимодействие между странами. Дальнейшее сотрудничество между странами во всех направлениях движется по нарастающей. С 2006 г. поочередно в странах проводятся различные мероприятия для укрепления торгово-экономических связей, реализуются совместные инвестиционные проекты, межрегиональное сотрудничество: 2006 г. был обозначен как Год России в Китае, 2007 г. – Годом Китая в России, 2009 г. – Год русского языка в Китае, 2010 г. – Год китайского языка в России, 2012 г. – Год российского туризма в Китае, 2013 г. – Год китайского туризма в России.

В 2010 г. Китай вышел на первое место по показателям объемов торгового оборота для России: «В настоящее время Китай лидирует в мире по добыче угля, железных, свинцовоцинковых, марганцевых и вольфрамовых руд, а также древесины; является крупнейшим в мире производителем чугуна, кокса алюминия, стали и стальных труб, олова, цинка, никеля, радиоприемников и мобильных телефонов, телевизоров, стиральных и швейных машин, велосипедов, мотоциклов, удобрений, хлопчатобумажных и шелковых тканей, цемента, обуви, мяса, картофеля и пшеницы, хлопка, риса, табака, яблок, овощей, шелковичных коконов; имеет крупнейшие в мире

[7] Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 302 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Экология”». Режим доступа: http://government.ru/docs/11740/ (дата обращения: 26.10.2025).

[8] Action Plan for Carbon Dioxide Peaking Before 2030 (Китай, 2021). Режим доступа: https://www.gov.cn/zhengce/content/2021-10/26/content_5644984.htm (дата обращения: 26.10.2025).

поголовья птицы, свиней, овец, коз, лошадей и яков, а также лидирует по вылову рыбы. Также Китай является крупнейшим мировым автопроизводителем. На территории Китая ведется добыча нефти, редкоземельных металлов, газа, урана. На 2010 г. промышленность и строительство составили 46,8 % валового внутреннего продукта (далее – ВВП) Китая. В 2010 г. Китай произвел 19,8 % продукции обрабатывающей промышленности в мире и стал самым крупным производителем в мире, отодвинув Соединенные Штаты Америки (далее – США) на второй план, которое занимало лидирующую позицию около 100 лет. Главные отрасли промышленности включают горную промышленность, производство стали и железа, переработку руды, производство одежды, текстиля, вооружения, цемента, нефти, химическую промышленность, машиностроение, производство вооружения, удобрений, самолеты и суда, потребительских товаров, игрушки и т.д. Китай стал привлекательным местом для построения заводов. Повышению занятости и доходов способствовал рост производства. Государственный сектор в промышленности составляет около 30 % ВВП. Власти уделяли большое внимание управлению государственными активами на финансовом рынке, а также промышленному развитию. Такие отрасли, как машиностроение и металлургическая промышленность, занимают лидирующие позиции, которые вместе дают примерно 20–30 % стоимости полного объема промышленного производства в стране» [Толоконникова, 2015 с. 4].

Несмотря на нарастающее политическое и экономическое давление со стороны США в 2014–2018 гг., торгово-экономические отношения между Китаем и Россией становятся прочнее. Возобновлены проекты, которые ранее были приостановлены по тем или иным причинам, инициировались новые. Россия и Китай имеют долгий и непростой путь сотрудничества в торгово-экономической сфере и на современном этапе, даже при влиянии украинского кризиса есть благоприятные и оптимистичные перспективы и тенденции развития.

Развитие эколого-экономических отношений между Китаем и Россией на современном этапе характеризуется как наращивание сотрудничества в области охраны окружающей среды и устойчивого развития и увеличение экономической интеграции и взаимодействия [Рыбина, Исаенко, 2023]. Кроме того, они активно продвигают экономическое сотрудничество, основанное на принципах устойчивого развития. Обе страны ведут переговоры о создании зон свободной торговли и совместном использовании природных ресурсов. Это способствует увеличению объемов торговли и притоку инвестиций, что благоприятно сказывается на экономическом развитии обеих стран.

В настоящее время Китай – один из самых крупных партнеров для России. Период 2010–2021 гг. можно характеризовать как позитивный для развития двусторонних торговых отношений, так как объем торговли между этими двумя странами торговли возрос в 2,5 раза[9]. На период пандемии COVID-19, который начался в 2020 г., в торгово-экономических отношениях между Китаем и Россией возникли определенные сложности. Большое количество проектов были заморожены до тех пор, пока сотрудничество не стало безопасным для Китая, поскольку крупные международные компании Китая выражали опасения относительно сотрудничества с российскими партнерами, потому что это могло привести к утрате доступа к некоторым западным технологиям, а также к европейским и американским рынкам, которые значительно превышают российские по объему и перспективам.

Несмотря на определенные проблемы, Россия и Китай готовятся к новому этапу совместной деятельности. Продолжительное время Китай оставался основным торговым партнером России [Яковлева, Лю, 2021]. Для того чтобы сотрудничество между Россией и Китаем стало наиболее крепким и для дальнейшего позитивного взаимодействия, помимо науки, необходимо расширять обмен технологиями и сотрудничество в космической программе. Сегодня Россия и Китай делают шаги от простой граничной торговли к инвестиционному партнерству, созданию совместных предприятий, экспорту российских товаров в Китай и увеличению числа китайских компаний на территории России.

Развитие эколого-экономических отношений между Китаем и Россией на современном этапе является важным фактором для обеих стран. Совместная работа по охране окружающей среды и устойчивому развитию способствует укреплению долгосрочного партнерства между странами и создает благоприятные условия для процветания их экономик.

Эколого-экономические отношения между Китаем и Россией в условиях санкций в 2022–2024гг. / Ecological and economic relations between China and Russia under the conditions of sanctions in 2022–2024

Одним из главных направлений сотрудничества является совместное участие в проектах по развитию альтернативных источников энергии, таких как солнечная и ветряная энергетика. Это помогает обеим странам уменьшать зависимость от ископаемых видов топлива и снижать выбросы вредных веществ в атмосферу.

[9] Федеральная таможенная служба. Внешняя торговля Российской Федерации: статистический сборник, 2022. Режим доступа: https://customs.gov.ru/ (дата обращения: 26.10.2025).

Эколого-экономические отношения между Китаем и Россией в период с 2022 г. по 2024 г. претерпели значительные изменения, обусловленные геополитическими сдвигами, в частности введением западных санкций против России. В этих условиях Китай стал важным партнером не только в экономической сфере, но и в контексте экологических инициатив и устойчивого развития. Оба государства обладают значительными природными ресурсами, и их сотрудничество стало не только важным с точки зрения обеспечения экономической стабильности, но и критическим для решения экологических проблем, влияющих на их взаимодействие [Тураева, Яковлев, 2023].

После 2022 г. Россия стала усиленно взаимодействовать с Китаем. Китай, стремясь укрепить свои позиции в мировом экономическом пространстве и обеспечить устойчивое развитие, также заинтересован в сотрудничестве с Россией, особенно в условиях сокращения поставок энергоресурсов из западных стран [Павлов, Ли, 2022]. Важным элементом в этом контексте стало развитие совместных инфраструктурных проектов, таких как строительство газопроводов и транспортных магистралей, что требует учета экологических факторов и реализации природоохранных мероприятий[10].

С 2022 г. наблюдается углубление сотрудничества между Китаем и Россией в области экологии и устойчивого развития. Среди ключевых направлений можно выделить следующие.

1. Энергетическое сотрудничество. После введения санкций Россия значительно увеличила поставки энергоресурсов в Китай, который стал главным покупателем ее нефти и газа. Рост торговли энергоносителями свидетельствует о переформатировании отечественной экспортной политики, ориентированной ранее на европейский рынок. Такие проекты, как газопровод «Сила Сибири», обеспечивают стабильные поставки газа в Китай, что дает уверенность в энергетической безопасности как для России, так и для Китая. Природный газ является более чистым источником энергии по сравнению с углем и нефтью, что позволяет заботиться и с экологической точки зрения. Санкции, которые были введены против России, дали возможность увеличить поставки нефти и газа в Китай, что привело к росту объема транспортировки углеводорода через уязвимые экологически регионы Байкала и Дальнего Востока и к развитию инфраструктуры. Вследствие этого выявлена необходимость в разработке и внедрении определенных экологических стандартов для защиты окружающей среды в зонах индустриальной активности.

2. Природоохранное сотрудничество. Россия и Китай стремятся к сотрудничеству в области охраны лесных массивов и сохранении биоразнообразия [Чен, Петров, 2021]. Один из крупнейших проектов между Китаем и Россией – это стройка гидроэлектростанции на Амуре. Этот проект способствует и развитию возобновляемой энергетики, а также улучшает экологическую ситуацию и содействует сотрудничеству двух крупнейших экономик мира.

На фоне санкций и при возросшем интересе к устойчивому развитию страны усилили свое сотрудничество в области «зеленых» технологий. Наиболее весомые совместные проекты в области зеленых технологий между Китаем и Россией – это возобновляемые источники энергии (далее – ВИЭ): они реализуют совместные проекты по внедрению ветровой и солнечной гидроэнергетики, создают вместе проекты по строительству солнечных электростанций. Страны активно вкладывают инвестиции, вводят новые технологии, чтобы снизить углеродное давление, что способствует уменьшению расходов на энергию, экологической устойчивости и экономическому развитию и влияет на улучшение качества окружающей среды. Китай и Россия в мировом сообществе являются потенциальными лидерами в сфере «зеленых» технологий из-за своего инновационного взгляда и подхода к устойчивому развитию.

Однако, несмотря на благоприятные аспекты сотрудничества, есть определенные проблемы, которые оказывают негативное влияние на эколого-экономические отношения:

• институциональные барьеры – международные стандарты недостаточно хорошо соблюдаются, существует неполноценная координация между экономическими и экологическим органами России и Китая, создающая барьеры для природоохранных инициатив;

• несоответствие экологических стандартов – в Китае и России разные критерии к регуляции экологической безопасности, тем самым осложнены процессы в совместных проектах: стремление Китая к прогрессирующему экономическому росту ослабляет стандарты экологической безопасности, что приводит к отрицательному воздействию на приграничные регионы с Россией;

• экологические риски – при транспортировке и активной добыче природных ископаемых создается риск экологических катастроф (загрязнение водных ресурсов, разливы нефти), наибольшее тревожное внимание привлекают трансграничные экосистемы, которые сильно подвержены негативному влиянию промышленной активности.

Национальная цель по переходу к экономике с более низким уровнем выбросов CO2 в Китае является главным мотивом всех нормативных документов как центрального, так и провинциального уровня, принимаемых в стране после подписания в 2015 г. Парижского протокола об изменении климата[11].

[10] Китайское национальное бюро статистики. Режим доступа: https://data.stats.gov.cn/english/ easyquery.htm?cn=C01 (дата обращения: 26.10.2025).

[11] Парижское соглашение (принято 12 декабря 2015 г., вступило в силу 4 ноября 2016 г.). Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата. Режим доступа: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf (дата обращения: 26.10.2025).

Хотя есть определенные достижения, прежде всего в признании важности взаимодействия в сфере экологии и реализации некоторых проектов в российско-китайском приграничье, межгосударственное сотрудничество остается малоэффективным. Несмотря на заявленные в Парижском соглашении обязательства Китая по углеродной нейтральности до 2060 г., сотрудничество с Россией в этой сфере остается ограниченным. Причин такой низкой эффективности несколько:

• разрыв в приоритетах – Китай фокусируется на внутренних проектах (например, закрытие угольных теплоэлектростанций), тогда как с Россией развивает преимущественно сырьевую торговлю (нефть, газ, лес), например, 85 % китайских инвестиций в Россию в 2023 г. направлены в теплоэнергетический комплекс и лишь 15 % – в ВИЭ[12];

• институциональные барьеры – разные экологические стандарты, отсутствие единого механизма верификации углеродных единиц для совместных проектов;

• геополитические риски – вторичные санкции против китайских компаний.

Для соответствия целям Парижского соглашения необходимо:

• создать российско-китайский «зеленый альянс» – гармонизация стандартов через ШОС (например, общие требования к ВИЭ-проектам, совместный фонд с капитализацией в 5 млрд долл. США для финансирования трансграничных инициатив)[13];

• сфокусироваться на проектах с высокой реализуемостью – модернизация теплоэлектроцентралей в приграничных регионах (снижение выбросов на 20–30 %), солнечных станций для локальных нужд (например, для заводов в Сибири)[14];

• учесть опыт Китая с Европейским союзом – внедрить аналог механизма CBAM (углеродный налог на импорт) для стимулирования «чистых» поставок[15].

Сотрудничество может стать эффективным только при переориентации с сырьевой модели на климатические проекты. Предложенные меры соответствуют как целям Китая по декарбонизации, так и интересам России в диверсификации экономики.

Введенные западные санкции сумели создать трудности при активном сотрудничестве, но страны по-прежнему ищут компромиссы для развития экологически устойчивых технологий и поиска альтернативных путей. Фундамент успешного сотрудничества – новые партнерства и поддержка взаимных интересов [Луконин, Вахрушин, 2023].

За последние несколько лет, после введения санкций, экономическое сотрудничество между Китаем и Россией претерпело некоторые изменения из-за повышенного внимания к экологической части во взаимодействии между ними. Прогресс экономических и экологических взаимоотношений был сопровожден активным ростом инвестиций в «зеленые» технологии, возросшей активностью во взаимной торговле, что стало отражаться на ключевых экономических показателях (табл. 1).

При анализе табл. 1 мы видим, что:

• импорт Китая в Россию возрос из-за поставок технологий и промышленного оборудования, которые включили также «зеленые» технологии, что сыграло позитивную роль в снижении углеродных выбросов в России;

• экспорт из России в Китай показывает довольно стабильный рост и демонстрирует огромный интерес Китая к России и ее природным ресурсам, причем большая часть видимого роста обусловлена экологически чувствительными товарами, как газ и нефть;

• общий торговый оборот между странами существенно увеличился с 2022 г., что можно связать с возросшим спросом на энергетические ресурсы России и ответом на введение западных санкций против ее экономики;

• совокупные инвестиции в совместные экологические проекты составили 2,7 млрд долл. США в 2022 г., 3,5 млрд долл. США – в 2023 г., 4,5 млрд долл. США – в 2024 г., что демонстрирует рост, пусть и незначительный в сравнении с общим объемом сотрудничества, и свидетельствует о декларативности экологической повестки[16];

• доля торговли ресурсами, учитывая экологический фактор, дает реальную видимость картины того, что экологические аспекты и устойчивое развитие играют весомую роль торговых отношениях при добыче и перевозке энергоресурсов;

• рост инвестиций в «зеленые» технологии с 2022 г. возрос практически в два раза, что показывает огромный интерес к устойчивому развитию, экологичному производству и минимизированию экологического ущерба;

[12] Китайские инвестиции в российскую экономику: каковы масштабы? Режим доступа: https://zavtra.ru/blogs/kitajskie_investitcii_v_rossijskuyu_ekonomiku_kakovi_masshtabi (дата обращения: 26.10.2025).

[13] Совместное заявление ШОС по сотрудничеству в области «зеленой» энергетики. Режим доступа: http://rus.sectsco.org/documents/ (дата обращения: 26.10.2025).

[14] Программа модернизации ТЭЦ в Дальневосточном федеральном округе. Режим доступа: https://minenergo.gov.ru/node/1920 (дата обращения: 26.10.2025).

[15] BloombergNEF. Renewable Energy Investments in Russia-China Border Regions. Режим доступа: https://about.bnef.com/blog/ (дата обращения: 26.10.2025).

[16] Cross-Border Renewable Energy Investments: analysis of Russia-China project investment trends. Режим доступа: https://about.bnef.com/clean-energy-investment/ (дата обращения: 26.10.2025).

Таблица 1

Динамика изменений экономических показателей сотрудничества между Китаем и Россией (2022–2024 гг.)

Table 1. Dynamics of economic indicators of cooperation between Russia and China (2022–2024)

Показатель	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Общий торговый оборот, млрд долл. США	146,9	190,3	210,5
Экспорт России в Китай, млрд долл. США	79,3	95,6	110,2
Импорт Китая в Россию, млрд долл. США	67,6	94,7	100,3
Доля торговли ресурсами с учетом экологии, %	35,2	38,7	40,1
Объем общих инвестиций в зеленые технологии, млрд долл. США	5,4	7,8	10,2
Основные совместные российско-китайские проекты, млрд долл. США	2,7	3,5	4,5
Национальные инвестиции (только Китай), млрд долл. США[17]	3,6	4,3	5,3
Количество экологических проектов[18]	15,0	22,0	28,0

Составлено авторами по материалам источников[19,20] / *Compiled by the authors on the materials of the sources[19,20]*

• доля совместных проектов снижается (с 50 до 44 %), но абсолютные цифры растут, что подтверждает гипотезу о приоритете сырьевой торговли над «зеленой» трансформацией[21];

• возросшее количество экологических проектов демонстрирует повышенный интерес к взаимному сотрудничеству природоохранных инициатив и внедрению их в экономическое сотрудничество.

С 2022 г. объем совместных инвестиций России и Китая в экологические проекты вырос с 5,4 до 10,2 млрд долл. США (2024 г.), однако их доля в общем товарообороте остается низкой – менее 5 %. Несмотря на рост инвестиций, 85 % китайских вложений в Россию направлены в теплоэнергетический комплекс (нефть, газ), а не в ВИЭ[22]. Это подтверждает приоритет сырьевой модели над экологической трансформацией.

Данный анализ показывает огромное влияние экологических аспектов на взаимовыгодное экономическое сотрудничество между Китаем и Россией. Страны активно минимизируют экологические риски и перестраиваются от традиционной торговли к сотрудничеству, которое основано на принципах устойчивого развития, что только укрепляет двусторонние отношения. Несмотря на успешное сотрудничество между странами, определенные изменения все же произошли в торговых отношениях между Россией и Китаем после введения западных санкций, что требует более детального изучения.

Анализ объемов торговли на современном этапе между Россией и Китаем в условиях западных санкций / Analysis of trade volumes at the present stage between Russia and China in the context of Western sanctions

Взаимовыгодное сотрудничество между Россией и Китаем выстроено на учете интересов друг друга, принципах равноправия и обширного партнерства, определенной свободы от идеологической и политической конъюнктуры. За последние годы сотрудничество активно набирало обороты за счет роста экономики, укрепления политической стабильности и увеличения объема торговли.

Наиболее весомое взаимодействие наблюдается в сфере торговли. Товарооборот между Китаем и Россией значительно увеличился, и данная тенденция продолжает рост [Вардомский, 2023]. Китай экспортирует в Россию электронику, товары широкого потребления, обувь и одежду. Россия, в свою очередь, поставляет газ, нефть, продукты питания, металлы, а также оборудование и машины. Из табл. 2 мы видим основные товарные группы, которые составляют значительную долю в экспорте из России в Китай.

С января по октябрь 2023 г. доля российских товаров в общем объеме импорта Китая составила 3,9 %, при этом они заняли 5,1 % от общего импорта в страну, а на отечественном рынке поставки собрали

[17] Report to the 20th National Congress of the Communist Party of China. Режим доступа: https://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (дата обращения: 26.10.2025).

[18] Поднебесные технологии: какие проекты Россия развивает вместе с Китаем. Режим доступа: https://trends.rbc.ru/trends/industry/665439809a7947f47f2527e2 (дата обращения: 26.10.2025).

[19] Федеральная таможенная служба. Внешняя торговля Российской Федерации. Режим доступа: https://customs.gov.ru/statistic (дата обращения: 26.10.2025).

[20] General Administration of Customs of China. Trade Statistics. Режим доступа: http://english.customs.gov.cn/ (дата обращения: 26.10.2025).

[21] Влияние интеграционных процессов на экономическое развитие стран-членов ВРЭП. Режим доступа: https://guu.ru/files/dissertations/2025/10/zyong_t_f/dissertation.pdf (дата обращения: 26.10.2025).

[22] Возобновляемая энергетика. Режим доступа: https://www.eriras.ru/data/1138/rus (дата обращения: 26.10.2025).

3,3 % от экспорта Китая. Импорт товаров из России за указанный период достиг 106,3 млрд долл. США, увеличившись на 13 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Из этой суммы 81,8 млрд долл. США составило топливо, которое стало основным двигателем роста поставок в Китай после переориентации отечественного экспорта. Доля России в общем объеме китайского импорта топлива за 10 месяцев увеличилась до 18,4 %.

Таблица 2

Основные товарные группы, которые составляют значительную долю в экспорте из России в Китай

Table 2. Major commodity groups that constitute a significant share of exports from Russia to China

Товарные группы	Доля в экспорте из России в Китай, %
Энергетические ресурсы	35
Металлургическая продукция	25
Пищевые продукты	15
Химическая продукция	10
Машины и оборудование	8
Прочие	7

Составлено авторами по материалам источников[23,24] / *Compiled by the authors on the materials of the sources[23,24]*

Мы видим, что энергетические ресурсы и металлургическая продукция являются основными товарами, которые Россия экспортирует в Китай. Россия в связи с введением санкций Западом стала более зависима от доходов китайского экспорта нефти из-за потери западных энергетических рынков. В 2023 г. в Китай была направлена половина поставок нефти и нефтепродуктов из России.

В 2023 г. объем товарооборота между Россией и Китаем превысил максимальные 240 млрд долл. США, а двусторонние сделки возросли на 26,3 % по сравнению с 2022 г. (табл. 3). В то же время отечественный импорт в Китай увеличился на 13 %, а экспорт Китая в Россию вырос на 46,9 % в прошлом году.

Из данной табл. 3 виден устойчивый рост объемов торговли между Китаем и Россией. В 2023 г. товарооборот достиг исторического максимума в 240,1 млрд долл. США, увеличившись на 26,3 % по сравнению с 2022 г., когда этот показатель составлял 190,2 млрд долл. США. Рост торговли в тот период во многом был связан с переориентацией российских торговых потоков на фоне санкционного давления со стороны Запада. Экспорт из Китая в Россию увеличился на 46,9 % и стал равен 111 млрд долл. США. Отечественный экспорт в Китай увеличился на 12,7 %, составив 129,1 млрд долл. США.

Основными торговыми партнерами Китая продолжают оставаться страны, которые отказываются от сотрудничества с Россией, среди которых выделяются державы Европейского союза (их доля составляет 13,2 % в товарообороте Китая) и США (11,2 %). С учетом того, что замещение сырьевых товаров представляется более простым процессом, чем замещение промышленных, можно отмести вывод о том, что зависимость Китая от «недружественных» для России стран значительно превышает ее зависимость от самой России. Это обстоятельство создает дополнительные предпосылки для применения вторичных санкций, направленных на ограничение взаимной торговли между двумя странами.

Китай экспортирует в Россию обширный перечень продукции: промышленное оборудование, машины, технику, детские товары. Наиболее экспортируемыми товарами являются энергоносители, такие как уголь,

[23] Федеральная таможенная служба. Внешняя торговля Российской Федерации. Режим доступа: https://customs.gov.ru/statistic (дата обращения: 26.10.2025).

[24] General Administration of Customs of China. Trade Statistics. Режим доступа: http://english.customs.gov.cn/ (дата обращения: 26.10.2025).

[25] Главное таможенное управление Китая. Режим доступа: http://www.customs.gov.cn/customs/302249/zfxxgk/2799825/302274/302275/5624373/index.html (дата обращения: 26.10.2025).

Таблица 3

Объемы торговли между Россией и Китаем

Table 3. Trade volumes between Russia and China

Год	Экспорт из России в Китай, млрд долл. США	Импорт из Китая в Россию, млрд долл. США	Общий объем торговли, млрд долл. США	Сальдо торгового баланса (для России), млрд долл. США	Темп роста оборота, %
2019	56,8	49,7	106,5	+ 7,1	–
2020	50,9	48,9	99,8	+ 2,0	– 6,3
2021	68,1	54,9	123,0	+ 13,2	+ 23,2
2022	114,1	76,1	190,2	+ 38,0	+ 54,6
2023	129,1	111,0	240,1	+ 18,1	+ 26,2
2024	129,3	115,5	244,8	+ 13,8	+ 1,9
2025 (прогноз)	140,0–145,0	105,0–110,0	250,0	~ + 35	~ + 2,1

Составлено авторами по материалам источника[25] / *Compiled by the authors on the materials of the source[25]*

нефть, газ, наряду с топливом, медью, морепродуктами. В 2024 г. тенденция роста сохранилась, хотя и замедленными темпами. Годовой товарооборот вырос на 1,9 %, достигнув 244,8 млрд долл. США. Отечественный экспорт остался на уровне 2023 г. (129,3 млрд долл. США), в то время как импорт из Китая увеличился до 115,5 млрд долл. США[26].

Анализируя период с 2019 г. по 2024 г., отметим устойчивый рост экспорта товаров из России в Китай и импорта из Китая в Россию. В сентябре 2024 г. товарооборот между Россией и Китаем достиг примерно 245 млрд долл. США. После этого последовала некоторая коррекция, но уже в сентябре 2025 г. было зафиксировано заметное оживление – месячный объем торговли составил 19,8 млрд долл. США, что прямо показывает способность российской экономики расти в ускоренном темпе, несмотря на все трудности[27].

Данные за 2022–2024 гг. показывают, что рост товарооборота (до 244,8 млрд долл. США в 2024 г.) обеспечен в основном энергоресурсами (35 % экспорта РФ – нефть и газ), а «зеленые» инвестиции растут, но фрагментарны:

• доля ВИЭ в торговле – менее 5 %;

• 70 % экопроектов локализованы в приграничных регионах (Амурская область, Хабаровский край).

Главный барьер – отсутствие единого механизма верификации углеродных единиц (в отличие от китайско-европейской практики).

Начало 2025 г. ознаменовалось временной коррекцией: за январь–апрель товарооборот сократился на 7,5 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Одной из ключевых причин этого сокращения стало снижение цен на энергоносители, которые продолжают составлять основу отечественного экспорта в Китай. Однако можно прогнозировать, что по итогам 2025 г. двусторонняя торговля восстановится и достигнет нового рекордного уровня в 250 млрд долл. США.

Санкции усилили сырьевую зависимость, а не «зеленый» переход. Для изменений нужны институциональные реформы. Основными товарами, экспортированными из России в Китай, стали энергоносители, металлы, древесина, морепродукты и сельскохозяйственная продукция. Китай, в свою очередь, поставлял автомобили, тракторы, компьютеры, смартфоны, промышленное оборудование, игрушки, обувь, кондиционеры и компьютеры.

В условиях постоянно ожесточающихся западных санкций в отношении России и Китая анализ объемов торговли между этими странами в 2024 г. представляет особую актуальность. Несмотря на вызовы и ограничения, российско-китайские торговые отношения демонстрируют стабильное развитие и укрепление. В ходе проведенного исследования выявлено, что объемы торговли между двумя странами стремительно растут вопреки внешней напряженности.

Заключение/ Conclusion

Россия и Китай имеют огромный потенциал в экономической сфере сотрудничества, научно-технических инновациях, инфраструктурном строительстве, энергетике, сельском хозяйстве. Новый импульс двустороннему экономическому сотрудничеству придали взаимодействие в области атомной энергетики и высокоскоростное железнодорожное сообщение. Страны наделены сильной эколого-экономической составляющей и взаимодополняемостью, что благоприятно сказывается на взаимовыгодном сотрудничестве. Китай богат научно-техническими исследованиями, инновационными разработками, активным производством; у России значительные запасы природных ресурсов. Закрепляя двустороннее сотрудничество, они реализовывают взаимодополняющие преимущества и способствуют устойчивому развитию своих экономик.

За последние несколько десятков лет экологический фактор играл важную роль в инвестиционной, инновационной, экономической политике в международных отношениях между Китаем и Россией. Они обладают огромными активами, технологическим развитием и большими природными ресурсами, что дает возможность на создание сильного влиятельного союза, который основан на взаимовыгодных экологических и экономических интересах и принципах устойчивого развития.

Фундамент экономического взаимодействия между Россией и Китаем был заложен в 2000-х гг., благодаря чему даже при санкционном давлении и меняющейся политической составляющей страны смогли нарастить и укрепить торгово-экономическое сотрудничество. За период 2022–2024 гг. товарооборот существенно возрос в основном из-за увеличения поставок российских энергоресурсов в Китай. В 2023 г. Россия стала главным поставщиком углеводородов на рынок Китая. Также увеличился экспорт в Китай отечественного продовольственного сырья и пищевых продуктов.

Анализ отечественного импорта из Китая показывает, что существенно выросла доля высокотехнологичной продукции, автомобилей, грузовой и промышленной техники, станков, машин и оборудования, замещающих товары ушедших с российского рынка западных производителей. Из-за отложенного спроса предыдущего периода продажи китайской бытовой электроники и транспортных средств в Россию стали рекордными в 2023 г. При благоприятном развитии событий на международной

[26] Товарооборот Китая и России в 2024 году вырос на 1,9 %. Режим доступа: https://www.alta.ru/external_news/116098/ (дата обращения: 26.10.2025).

[27] В сентябре объем торговли России и Китая составил 19,8 млрд. долл. США. Режим доступа: https://www.finmarket.ru/news/6499273 (дата обращения: 26.10.2025).

арене товарооборот между странами может быть равен 300 млрд долл. США к 2030 г. Санкции, которые наложили на Россию западные страны, повлекли за собой усиление сотрудничества с Китаем в областях энергетики, экологии и финансов. Перспективы дальнейшего сотрудничества связаны с развитием «зеленых» технологий, улучшением нормативной базы и усилением институционального взаимодействия.

Несмотря на рост товарооборота, экологическая составляющая российско-китайских отношений остается второстепенной. Для перехода к устойчивой модели сотрудничества необходимо:

• создать совместный климатический фонд (5–10 млрд долл. США) для финансирования трансграничных проектов ВИЭ, аналогичный китайско-европейским инициативам;

• унифицировать стандарты через ШОС, например, принять общие требования к «зеленым» сертификатам для газа и угля;

• расширить проекты с высокой экологической отдачей, например, модернизировать теплоэлектроцентрали в приграничье (потенциал снижения выбросов – 20–30 %), развивать солнечную энергетику для локальных нужд (заводы, жилищно-коммунальное хозяйство).

Опыт Китая с Европейским союзом показывает, что даже в условиях санкций экологические императивы могут стать драйвером сотрудничества. России стоит активнее использовать этот сценарий путем:

• включения «зеленой» повестки в дорожные карты ШОС и БРИКС (например, квоты на совместные проекты ВИЭ);

• введения льгот для компаний, внедряющих низкоуглеродные технологии (налоговые каникулы, упрощенные таможенные процедуры);

• использования механизмов «зеленого» финансирования (например, облигации с привязкой к ESG-критериям).

Россия интересна Китаю своими энергетическими и природными ресурсами. Экспорт и импорт имеют тенденцию к увеличению между двумя странами, даже несмотря на санкции. Инвестиции в «зеленые» технологии увеличились как минимум в несколько раз со времен пандемии COVID-19, которая началась в 2022 г. Китай и Россия стремятся к снижению экологического ущерба, что поспособствует не только экономической стабильности, но и устойчивому развитию. Количество проектов в «зеленые» технологии существенно возросло. В последние годы в условиях санкций отношения между странами претерпевали определенное давление, но, несмотря на это, им удалось развить и укрепить торгово-экономические отношения.

За несколько прошедших лет общий объем торговли демонстрирует только положительную динамику между странами и устойчивый рост экспорта товаров из России в Китай и импорта из Китая в Россию. Торговое сотрудничество является одним из основных факторов развития и гарантией экономической стабильности. Несмотря на постоянное препятствие со стороны западных стран, российско-китайские торговые отношения демонстрируют укрепление, стабильное развитие и динамичный рост.

В ходе проведенного исследования выявлено, что объемы торговли между Россией и Китаем стремительно растут, несмотря на внешнюю напряженность. У стран огромный потенциал развития, что объясняется комплементарностью экономик и структурой их торговли. Отечественный рынок стремительно замещает высокотехнологичные товары на китайские, а экспорт энергоресурсов все больше ориентируется на рынок Китая. Наиболее плотное сотрудничество будет содействовать изменению современной структуры мирового порядка и давать огромную экономическую возможность для обеих стран и для мировой экономики в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вардомский Л.Б. Российско-китайские экономические связи в условиях растущей международной напряженности. Журнал Новой экономической ассоциации. 2023;1(58):142–148.

Луконин С.А., Вахрушин И.В. Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество на фоне антироссийских санкций. Россия и АТР. 2023;1(119):160–180.

Павлов Н., Ли Д. Энергетическое сотрудничество в отношениях Россия-Китай: экономические и экологические последствия. Энергетическая политика. 222;159:112–125. https://doi.org/10.1016/j.enpol.2021.112125

Рыбина М.Н., Исаенко В.О. Мировая экономика и международные экономические отношения. М.: Кнорус; 2023. 184 с.

Тораева М.О., Яковлев А.А. Сотрудничество России и Китая в новых условиях: некоторые экономические итоги 2023 г. РСМ. 2024;3(124). https://doi.org/10.31249/rsm/2024.03.01

REFERENCES

Frolov E., Zhang H. The Role of Bilateral Relations in the Global Economic Landscape: A Case Study of China and Russia. Global Economic Review. 2020;1(49):67–82. https://doi.org/10.1080/1226508X.2019.1625312

Liu Y., Zhang X. Economic Cooperation Between China and Russia: Opportunities and Challenges. Journal of International Trade & Economic Development. 2020;5(29):557–575. https://doi.org/10.1080/09638199.2020.1738460

Lukonin S.A., Vakhrushin I.V. Russian-Chinese trade and economic cooperation against the background of anti-Russian sanctions. Russia and the Asia-Pacific Region. 2023;1(119):160–180. (In Russian).

Pavlov N., Li D. Energy cooperation in Russia-China relations: economic and environmental consequences. Energy policy. 222;159:112–125. (In Russian). https://doi.org/10.1016/j.enpol.2021.112125

Толоконникова Е.В. Экономика Китая в 2015 году и ее роль в международной экономике. Науковедение. 2015;5(7). https://doi.org/10.15862/233EVN515

Толоконникова Е.В. Экономические аспекты решения глобальной экологической проблемы в Китае. Дис. ... канд. экон. наук: 05.02.05. М.: ГУУ; 2017. 172 с.

Чен Ц., Петров В. Инновационные практики в экономическом сотрудничестве России и Китая: акцент на зеленые технологии. Международный журнал управления технологиями. 2021;3-4(85):260–276. https://doi.org/10.1504/IJTM.2021.112852

Щенин Р.К., Поляков В.В. Мировая экономика и международные экономические отношения. М.: Юрайт; 2014. 446 с.

Яковлева А., Лю Ц. Инициативы устойчивого развития в экономических отношениях России и Китая. Устойчивое развитие. 2021;2(29):133–144. https://doi.org/10.1002/sd.2080

Frolov E., Zhang H. The Role of Bilateral Relations in the Global Economic Landscape: A Case Study of China and Russia. Global Economic Review. 2020;1(49):67–82. https://doi.org/10.1080/1226508X.2019.1625312

Liu Y., Zhang X. Economic Cooperation Between China and Russia: Opportunities and Challenges. Journal of International Trade & Economic Development. 2020;5(29):557–575. https://doi.org/10.1080/09638199.2020.1738460

Rybina M.N., Isaenko V.O. World economy and international economic relations. Moscow: Knorus; 2023. 184 p. (In Russian).

Toraeva M.O., Yakovlev A.A. Cooperation between Russia and China in new conditions: some economic results for 2023. RSM. 2024;3(124). (In Russian). https://doi.org/10.31249/rsm/2024.03.01

Tolokonnikova E.V. China's economy in 2015 and its role in the international economy. Naukovedenie. 2015;5(7). (In Russian). https://doi.org/10.15862/233EVN515

Tolokonnikova E.V. Economic aspects of solving the global environmental problem in China. Dis. ... Cand. Sci. (Econ.): 05.02.05. Moscow: State University of Management; 2017. 172 p. (In Russian).

Chen Y., Petrov V. Innovative practices in economic cooperation between Russia and China: emphasis on green technologies. International Journal of Technology Management. 2021;3-4(85):260–276. (In Russian). https://doi.org/10.1504/IJTM.2021.112852

Shchenin R.K., Polyakov V.V. World economy and international economic relations. Moscow: Yurayt; 2014. 446 p. (In Russian).

Vardomsky L.B. Russian-Chinese economic relations in the context of growing international tension. Journal of the New Economic Association. 2023;1(58):142–148. (In Russian).

Yakovleva A., Liu Ts. Sustainable development initiatives in economic relations between Russia and China. Sustainable development. 2021;2(29):133–144. (In Russian). https://doi.org/10.1002/sd.2080

УДК 332.1, 332.02, 332.3 JEL E16, E27, O11, O13, O32 DOI https://doi.org/10.26425/2309-3633-2025-13-4-26-39
Получено: 03.10.2025 Статья доработана после рецензирования: 05.12.2025 Принято: 12.12.2025

Комплексная технико-экономическая оценка конкурирующих возобновляемых источников и перспектив развития зеленой энергии во Вьетнаме

Нгуен Минь Фыонг
Аспирант
ORCID: 0000-0003-1162-6466, e-mail: s233149@stud.spmi.ru

Пономаренко Татьяна Владимировна
Д-р экон. наук, проф. каф. организации и управления
ORCID: 0000-0001-5047-2880, e-mail: ponomarenko_tv@pers.spmi.ru

Нгуен Ван Тхань
Аспирант
ORCID: 0009-0003-8870-9267, e-mail: nguyen.vanthanh@mail.ru

Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II,
199106, 21-я линия Васильевского острова, 2–4/45, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Анализ потенциала возобновляемых источников энергии (далее – ВИЭ) во Вьетнаме показал, что энергетический баланс в условиях энергоперехода может трансформироваться и включать солнечную, ветро-, гидрогенерацию, а также производство энергии на биомассе. Целью настоящего исследования является разработка методического подхода к комплексной технико-экономической оценки ВИЭ с учетом их конкуренции и обоснование перспектив развития низкоуглеродной энергетики во Вьетнаме. Предметом исследования выступают различные технические, экономические, социальные и экологические параметры ВИЭ. Разработана методика комплексной технико-экономической оценки ВИЭ, включая сбор и анализ статистических данных, анализ базовых технологий, метод иерархии для целей прогнозирования структуры энергетического баланса. Установлено, что по техническим характеристикам наиболее зрелыми и эффективными являются малые гидроэлектростанции и генерация на основе биомассы, по экономическим показателям наименее затратным и наиболее эффективным видом выступает солнечная генерация, по социальным критериям все виды ВИЭ являются сопоставимыми и поддерживаются общественностью, по экологическим критериям существенно проигрывает производство энергии на биомассе, при этом остальные виды генерации сопоставимы. Полученные результаты исследования показали роль ВИЭ в энергетической стратегии Вьетнама и приоритеты в их развитии с точки зрения конкурентоспособности различных видов ВИЭ. Результаты исследования могут быть использованы для планирования структуры энергетического баланса и выбора мер государственной поддержки энергетического сектора.

Ключевые слова: возобновляемая энергетика, энергетический переход, иерархический анализ, устойчивое развитие, технико-экономический анализ, технические, экономические, экологические, социальные критерии

Для цитирования: Нгуен М.Ф., Пономаренко Т.В., Нгуен В.Т. Комплексная технико-экономическая оценка конкурирующих возобновляемых источников и перспектив развития зеленой энергии во Вьетнаме//Управление. 2025. Т. 13. № 4. С. 26–39. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-4-26-39

© Нгуен М.Ф., Пономаренко Т.В., Нгуен В.Т., 2025.
Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная
http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Received 03.10.2025 Revised 05.12.2025 Accepted 12.12.2025

Comprehensive technical and economic assessment of competing renewable sources and prospects for green energy development in Vietnam

Minh P. Nguyen
Postgraduate Student
ORCID: 0000-0003-1162-6466, e-mail: s233149@stud.spmi.ru

Tatiana V. Ponomarenko
Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Organization and Management Department
ORCID: 0000-0001-5047-2880, e-mail: ponomarenko_tv@pers.spmi.ru

Van Th. Nguyen
Postgraduate Student
ORCID: 0009-0003-8870-9267, e-mail: nguyen.vanthanh@mail.ru

Saint Petersburg Mining University, 2–4/45, 21st Line of the Vasilievsky Island, St. Petersburg 199106, Russia

Abstract

An analysis of the renewable energy sources potential in Vietnam has shown that the energy balance in the context of energy transition can be transformed and include solar, wind, hydrogenation, as well as biomass energy production. The purpose of the study is to develop a methodological approach to a comprehensive feasibility study of renewable energy sources, considering their competition, and substantiate the prospects for developing low-carbon energy in Vietnam. The subject of the study is various technical, economic, social, and environmental parameters of renewable energy sources. A methodology has been developed for a comprehensive feasibility study of renewable energy sources, including the statistical data collection and analysis, basic technologies analysis, and the hierarchy method for predicting the energy balance structure. It has been established that, according to the technical characteristics, small hydroelectric power plants and biomass-based generation are the most mature and efficient, solar generation is the least expensive and most effective type according to economic indicators, all types of renewable energy are comparable and supported by the public according to environmental criteria, and biomass energy production significantly loses, while other types of generation are comparable. The study results showed the role of renewable energy sources in Vietnam's energy strategy and priorities in their development in terms of the competitiveness of various types of renewable energy sources. The study results can be used to plan the energy balance structure and select government support measures for the energy sector.

Keywords: renewable energy, energy transition, hierarchical analysis, sustainable development, technical and economic analysis, technical, economic, environmental, and social criteria

For citation: Nguyen M.P., Ponomarenko T.V., Nguyen V.T. (2025). Comprehensive technical and economic assessment of competing renewable sources and prospects for green energy development in Vietnam. *Upravlenie / Management (Russia)*, 13 (4), pp. 26–39. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-4-26-39

© Nguyen M.P., Ponomarenko T.V., Nguyen V.T., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение / Introduction

Во Вьетнаме отмечается быстрый экономический рост (валовой внутренний продукт Вьетнама в 2022 г. увеличился на 8 %, в 2023 г. – на 5,5 %, в 2024 г. – на 6,5 %), что приводит к увеличению спроса на энергию (77,8 тыс. МВт в 2022 г., 80,56 тыс. МВт – в 2023 г., 82,4 тыс. МВт – в 2024 г., среднегодовой темп прироста – 3,1 %)[1]. В структуре энергобаланса Вьетнама в 2023 г. суммарная доля возобновляемых источников энергии (далее – ВИЭ) составила 42,5 %, в том числе гидроэлектростанции (далее – ГЭС) – 24,95 %, солнечная энергия – 9,1 %, малые ГЭС – 4,35 %, энергия ветра – 4,1 %, биомасса – 0,3 % [Nguyen, 2024]. Объем электроэнергии, поставляемой гидроэлектростанциями, занимает второе место после поставок угля в период с 2000 г. по 2024 г., мощность ГЭС составляет 400–2,4 тыс. МВт. На малые гидроэлектростанции (далее – МГЭС) приходится около 15 % от общей мощности гидроэнергетики, их мощность составляет 1–10 МВт[2].

Вьетнам имеет значительный потенциал для развития многих источников «зеленой» энергии, таких как солнечная, ветровая, гидроэнергетика и биомасса, что определяет необходимость детального анализа конкурентоспособности источников ВИЭ[3]. В период с 2017 г. по 2024 г. было завершено несколько проектов солнечной энергетики, включая пять крупнейших мощностью 330–830 МВт [Nguyen, 2024]. Ветроэнергетика также набирает популярность, особенно в контексте растущего спроса на энергию и требований по защите окружающей среды, мощность ветровых электростанций составляет 150–600 МВт [Lindberg, 2022; Chu et al., 2024]. Проекты по переработке биомассы имеют мощность 30–95 МВт и работают на разнообразном сырье биогенного происхождения, включая отходы сельского хозяйства (рисовая шелуха, кукурузные стебли, сахарный тростник), древесные отходы, а также отходы животноводства и бытовые органические отходы [Sasges, Ziegler, 2023; Нгуен, 2023].

По данным Международного энергетического агентства (IEA) в отчете «Возобновляемые источники энергии 2023 – Анализ», Вьетнам занимает 4-е место в Азии по установленной мощности ВИЭ, достигнув 27,5 ГВт к концу 2023 г. (рост на 38 % по сравнению с 2022 г.). Доля ВИЭ в общем энергобалансе страны составила около 40 % в 2023 г., что позволило ей войти в глобальный топ-20 по этому показателю. Повышение энергетической безопасности на 25–30 % связано со снижением зависимости от импорта ископаемого топлива (Вьетнам импортирует около 60 % нефти и газа)[4]. Развитие ВИЭ укрепляет геополитическую позицию Вьетнама в региональных цепочках поставок, минимизируя риски внешних шоков и способствуя устойчивому росту в условиях экономического подъема. Выбор и экономическое обоснование источников ВИЭ в энергобалансе Вьетнама позволит увеличить долю «зеленой» энергии, улучшить структуру энергобаланса, а также укрепить положение страны среди стран-лидеров энергоперехода.

Цель настоящего исследования – выполнить экономическую оценку конкурирующих источников и перспектив развития ВИЭ в условиях Вьетнама.

Задачи исследования:

- сравнить технологии и источники ВИЭ по техническим, экономическим, социальным и экологическим критериям;
- выполнить анализ перспектив развития секторов ВИЭ во Вьетнаме с применением метода анализа иерархического процесса (АИП).

Проведены сбор и анализ статистических данных Главного статистического управления Вьетнама по источникам ВИЭ за 2000–2024 гг., документов государственного планирования, отчетов Vietnam Electricity Group (EVN) за 2023–2024 гг., других предприятий электроэнергетической отрасли. Методы включают статистический анализ, технико-экономический анализ, метод анализа иерархий.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- выбраны критерии и выполнено сравнение технологий и источников ВИЭ по техническим, экономическим, социальным и экологическим критериям во Вьетнаме, на основе которых сделаны выводы о лидирующих позициях по техническим показателям гидрогенерации и генерации на основе биомассы, по экономическим – солнечной генерации, о сопоставимости технологий по социальным параметрам, а также их сопоставимости по экологическим показателям, за исключением генерации из биомассы;
- применение анализа иерархического процесса к источникам ВИЭ во Вьетнаме позволило сделать выводы о необходимости их сбалансированного развития со следующими приоритетами: солнечная генерация, малые ГЭС, ветрогенерация и биомасса.

[1] International Energy Agency. World Energy Outlook 2024. Режим доступа: https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2024 (дата обращения: 29.09.2025).

[2] Там же.

[3] International Renewable Energy Agency. World Energy Transitions Outlook 2024. Режим доступа: https://www.irena.org/Publications/2024/Nov/World-Energy-Transitions-Outlook-2024 (дата обращения: 29.09.2025).

[4] Vietnam's Ministry of Industry and Trade. Vietnam Energy Outlook Report 2024. Режим доступа: https://ens.dk/sites/ens.dk/files/Globalcooperation/1._eor-nz_english_june2024_0.pdf (дата обращения: 29.09.2025).

Результаты исследования / Study results

Потенциал использования ВИЭ во Вьетнаме и мощности ВИЭ обобщены и показаны на рис. 1.

Возобновляемые источники энергии во Вьетнаме представляют большой интерес для частных инвесторов и правительства из-за их эксплуатационного потенциала, конкурентоспособности, прибыльности и преимуществ устойчивого развития. Однако при выборе инвестиций в эксплуатацию ВИЭ необходимо выбирать различные типы эксплуатации в зависимости от условий, подходящих для конкретного случая.

[5] Vietnam's Ministry of Industry and Trade. Vietnam Energy Outlook Report 2024. Режим доступа: https://ens.dk/sites/ens.dk/files/Globalcooperation/1._eor-nz_english_june2024_0.pdf (дата обращения: 29.09.2025).

[6] Ember Energy Research CIC. Vietnam, 2025. Режим доступа: https://ember-energy.org/countries-and-regions/viet-nam/ (дата обращения: 29.09.2025).

[7] Vietnam Energy Association. Analysis of Vietnam's target of 150,000 MW of renewable energy by 2035. Режим доступа: https://nangluongvietnam.vn/phan-tich-ve-muc-tieu-150-nghin-mw-nang-luong-tai-tao-cua-viet-nam-den-nam-2035-34407.html (дата обращения: 29.09.2025).

[8] Vietnam – Asia's future clean energy 'factory'. Режим доступа: https://www.evn.com.vn/d/vi-VN/news/Viet-Nam-nha-may-nang-luong-sach-tuong-lai-cua-chau-A-60-17-501615 (дата обращения: 29.09.2025).

[9] Ministry of Information and Communications of Vietnam. New generation solar cells can generate electricity even in weak sunlight, 2025. Режим доступа: https://vietnamnet.vn/loai-pin-mat-troi-the-he-moi-co-the-tao-ra-dien-du-nang-yeu-2414483.html (дата обращения: 29.09.2025).

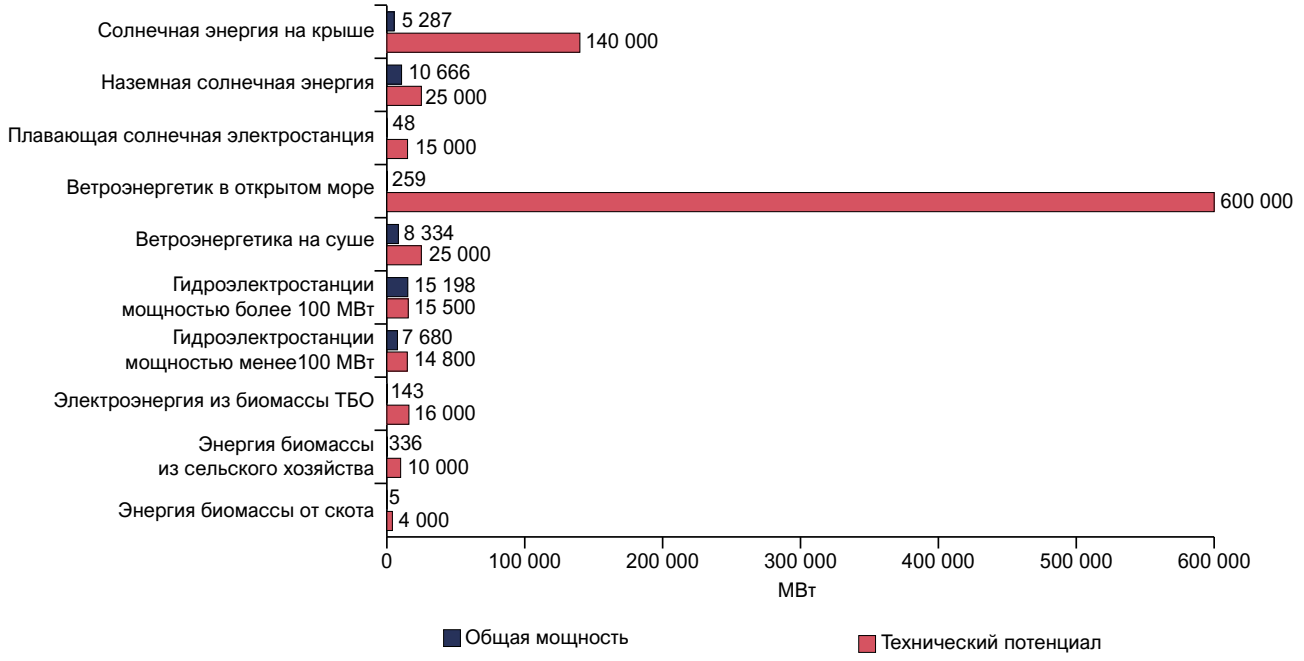
Солнечная энергия / Solar energy

Технология солнечных панелей стремительно развивается с увеличением мощности с 1 тыс. МВт в 2017 г. до 16 тыс. МВт к концу 2023 г. Инвестиционные затраты на солнечную энергию снизились примерно на 80 % (с примерно 3,5 долл. США/Вт до примерно 0,9 долл. США/Вт) с 2013 г. по 2023 г.[10]. Это связано с развитием технологий, структура которых представлена на рис. 2.

Инвесторы отдают предпочтение технологии Passivated Emitter and Rear Cell (PERC) около 8,6 тыс. МВт, поскольку PERC имеет хорошую эффективность преобразования энергии, подходит для удовлетворения растущего спроса на энергию во Вьетнаме, имеет приемлемую стоимость, может хорошо работать в жарком и влажном климате Вьетнама [Tran, Le, Nguyen, 2024; Chu et al., 2024].

Технология Tunnel Oxide Passivated Contact (TOPCon) с производственной мощностью около 4,36 тыс. МВт в солнечной энергетике обеспечивает более высокую эффективность, чем PERC, благодаря лучшему улавливанию солнечного излучения и снижению потерь энергии [Tran, Le, Nguyen, 2024; Urakami, 2023]. Кроме того, TOPCon ячейки обладают высокой надежностью и сроками полезного использования, что делает их идеальными для новых проектов в Вьетнаме,

[10] Vietnam Energy Outlook Report 2024 launched. Режим доступа: https://en.evn.com.vn/d6/news/Vietnam-Energy-Outlook-Report-2024-launched-66-163-4167.aspx (дата обращения: 29.09.2025).



Составлено авторами по материалам источников [Hoang, 2024; Nguyen, Le, 2024][5,6,7,8,9] / *Compiled by the authors on the materials of the sources [Hoang, 2024; Nguyen, Le, 2024][5,6,7,8,9]*

Рис. 1. Общий технический потенциал и общая используемая мощность основных ВИЭ во Вьетнаме в 2023 г.

Fig. 1. Total technical potential and total used capacity of the main renewable energy sources in Vietnam in 2023

где спрос на возобновляемую энергию продолжает расти [Nguyen, 2020; Пашкевич, Данилов, 2023].

Технология гетероструктур (англ. Heterojunction Technology, HJT) с текущей производственной мощностью около 1,84 тыс. МВт требует значительных первоначальных инвестиций ввиду сложности производственного процесса [Tran, Le, Nguyen, 2024; Urakami, 2023]. Тем не менее она обеспечивает высокий коэффициент преобразования энергии и низкое энергопотребление на этапе изготовления за счет использования структуры, сочетающей аморфный и кристаллический кремний. Особое преимущество HJT заключается в стабильной работе при низкой освещенности и повышенных температурах, что соответствует климатическим условиям Вьетнама и способствует оптимизации эффективности солнечных систем [Васильев, Стройков, 2020].

Технология Interdigitated Back Contact (BC) с производственной мощностью около 400 МВт характеризуется высокой эффективностью преобразования благодаря конструкции с чередующимися задними электродами, что минимизирует затенение и увеличивает площадь сбора солнечного излучения [Tran, Le, Nguyen, 2024; Urakami, 2023]. Несмотря на высокую стоимость производства, данная технология находит применение преимущественно в маломасштабных проектах, например, в установках на крышах зданий, где критически важна оптимизация пространства и высокая энергоэффективность [Thai et al., 2022].

Тонкопленочная технология (Thin-Film) с объемом производства около 480 МВт отличается более низкими производственными затратами по сравнению с традиционными кремниевыми технологиями, что делает ее привлекательной для проектов с ограниченным бюджетом [Tran, Le, Nguyen, 2024; Urakami, 2023]. Гибкость тонкопленочных модулей позволяет эффективно использовать их в условиях переменной и недостаточной инсоляции, характерных для городских и промышленных зон [Nguyen, 2021].

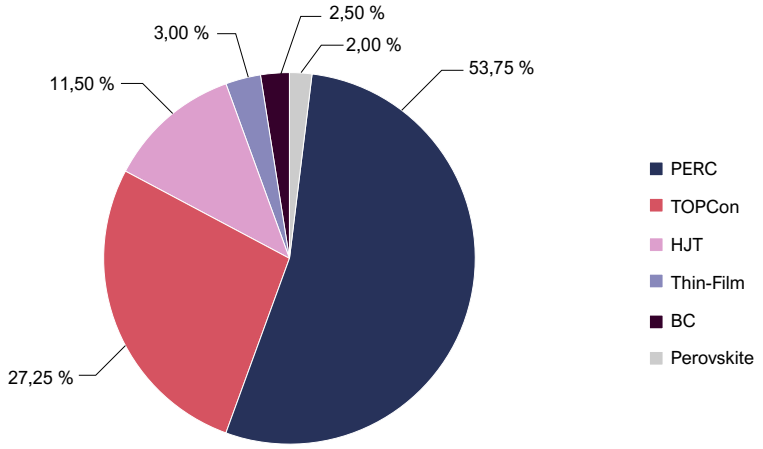
Perovskite – это инновационная технология, которая пока находится на этапе экспериментальных разработок и уже достигла производственной мощности примерно в 320 МВт, открывая перед нами захватывающие горизонты в сфере солнечной энергетики [Tran, Le, Nguyen, 2024; Urakami, 2023]. Благодаря своим уникальным оптическим и электрическим характеристикам перовскитовый материал обещает революционные прорывы в эффективности преобразования солнечного света в энергию. Вьетнам, не оставаясь в стороне от глобальных тенденций, активно вкладывает средства в научные исследования, направленные на совершенствование и коммерческое внедрение перовскитовых солнечных панелей, что становится ключевым шагом на пути к экологически устойчивой энергетике. Сочетание высокой производительности и относительной простоты изготовления делает перовскит перспективным кандидатом для широкого применения в ближайшем

[11] Vietnam's Ministry of Industry and Trade. Vietnam Energy Outlook Report 2024. Режим доступа: https://ens.dk/sites/ens.dk/files/Globalcooperation/1._eor-nz_english_june2024_0.pdf (дата обращения: 29.09.2025).

[12] General Statistics Office of Vietnam. Number of patents granted protection. Режим доступа: https://www.nso.gov.vn/px-web-2/?pxid=V1333&theme=Gi%C3%A1o%20d%E1%BB%A5c (дата обращения: 29.09.2025).

[13] Solar power: New trend for households, 2025. Режим доступа: https://www.evn.com.vn/d/vi-VN/news/Dien-nang-luong-mat-troi-Xu-huong-moi-cua-cac-ho-dan-60-17-504174 (дата обращения: 29.09.2025).

[14] Ministry of Information and Communications of Vietnam. New generation solar cells can generate electricity even in weak sunlight, 2025. Режим доступа: https://vietnamnet.vn/loai-pin-mat-troi-the-he-moi-co-the-tao-ra-dien-du-nang-yeu-2414483.html (дата обращения: 29.09.2025).



Составлено авторами по материалам источников [Tran, Le, Nguyen, 2024; Urakami, 2023; Hoang, 2024; Nguyen, Le, 2024][11,12,13,14] / *Compiled by the authors on the materials of the sources [Tran, Le, Nguyen, 2024; Urakami, 2023; Hoang, 2024; Nguyen, Le, 2024][11,12,13,14]*

Рис. 2. Структура мощностей солнечной энергетики по типу технологии во Вьетнаме в 2023 г.

Fig. 2. Structure of solar energy capacity by type of technology in Vietnam in 2023

будущем, обещая не только экономические выгоды, но и значительный вклад в сохранение окружающей среды [Нгуен, 2023; Tran, 2021].

Ветроэнергетика / Wind energy

В прибрежных районах Центрального и Южного Вьетнама, где дуют сильные и постоянные ветры, энергия ветра открывает огромный, еще не полностью раскрытый потенциал для устойчивого и экологичного развития энергетического сектора, обещая значительные выгоды для экономики и окружающей среды. По данным Вьетнамского управления электроэнергетики, к концу 2023 г. общая мощность ветроэнергетики достигла около 4,948 тыс. МВт[15]. Во Вьетнаме много районов с сильными ветрами, средняя скорость ветра во многих прибрежных районах достигает 6–8 м/с [Lee, 2018]. В ветряных электростанциях (далее – ВЭС) применяются два вида турбин.

Ветряная турбина с горизонтальной осью вращения (англ. Horizontal Axis Wind Turbine, HAWT) имеет преимущество в виде высокого коэффициента полезного действия (далее – КПД), который может достигать 45 % при оптимальных условиях, и конструкции, которая широко применяется во всем мире и Вьетнаме (около 80 % от общей мощности ветроэнергетики во Вьетнаме) и может изготавливаться с различной мощностью (от малой до большой), однако первоначальные инвестиционные затраты высоки (1,2–2,5 млн долл. США/МВт) [Do et al., 2022; Nguyen, 2024]. К проектам, в которых применяется данный тип технологии, относится проект ветроэлектростанции Trung Nam (Ниньтхуан, Вьетнам) мощностью 252 МВт [Lindberg, 2022; Do et al., 2022].

Вертикально-осевая ветровая турбина (англ. Vertical Axis Wind Turbine, VAWT) имеет КПД около 30 %, а затраты на производство и обслуживание высоки (800 тыс. – 1,5 млн долл. США/МВт) [Urakami, 2023; Pham, 2020]. Доля рынка составляет около 10 % от общей мощности ветроэнергетики Вьетнама. Эта технология использовалась в проекте ветроэнергетики VAWT в Ханое (тестовый проект небольшой мощности, около 10 кВт) [Urakami, 2023; Nguyen, 2020].

Технология ветроэнергетики во Вьетнаме развивается быстрыми темпами при участии многих международных инвесторов, мощность ВЭС увеличилась в пять раз с 2019 г. до 2023 г. [Urakami, 2023][16].

Гидроэлектроснабжение / Hydroelectric power supply

Гидроэнергетика является крупнейшим ВИЭ во Вьетнаме в 2023 г., из которых 60 % сосредоточено на севере, 27 % – в центральном регионе, оставшиеся 13% – на юге Вьетнама, практически все проекты крупных ГЭС (мощностью более 100 МВт) уже реализованы [Phuoc, Hung, 2024; Sasges, Ziegler, 2023]. Вьетнам сосредоточен на развитии проектов средней и малой гидроэнергетики. Используется три типа ГЭС[17].

1. Русловые гидроэлектростанции (англ. Run-of-River Hydropower) используют естественный поток реки без необходимости в крупных водохранилищах, вода направляется через турбины для выработки электроэнергии, эффективность обычно составляет от 30 до 70 %. Инвестиционные затраты составляют около 1–3 млн долл. США/МВт, средняя себестоимость производства – 0,05 долл. США/кВт/ч. На этот тип технологий пришлось 25 % (5,719 тыс. МВт) от общей мощности гидроэнергетики в 2023 г. [Phuoc, Hung, 2024]. Примером может служить гидроэлектростанция Ban Ve (Нгеан, Вьетнам) мощностью 120 МВт и общими инвестициями около 240 млн долл. США[18].

2. Резервуарные гидроэлектростанции (англ. Reservoir Hydropower) обеспечивают стабильное электроснабжение, смягчение последствий наводнений и возможность регулирования речных стоков, средний КПД гидроэлектростанций обычно составляет от 70 до 90 %. Инвестиционные затраты обычно составляют от 1,5 до 5 млн долл. США/МВт при средней себестоимости производства 0,04 долл. США/кВт/ч. На этот тип технологий пришлось 60 % (13,727 тыс. МВт) общей мощности гидроэнергетики в 2023 г. [Phuoc, Hung, 2024]. Например, общая мощность гидроэлектростанции Son La составляет 2,4 тыс. МВт, а общие инвестиционные затраты – около 3 000 млн долл. США[19].

3. Гидроаккумулирующая электростанция (англ. Pumped Storage Hydropower), эффективность составляет от 60 до 80 % из-за потерь энергии при перекачке воды. Инвестиционные затраты обычно выше и составляют от 2 до 8 млн долл. США/МВт при средней себестоимости производства 0,05 долл. США/кВт/ч. На этот тип технологий пришлось 15 % (3,432 тыс. МВт) от общей мощности гидроэнергетики

[15] Vietnam's Ministry of Industry and Trade. Vietnam Energy Outlook Report 2024. Режим доступа: https://ens.dk/sites/ens.dk/files/Globalcooperation/1._eor-nz_english_june2024_0.pdf (дата обращения: 29.09.2025).

[16] Vietnam Energy Association. Analysis of Vietnam's target of 150,000 MW of renewable energy by 2035. Режим доступа: https://nangluongvietnam.vn/phan-tich-ve-muc-tieu-150-nghin-mw-nang-luong-tai-tao-cua-viet-nam-den-nam-2035-34407.html (дата обращения: 29.09.2025).

[17] Vietnam's Ministry of Industry and Trade. Vietnam Energy Outlook Report 2024. Режим доступа: https://ens.dk/sites/ens.dk/files/Globalcooperation/1._eor-nz_english_june2024_0.pdf (дата обращения: 29.09.2025).

[18] The World Bank. Small Hydro Resource Mapping in Vietnam Final Workshop, 2017. Режим доступа: https://pubdocs.worldbank.org/en/534651504695771475/Vietnam-Small-Hydro-Mapping-Workshop-WB-ESMAP-Feb2017.pdf (дата обращения: 29.09.2025).

[19] Там же.

в 2023 г. [Phuoc, Hung, 2024]. Например, мощность гидроэлектростанции Da Nhim (провинции Ламдонг, Вьетнаме) составляет 300 МВт, а общая стоимость инвестиций – около 600 млн долл. США [Tran, 2021].

Гидроэнергетика имеет низкие эксплуатационные расходы (себестоимость производства электроэнергии составляет около 0,04 долл. США/кВт/ч) и может обеспечивать стабильную подачу электроэнергии, способствуя национальной энергетической безопасности.

Энергоснабжение из биомассы / Energy supply from biomass

Вьетнам располагает множеством источников биомассы сельскохозяйственного происхождения, таких как солома, стерня, жом и отходы животноводства [Cuong et al., 2021]. Используется три типа технологий.

1. Технология газификации (англ. Gasification) – это преобразование органических материалов в синтез-газ со средней эффективностью около 60–80 % [Prasittisopin, 2024]. Себестоимость продукции составляет от 0,05 до 0,15 долл. США/кВт/ч. Примером является электростанция Виньфук (мощность – 15 МВт, инвестиционные затраты – 18 млн долл. США) [Hoang, 2024].

2. Анаэробное сбраживание имеет КПД 50–70 %. Инвестиционные затраты составляют 1–1,5 млн долл. США/МВт, себестоимость производства – 0,07–0,12 долл. США/кВт/ч [Hoang, 2024]. Примером является электростанция Hung Yen (мощность – 20 МВт, инвестиционные затраты – 25 млн долл. США) [Cuong et al., 2021].

3. Эффективность электростанций на биомассе составляет 20–30 %, инвестиционные затраты – 1–1,5 млн долл. США/МВт, себестоимость производства – 0,08–0,2 долл. США/кВт/ч [Hoang, 2024]. Примером является электростанция Дананг (мощность – 25 МВт, инвестиционные затраты – 81,2 млн долл. США)[20].

Технологии переработки и преобразования биомассы в энергию все еще развиваются. В настоящее время существуют некоторые заводы, производящие электроэнергию из биомассы, но масштабы их пока невелики, и они не пользуются популярностью. Стоимость производства электроэнергии из биомассы составляет около 0,06–0,08 долл. США/кВт/ч, что может быть конкурентоспособным по сравнению с другими источниками энергии [Hoang, 2024]. Использование местного сырья снижает затраты, энергия биомассы может создавать рабочие места в сельском хозяйстве и перерабатывающей промышленности, способствуя развитию местной экономики.

Анализ перспектив развития технологий ВИЭ во Вьетнаме с применением метода анализа иерархий / Analysis of the development prospects of renewable energy technologies in Vietnam using the analytic hierarchy process method

Для выбора направлений развития ВИЭ и принятия решений относительно приоритетности инвестиций в ВИЭ разработана многокритериальная модель с применением анализа иерархического процесса, включая [Salman, Razman, 2014]:

- определение целей;
- выбор критериев (технические, экономические, социальные, экологические) и определение весов критериев;
- выбор трех подкритериев по каждому критерию, веса принимаются равными;
- сбор информации по значениям показателей (подкритериев);
- попарное сравнение значений показателей и расчет суммарной оценки каждой технологии по каждому критерию;
- расчет итоговых показателей по каждой технологии с учетом весов критериев.

Определены основные критерии, позволяющие лицам, принимающим решения, провести комплексную технико-экономическую оценку конкретного возобновляемого источника энергии. Далее с учетом выполненного анализа определены 12 подкритериев оценки [Salman, Razman, 2014].

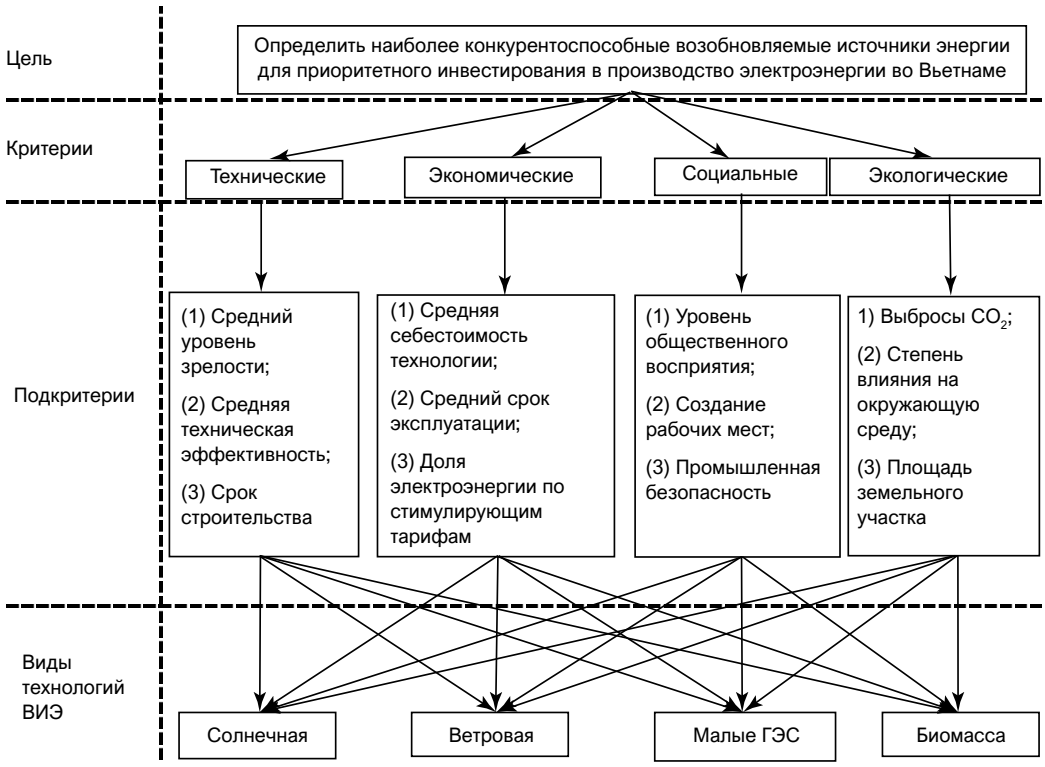
Построенная иерархическая структура оценки ВИЭ показана на рис. 3.

Удельные веса (приоритеты) критериев определены по методу, предложенному Salman и Razman (2014), для Малайзии (эта страна имеет много общего с Вьетнамом в плане технологий, экономики, общества и окружающей среды), поэтому коэффициенты применены для принятия решения о выборе типа источника ВИЭ во Вьетнаме. Принятые в дальнейших расчетах значения экономических, технических, экологических и социальных критериев составляют 25,5, 53,2, 6,7 и 14,6 соответственно [Salman, Razman, 2014]. Удельные веса подкритериев приняты равными 0,33.

Средние значения показателей по подкритериям приведены в табл. 1.

По техническим характеристикам наиболее зрелыми и эффективными являются малые ГЭС и биомасса. Малые гидроэлектростанции показывают самую высокую техническую эффективность (46 %) и короткий срок строительства (три года), при этом они обладают наибольшим сроком эксплуатации – 50 лет. Биомасса, хоть и имеет самую высокую эффективность (72 %), все еще находится на стадии развития и требует большего времени на строительство (пять лет), что может ограничивать ее широкое внедрение.

[20] VNEEP. Vietnam Energy Statistic. Режим доступа: http://vepg.vn/wp-content/uploads/2022/09/English-Energy-statistics-2020-Dec-2021.pdf (дата обращения: 29.09.2025).



Составлено авторами по материалам источников [11; 12; 26] / *Compiled by the authors on the materials of the sources [11; 12; 26]*

Рис. 3. Модель анализа иерархического процесса для определения приоритетности инвестиций в ВИЭ во Вьетнаме

Fig. 3. Hierarchical process analysis model for prioritizing renewable energy investments in Vietnam

Таблица 1

Средние значения показателей (подкритериев) для оценки возобновляемых источников энергии во Вьетнаме в 2023 г.

Table 1. Average values of indicators (subcriteria) for evaluating renewable energy sources in Vietnam in 2023

Критерии / Типы возобновляемой энергии		Солнечная	Ветровая	Малые ГЭС	Биомасса
Технические	Средний уровень зрелости	Развивающийся (3)	Развивающийся (3)	Высокий (5)	Развивающийся (3)
	Средняя техническая эффективность, %	21,5	37,0	46,0	72,0
	Срок строительства, годы	3,0	4,0	3,0	5,0
Экономические	Средняя стоимость технологии, долл. США/кВт	758,0	1 274,0	2 881,0	2 162,0
	Средний срок эксплуатации, лет	25,0	25,0	50,0	35,0
	Доля электроэнергии по стимулирующим тарифам, %	70,0	70,0	80,0	65,0
Социальные	Уровень общественного восприятия (одобрения)	Высокий, 5,0	Средний, 3	Высокий, 5	Средний–высокий, 4,0
	Создание рабочих мест, чел./МВт	9,0	4,0	6,0	10,0
	Промышленная безопасность	Почти высокая 4,5	Средняя–высокая 4,0	Средняя 3,0	Выше среднего 3,5

Окончание табл. 1

Критерии / Типы возобновляемой энергии		Солнечная	Ветровая	Малые ГЭС	Биомасса
Экологические	Выбросы CO_2, г CO_2-экв./кВтч	48,0	12,0	24,0	900,0
	Сила влияния на окружающую среду	Малая 4,0	Малая 4,0	Средняя 3,0	Высокая, 1,0
	Площадь земельного участка, м2/МВтч/год	19,0	99,0	14,0	760,0

Составлено авторами по материалам источников [Salman, Razman, 2014; Hoang, 2024; Nguyen, Le, 2024; Tran, Le, Nguyen, 2024; Urakami, 2023; Phuoc, Hung, 2024; Chu et al., 2024; Prasittisopin, 2024; Nguyen et al., 2024; Tran et al., 2024][21,22,23,24,25,26] / *Compiled by the authors on the materials of the sources [Salman, Razman, 2014; Hoang, 2024; Nguyen, Le, 2024; Tran, Le, Nguyen, 2024; Urakami, 2023; Phuoc, Hung, 2024; Chu et al., 2024; Prasittisopin, 2024; Nguyen et al., 2024; Tran et al., 2024][21,22,23,24,25,26]*

С экономической точки зрения наименее затратным видом энергии является солнечная со средней стоимостью установки 758 долл. США/кВт и сопоставимым сроком службы (25 лет)[27]. Ветровая энергетика, хотя и имеет высокую эффективность, стоит значительно дороже (1,274 тыс. долл. США/кВт), а биомасса и малые ГЭС, несмотря на долгий срок службы, остаются самыми капиталоемкими[28]. Важно отметить, что высокая доля электроэнергии, продаваемой по стимулирующим тарифам, указывает на государственную поддержку, что может компенсировать высокие стартовые вложения[29].

С социальной стороны наибольшее общественное одобрение наблюдается у солнечной энергии и малых ГЭС (по пять баллов), что связано с их низким уровнем шума. Биомасса обеспечивает наибольшее количество рабочих мест на 1 МВт установленной мощности (10 чел.), что делает ее важной в борьбе с безработицей, особенно в сельских районах. По данным отчета IRENA, уровень серьезных несчастных случаев на производстве на солнечных электростанциях во всем мире составляет < 0,05 случая на 1 тыс. работников в год, что значительно ниже, чем у ветроэнергетики, гидроэнергетики и биомассы[30]. Согласно данным Министерства промышленности и торговли Вьетнама, на конец 2023 г. в стране функционировало свыше 100 промышленных солнечных электростанций, при этом не было зарегистрировано ни одного значительного инцидента, связанного с обеспечением безопасности [Nguyen et al., 2024; Hoang, 2024].

Согласно данным Главного управления охраны труда Вьетнама, в 2022 г. на объектах ветроэнергетики было зарегистрировано два несчастных случая, однако смертельные исходы отсутствовали[31]. В отчете Министерства природных ресурсов и окружающей среды Вьетнама за 2021 г. отмечается, что в период с 2015 г. по 2021 г. зафиксировано 7 инцидентов, связанных с малыми гидроэлектростанциями, из которых три привели к значительным оползням, затронувшим

[21] Vietnam's Ministry of Industry and Trade. Vietnam Energy Outlook Report 2024. Режим доступа: https://ens.dk/sites/ens.dk/files/Globalcooperation/1._eor-nz_english_june2024_0.pdf (дата обращения: 29.09.2025).

[22] EVN. Solar power: New trend for households, 2025. Режим доступа: https://www.evn.com.vn/d/vi-VN/news/Dien-nang-luong-mat-troi-Xu-huong-moi-cua-cac-ho-dan-60-17-504174 (дата обращения: 29.09.2025).

[23] General Statistics Office of Vietnam. Price index of raw materials, fuels and materials used for production. Режим доступа: https://www.nso.gov.vn/px-web-2/?pxid=V1124&theme=Th%C6%B0%C6%A1ng%20m%E1%BA%A1i%2C%20gi%C3%A1%20c%E1%BA%A3 (дата обращения: 29.09.2025).

[24] Vietnam Law Library. Regulations on the mechanism for direct electricity purchase and sale between renewable energy generators and large electricity users, 2025. Режим доступа: https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Tai-nguyen-Moi-truong/Nghi-dinh-57-2025-ND-CP-co-che-mua-ban-dien-truc-tiep-giua-don-vi-phat-dien-nang-luong-tai-tao-645610.aspx (дата обращения: 29.09.2025).

[25] The Ministry of Industry and Trade. The Draft National Power Development Plan for the 2021–2030 Period, with a Vision to 2045 (PDP VIII). Режим доступа: https://moc.gov.vn/en/news/71492/national-power-development-plan-viii-paves-way-for-renewable-energy.aspx (дата обращения: 29.09.2025).

[26] IRENA. Renewable Power Generation Costs in 2023. Режим доступа: https://www.irena.org/Publications/2024/Sep/Renewable-Power-Generation-Costs-in-2023 (дата обращения: 29.09.2025).

[27] IRENA. Renewable Power Generation Costs in 2023. Режим доступа: https://www.irena.org/Publications/2024/Sep/Renewable-Power-Generation-Costs-in-2023 (дата обращения: 29.09.2025).

[28] Goldwind. 2023 Annual Results. https://www.goldwind.com/data/uploads/bdc_content2024/4959848469554765824.pdf (дата обращения: 29.09.2025).

[29] Vietnam Energy Association. Developing Feed-in-Tariff (FIT) Mechanism for Renewable Energy in Vietnam – History, Achievements, Challenges. Режим доступа: https://nangluongvietnam.vn/phat-trien-co-che-ho-tro-gia-fit-cho-nang-luong-tai-tao-viet-nam-lich-su-thanh-tuu-thach-thuc-34070.html (дата обращения: 29.09.2025).

[30] IRENA. Renewable energy statistics 2024. Режим доступа: https://www.irena.org/Publications/2024/Jul/Renewable-energy-statistics-2024 (дата обращения: 29.09.2025).

[31] Ministry of Labor, War Invalids and Social Affairs Assessment of the implementation of occupational safety and health work in 2022 and directions and tasks for 2023. Режим доступа: https://www.molisa.gov.vn/baiviet/235397?tintucID=235397 (дата обращения: 29.09.2025).

жилые зоны населения[32]. Кроме того, согласно данным Министерства промышленности и торговли Вьетнама, в 2020 г. на биомассовой электростанции произошел незначительный пожар, вызванный утечкой газа в системе сжигания рисовой шелухи[33].

С точки зрения экологии самыми чистыми источниками являются ветер и солнце – они производят минимальные выбросы CO_2 (12 и 48 г/кВтч соответственно) и оказывают слабое воздействие на окружающую среду. Малые ГЭС уступают им по экологическим параметрам, но все еще остаются устойчивыми по сравнению с традиционной генерацией. Наименее экологически приемлемой оказалась биомасса – при высокой выработке энергии она сопровождается значительными выбросами парниковых газов (900 г CO_2-экв./кВтч) и требует больших земельных ресурсов[34]. Это подтверждает необходимость дальнейшей модернизации технологий переработки биомассы и перехода к более чистым видам топлива.

Далее построены четыре матрицы, в которых выполнено парное сравнение для каждого критерия по всем технологиям. Результаты представлены в табл. 2.

После построения матриц по всем критериям определяются приоритеты для каждой технологии (альтернативы), представленные на рис. 4.

[32] Ministry of Natural Resources and Environment of Vietnam, National State of the Environment Report 2021. Режим доступа: https://hepa.gov.vn/bao-cao-hien-trang-moi-truong-quoc-gia-2021/ (дата обращения: 29.09.2025).

[33] General Statistics Office of Vietnam, Some sustainable development indicators on urban environment and climate change in Vietnam in 2021. Режим доступа: https://www.nso.gov.vn/wp-content/uploads/2023/10/3_vn_report_final_05-10-2023_except.pdf (дата обращения: 29.09.2025).

[34] IRENA. Renewable energy statistics 2024. Режим доступа: https://www.irena.org/Publications/2024/Jul/Renewable-energy-statistics-2024 (дата обращения: 29.09.2025).

Таблица 2

Матрицы парных сравнений для критериев оценки технологий ВИЭ

Table 2. Pairwise comparison matrices for evaluation criteria of renewable energy technologies

Технические категории	**Солнечная**	**Ветровая**	**МГЭС**	**Биомасса**	**Экономические категории**	**Солнечная**	**Ветровая**	**МГЭС**	**Биомасса**
Солнечная	1,0000	0,9715	0,6891	0,988400	Солнечная	1,0000	1,2269	1,7253	1,547800
Ветровая	1,0294	1,0000	0,7181	0,921300	Ветровая	0,8151	1,0000	1,2121	1,162700
МГЭС	1,4511	1,3925	1,0000	1,324100	МГЭС	0,5796	0,8250	1,0000	1,136600
Биомасса	1,0117	1,0854	0,7552	1,000000	Биомасса	0,6461	0,8600	0,8798	1,000000
Итого	4,4922	4,4494	3,1625	4,233800	Итого	3,0400	3,9100	4,8200	4,847151
Социальные категории	**Солнечная**	**Ветровая**	**МГЭС**	**Биомасса**	**Экологические категории**	**Солнечная**	**Ветровая**	**МГЭС**	**Биомасса**
Солнечная	1,0000	1,5694	1,2667	1,061900	Солнечная	1,0000	2,1535	0,8567	20,91670
Ветровая	0,6372	1,0000	0,8667	0,764300	Ветровая	0,4644	1,0000	1,1582	28,89230
МГЭС	0,7895	1,1538	1,0000	0,902400	МГЭС	1,1672	0,8634	1,0000	31,595200
Биомасса	0,9417	1,3084	1,1082	1,000000	Биомасса	0,0478	0,0346	0,0317	1,000000
Итого	3,3700	5,0300	4,2400	3,728571	Итого	2,6800	4,0500	3,0500	82,404160

Составлено авторами по материалам исследования / *Compiled by the authors on the materials of the study*

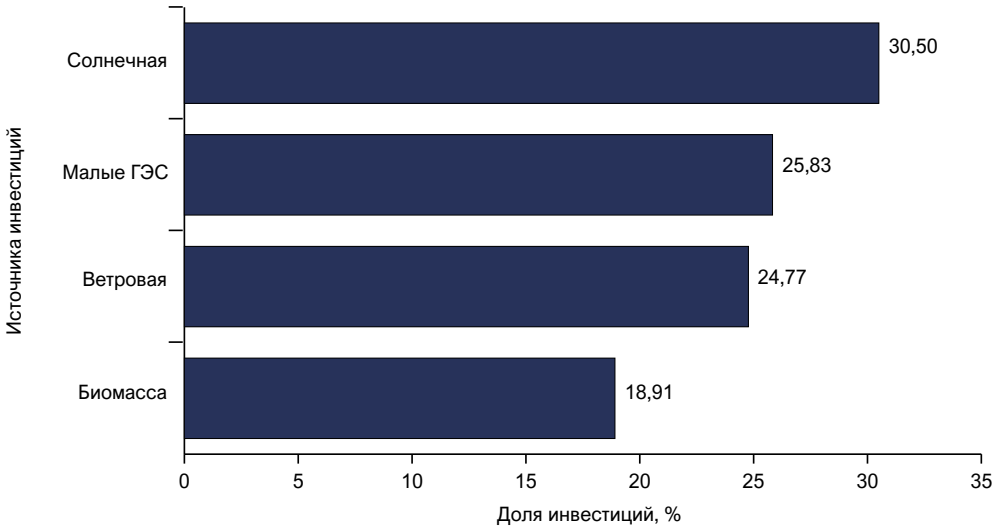
	Приоритетный вес альтернатив по отношению к критериям					**Приоритетный вес критериев по отношению к цели** ([Salman, Razman, 2014] по Малайзии)			**Результат**	
	C1	C2	C3	C4						
B1	0,2231	0,3300	0,2981	0,3599		0,255	(технические)		0,3050	(солнечная)
B2	0,2246	0,2538	0,1993	0,2877		0,532	(экономические)		0,2477	(ветровая)
B3	0,3162	0,2109	0,2354	0,3401	X	0,067	(социальные)	=	0,2583	(МГЭС)
B4	0,2360	0,2053	0,2673	0,0122		0,146	(экологические)		0,1891	(биомасса)
	(технические)	(экономические)	(социальные)	(экологические)						

Примечание: источник [Salman, Razman, 2014] использован для определения весов критериев, результат получен расчетным путем с применением методики аналитического иерархического процесса

Составлено авторами по материалам исследования / *Compiled by the authors on the materials of the study*

Рис. 4. Построение матрицы приоритетов для оценки ВИЭ во Вьетнаме (приоритетный вес альтернатив по отношению к критериям)

Fig. 4. Building a priority matrix for assessing renewable energy in Vietnam (priority weight of alternatives in relation to criteria)



Составлено авторами по материалам исследования / *Compiled by the authors on the materials of the study*

Рис. 5. Приоритеты ВИЭ во Вьетнаме

Fig. 5. Renewable energy priorities in Vietnam

Уровень конкурентоспособности и приоритеты инвестиций в ВИЭ во Вьетнаме определены следующим образом: солнечная энергия – 30,5 %, малые ГЭС – 25,83 %, ветровая энергия – 24,77 %, биомасса – 18,91 %. Эти результаты указывают на растущий интерес к потенциалу солнечной энергии как наиболее привлекательного источника для инвестиций.

Полученные результаты расчетов авторов приоритетности ВИЭ во Вьетнаме показаны на рис. 5.

Основными факторами конкурентоспособности солнечной энергии являются относительно короткий срок строительства (три года), наименьшая средняя стоимость (758 долл. США/кВт), высокий уровень общественного восприятия и одобрения солнечной энергии, низкий уровень эксплуатационного риска[35]. Малые ГЭС имеют более высокий срок эксплуатации (50 лет) и низкие выбросы CO_2 (24 г CO_2-экв./кВт/ч), более высокую стоимость технологии (2,881 тыс. долл. США/кВт) и длительный срок строительства (четыре года). Малая ГЭС может стать причиной внезапных наводнений и оползней[36].

Хотя ветровая энергия и биомасса предлагают ряд ощутимых преимуществ, от создания новых рабочих мест и обеспечения высокого уровня безопасности до значительного снижения выбросов CO_2, что помогает в борьбе с глобальным потеплением, их внедрение сталкивается с серьезными препятствиями. Более высокие затраты на установку и эксплуатацию, а также менее благоприятное общественное восприятие, связанное с визуальным воздействием ветряных мельниц или запахами от биомассы, заметно снижают инвестиционную привлекательность этих технологий, делая их менее конкурентоспособными по сравнению с другими источниками энергии.

Основные выводы исследования:

• анализ сравнения технологий и источников ВИЭ по техническим характеристикам показал, что наиболее зрелыми и эффективными являются малые ГЭС и биомасса, солнечной и ветрогенерации следует увеличивать техническую эффективность;

• по экономическим показателям наименее затратным и наиболее эффективным видом энергии является солнечная генерация, при этом максимальный срок эксплуатации имеют малые ГЭС;

• по социальным критериям все виды ВИЭ являются сопоставимыми и поддерживаются общественностью;

• по экологическим критериям существенно проигрывает производство энергии на биомассе, при этом остальные виды генерации сопоставимы по характеристикам;

• выполненная оценка перспектив развития секторов ВИЭ во Вьетнаме с применением метода анализа иерархического процесса показала (рис. 5), что уровень конкурентоспособности и приоритеты инвестиций в ВИЭ во Вьетнаме определены следующим образом: солнечная энергия – 30,5 %, малые ГЭС – 25,83 %, ветровая энергия – 24,77 %, биомасса – 18,91 %, что указывает на растущий интерес к потенциалу солнечной энергии как наиболее привлекательного источника для инвестиций.

[35] EVN. Solar power: New trend for households. Режим доступа: https://www.evn.com.vn/d/vi-VN/news/Dien-nang-luong-mat-troi-Xu-huong-moi-cua-cac-ho-dan-60-17-504174 (дата обращения: 29.09.2025).

[36] EVN. Pumped hydropower – the key to energy transition. Режим доступа: https://www.evn.com.vn/d/vi-VN/news/Thuy-dien-tich-nang-Chia-khoa-thuc-day-chuyen-dich-nang-luong-60-8-500804 (дата обращения: 29.09.2025).

Заключение / Conclusion

Выбор конкретной технологии и типа электростанции играет ключевую роль в формировании конкурентоспособности ВИЭ во Вьетнаме, напрямую отражаясь на экономической рентабельности и общей стабильности национальной энергетической инфраструктуры. В эпоху бурного роста потребления энергии и острой необходимости минимизировать углеродный след умелое сочетание разнообразных инновационных подходов, будь то солнечные панели, ветряки или биомасса, становится основным гарантом плавного и эффективного перехода к экологически чистой энергетической модели, обещая долгосрочные выгоды для экономики и окружающей среды.

Наглядные преимущества солнечной энергии выводят ее на передовые позиции в энергетическом ландшафте Вьетнама: от сравнительно невысоких затрат на инвестиции до интенсивного солнечного излучения и благоприятного климата, который идеально подходит для таких проектов. Применение передовых технологий вроде PERC и TOPCon ускоряет реализацию инициатив до трех лет и значительно повышает эффективность систем, делая их еще более привлекательными. Кроме того, эта отрасль не только приносит экономическую пользу, но и стимулирует социальный прогресс, открывая новые рабочие места и минимизируя операционные риски. Все это делает солнечную энергетику неотъемлемой частью национальной стратегии по декарбонизации, что подтверждается впечатляющими экономическими и экологическими результатами, обещающими устойчивое будущее для страны.

В сфере гидроэнергетики, особенно с малыми ГЭС и гидроаккумулирующими системами, мы наблюдаем впечатляющий уровень технологической зрелости и огромный потенциал для укрепления стабильности энергосистемы. Это особенно ценно для Вьетнама с его богатейшими водными ресурсами, которые открывают широкие возможности для развития. Однако важно учитывать экологические аспекты и интегрировать меры по минимизации воздействия на окружающую среду.

Ветровая энергия, несмотря на значительные капитальные вложения и технические сложности при установке оффшорных турбин, сохраняет огромный, но пока недостаточно раскрытый потенциал, особенно в прибрежных регионах. Для его эффективного использования необходимы государственные стимулы и международное сотрудничество.

Энергетика на основе биомассы благодаря широкому спектру технологических решений и доступности сельскохозяйственных и бытовых отходов становится все более важной составляющей энергетического комплекса, способствуя устойчивому развитию сельских территорий и решению проблем утилизации отходов.

Интегрированное развитие всех перечисленных направлений с учетом региональных особенностей и внедрением инновационных технологий позволит Вьетнаму не только обеспечить энергетическую безопасность, но и стать образцом устойчивого и экологически ответственного развития в регионе. Для достижения этих целей необходимы комплексная государственная политика, поддержка научных исследований и активное международное сотрудничество, что в итоге создаст прочную основу для долгосрочного роста и благополучия общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Васильев Ю.Н., Стройков Г.А. Обзор практических инструментов повышения общественной осведомленности о технологиях секвестрации CO_2 за рубежом. РИСК. 2020;1:73–77.

Нгуен А.Ф. Вызовы и возможности развития топливно-энергетического комплекса Вьетнама. Инновации и инвестиции. 2023;4:309–312.

Пашкевич М.А., Данилов А.С. Экологическая безопасность и устойчивое развитие. Записки Горного института. 2023;260:153–154.

Chu H.L., Do N.T., Nguyen L., Le L., Ho Q.A., Dang K., Ta M.A. The economic impacts of the European Union's Carbon Border Adjustment Mechanism on developing countries: the case of Vietnam. Fulbright Review of Economics and Policy. 2024;4(1):1–17. https://doi.org/10.1108/FREP-03-2024-0011

REFERENCES

Chu H.L., Do N.T., Nguyen L., Le L., Ho Q.A., Dang K., Ta M.A. The economic impacts of the European Union's Carbon Border Adjustment Mechanism on developing countries: the case of Vietnam. Fulbright Review of Economics and Policy. 2024;4(1):1–17. https://doi.org/10.1108/FREP-03-2024-0011

Cuong T.T., Le H.A., Khai N.M., Hung P.A., Linh L.T., Thanh N.V., Tri N.D., Huan N.X. Renewable energy from biomass surplus resource: Potential of power generation from rice straw in Vietnam. Sci. Rep. 2021;11. https://doi.org/10.1038/s41598-020-80678-3

Do T.N., Paul J.B., Llewelyn H., Ta D.T. Policy options for offshore wind power in Vietnam. Marine Policy. 2022. https://doi.org/10.1016/j.marpol.2022.105080

Hoang K.L. Renewable Energy Development in Vietnam – Current Situation and Solutions. International Journal of Sustainable Applied Sciences. 2024;2(4). https://doi.org/10.59890/ijsas.v2i4.1764

Cuong T.T., Le H.A., Khai N.M., Hung P.A., Linh L.T., Thanh N.V., Tri N.D., Huan N.X. Renewable energy from biomass surplus resource: Potential of power generation from rice straw in Vietnam. Sci. Rep. 2021;11. https://doi.org/10.1038/s41598-020-80678-3

Do T.N., Paul J.B., Llewelyn H., Ta D.T. Policy options for offshore wind power in Vietnam. Marine Policy. 2022. https://doi.org/10.1016/j.marpol.2022.105080

Hoang K.L. Renewable Energy Development in Vietnam – Current Situation and Solutions. International Journal of Sustainable Applied Sciences. 2024;2(4). https://doi.org/10.59890/ijsas.v2i4.1764

Lee M. Observation-based solar and wind power capacity factors and power densities. Environmental Research Letters. 2018;10(13):104008. https://doi.org/10.1088/1748-9326/aae102

Lindberg O. Wind and Solar Parks to Increase the Capacity Factor. In: 21st Wind & Solar Integration Workshop. 2022. https://doi.org/10.1049/icp.2022.2823

Nguyen K.Q. Wind energy in Vietnam: Resource assessment, development status and future implications. Energy Policy. 2020;138:1405–1413. https://doi.org/10.1016/j.enpol.2006.04.011

Nguyen M.P., Ponomarenko T., Nguyen N. Energy Transition in Vietnam: A Strategic Analysis and Forecast. Sustainability. 2024;16. https://doi.org/10.3390/su16051969

Nguyen T.A. The impact of feed-in tariffs on solar energy development in Vietnam. Energy Policy. 2020;139:111316.

Nguyen V.C.T., Le H.Q. The impact of ICT infrastructure, technological innovation, renewable energy consumption and financial development on carbon dioxide emission in emerging economies: new evidence from Vietnam. Management of Environmental Quality. 2024;6(35):1233–1253. https://doi.org/10.1108/MEQ-09-2023-0325

Nguyen X.P. Renewable energy policy in Vietnam: Progress and challenges. Renewable and Sustainable Energy Reviews. 2021. https://doi.org/10.1016/j.rser.2021.111652

Pham T.H. The development of wind energy in Vietnam: Opportunities and challenges. Energy Policy. 2020;139. https://doi.org/10.1016/j.enpol.2020.111479

Phuoc T., Hung N.T. Do green finance and energy counteract a sustainable environment in Vietnam? Quantile and frequency analysis. International Journal of Emerging Markets. 2024. https://doi.org/10.1108/IJOEM-03-2024-0507

Prasittisopin L. Power plant waste (fly ash, bottom ash, biomass ash) management for promoting circular economy in sustainable construction: emerging economy context. Smart and Sustainable Built Environment. 2024. https://doi.org/10.1108/SASBE-09-2024-0395

Salman A., Razman M.T. Selection of renewable energy sources for sustainable development of electricity generation system using analytic hierarchy process: A case of Malaysia. Renewable Energy. 2014;63:458–466. https://doi.org/10.1016/j.renene.2013.10.001

Sasges G., Ziegler A.D. We Have Eaten the Rivers: The Past, Present, and Unsustainable Future of Hydroelectricity in Vietnam. Sustainability. 2023;15. https://doi.org/10.3390/su15118969

Thai H.T.N., Wang C.N., Nguyen V.T. Fuzzy Multi-Criteria Decision Making for Solar Power Plant Location Selection. Computers, Materials & Continua. 2022;3(72):4853–4865. https://doi.org/10.32604/cmc.2022.026374

Tran Q.T. Challenges and opportunities for renewable energy in Vietnam: A review. Renewable Energy. 2021;163:150–162.

Tran K.T., Le N., Nguyen P.V. Assessing the role of consumer innovativeness and government incentives in enhancing the intention to install solar photovoltaic panels in Vietnam. International Journal of Organizational Analysis. 2024. https://doi.org/10.1108/IJOA-04-2024-4476

Lee M. Observation-based solar and wind power capacity factors and power densities. Environmental Research Letters. 2018;10(13):104008. https://doi.org/10.1088/1748-9326/aae102

Lindberg O. Wind and Solar Parks to Increase the Capacity Factor. In: 21st Wind & Solar Integration Workshop. 2022. https://doi.org/10.1049/icp.2022.2823

Nguyen A.P. Challenges and Opportunities for the Development of the Fuel and Energy Complex of Vietnam. Innovation & Investment. 2023;4:309–312. (In Russian).

Nguyen K.Q. Wind energy in Vietnam: Resource assessment, development status and future implications. Energy Policy. 2020;138:1405–1413. https://doi.org/10.1016/j.enpol.2006.04.011

Nguyen M.P., Ponomarenko T., Nguyen N. Energy Transition in Vietnam: A Strategic Analysis and Forecast. Sustainability. 2024;16. https://doi.org/10.3390/su16051969

Nguyen T.A. The impact of feed-in tariffs on solar energy development in Vietnam. Energy Policy. 2020;139:111316.

Nguyen V.C.T., Le H.Q. The impact of ICT infrastructure, technological innovation, renewable energy consumption and financial development on carbon dioxide emission in emerging economies: new evidence from Vietnam. Management of Environmental Quality. 2024;6(35):1233–1253. https://doi.org/10.1108/MEQ-09-2023-0325

Nguyen X.P. Renewable energy policy in Vietnam: Progress and challenges. Renewable and Sustainable Energy Reviews. 2021. https://doi.org/10.1016/j.rser.2021.111652

Pashkevich M.A., Danilov A.S. Environmental Safety and Sustainable Development. Journal of Mining Institute. 2023;260:153–154. (In Russian).

Pham T.H. The development of wind energy in Vietnam: Opportunities and challenges. Energy Policy. 2020;139. https://doi.org/10.1016/j.enpol.2020.111479

Phuoc T., Hung N.T. Do green finance and energy counteract a sustainable environment in Vietnam? Quantile and frequency analysis. International Journal of Emerging Markets. 2024. https://doi.org/10.1108/IJOEM-03-2024-0507

Prasittisopin L. Power plant waste (fly ash, bottom ash, biomass ash) management for promoting circular economy in sustainable construction: emerging economy context. Smart and Sustainable Built Environment. 2024. https://doi.org/10.1108/SASBE-09-2024-0395

Salman A., Razman M.T. Selection of renewable energy sources for sustainable development of electricity generation system using analytic hierarchy process: A case of Malaysia. Renewable Energy. 2014;63:458–466. https://doi.org/10.1016/j.renene.2013.10.001

Sasges G., Ziegler A.D. We Have Eaten the Rivers: The Past, Present, and Unsustainable Future of Hydroelectricity in Vietnam. Sustainability. 2023;15. https://doi.org/10.3390/su15118969

Thai H.T.N., Wang C.N., Nguyen V.T. Fuzzy Multi-Criteria Decision Making for Solar Power Plant Location Selection. Computers, Materials & Continua. 2022;3(72):4853–4865. https://doi.org/10.32604/cmc.2022.026374

Tran Q.T. Challenges and opportunities for renewable energy in Vietnam: A review. Renewable Energy. 2021;163:150–162.

Tran K.T., Le N., Nguyen P.V. Assessing the role of consumer innovativeness and government incentives in enhancing the intention to install solar photovoltaic panels in Vietnam. International Journal of Organizational Analysis. 2024. https://doi.org/10.1108/IJOA-04-2024-4476

Tran D.H., Bazhin V.Yu., Makushin D.V., Krylov K.A. Influence of temperature regime of the combined process of casting and rolling of strips from high-alloy aluminium alloys. Non-ferrous Metals. 2024;2(57):45–51. https://doi.org/10.17580/nfm.2024.02.07

Tran D.H., Bazhin V.Yu., Makushin D.V., Krylov K.A. Influence of temperature regime of the combined process of casting and rolling of strips from high-alloy aluminium alloys. Nonferrous Metals. 2024;2(57):45–51. https://doi.org/10.17580/nfm.2024.02.07

Urakami A. Are the Barriers to Private Solar/Wind Investment in Vietnam Mainly Those That Limit Network Capacity Expansion? Sustainability. 2023;15:10734. https://doi.org/10.3390/su151310734

Urakami A. Are the Barriers to Private Solar/Wind Investment in Vietnam Mainly Those That Limit Network Capacity Expansion? Sustainability. 2023;15:10734. https://doi.org/10.3390/su151310734

Vasiliev Yu.N., Stroykov G.A. Review of Practical Tools for Raising Public Awareness of CO_2 Sequestration Technologies Abroad. Journal of Risk. 2020;1:73–77. (In Russian).

УДК 332.15, 631.1 JEL Q01 DOI https://doi.org/10.26425/2309-3633-2025-13-4-40-50
Получено: 13.10.2025 Статья доработана после рецензирования: : 16.12.2025 Принято: 22.12.2025

Государственное регулирование социального развития сельских территорий Российской Федерации

Такмакова Елена Валерьевна[1]
Д-р экон. наук, проф. каф. инноватики и прикладной экономики
ORCID: 0000-0001-8333-4820, e-mail: takmakovae@mail.ru

Зайцев Алексей Геннадьевич[2]
Д-р экон. наук, проф. каф. управления проектом
ORCID: 0000-0002-7578-3543, e-mail: cbap@bk.ru

Карелина Екатерина Александровна[2]
Д-р экон. наук, доц. каф. мировой экономики и международных экономических отношений
ORCID: 0000-002-8402-4215, e-mail: ea_karelina1989@guu.ru

Канунникова Анна Михайловна[2]
Канд. экон. наук, ст. преп. каф. мировой экономики и международных экономических отношений
ORCID: 0000-0003-4449-9344, e-mail: anny_filatova@inbox.ru

[1]Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 302026, Комсомольская ул. 95, г. Орел, Россия
[2]Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия

Аннотация

Проведен анализ системы процессов государственного регулирования социального развития сельских территорий Российской Федерации. Цель настоящего исследования – выявление системных проблем, ограничивающих эффективность действующих инструментов, обоснование возможностей адаптации современных зарубежных подходов к российским институциональным условиям. Исследование основано на комплексе общенаучных и специальных методов, позволивших реализовать системный подход к анализу государственного регулирования социального развития сельских территорий. В частности, системный анализ применен для рассмотрения сельских территорий как сложной социально-экономической системы, выявления взаимосвязей между ее элементами (экономика, инфраструктура, человеческий капитал, управление) и моделирования «порочного круга» депрессивности. Сравнительный анализ лег в основу изучения зарубежного опыта и выявления условий, ограничивающих и способствующих его применению в Российской Федерации. Нормативно-правовой анализ использован при изучении стратегических документов, федеральных законов, государственных программ. Моделирование применено для графического представления причинно-следственных связей, образующих «порочный круг», и для описания предлагаемых институтов адаптации. Выявлены взаимосвязанные проблемы (финансовые, управленческие, демографические, инфраструктурные), образующие устойчивую систему. Доказано, что существующий перечень государственных инструментов зачастую работает внутри «порочного круга» депрессивности, а их несогласованность снижает общий эффект от применения инструментов. Проанализированы зарубежные подходы к государственному регулированию социального развития сельских территорий с выделением потенциала их применения в Российской Федерации и внутренних ограничений. Разработаны «гибридные» институты для адаптации принципов «снизу-вверх» в условиях российской управленческой вертикали. Предложены механизмы такой адаптации (микрогранты, распределяемые советами жителей, фонды развития территорий под управлением партнерских советов).

Ключевые слова: сельские территории, социальное развитие, село, государственное регулирование, местное самоуправление, государственное регулирование, зарубежный опыт, российская институциональная среда

Для цитирования: Такмакова Е.В., Зайцев А.Г., Карелина Е.А., Канунникова А.М. Государственное регулирование социального развития сельских территорий Российской Федерации//Управление. 2025. Т. 13. № 4. С. 40–50. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-4-40-50

© Такмакова Е.В., Зайцев А.Г., Карелина Е.А., Канунникова А.М., 2025.
Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная
http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Received 13.10.2025 Revised 16.12.2025 Accepted 22.12.2025

State regulation of social development in rural territories in Russia

Elena V. Takmakova[1]
Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Innovation and Applied Economics Department
ORCID: 0000-0001-8333-4820, e-mail: takmakovae@mail.ru

Alexey G. Zaitsev[2]
Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Project Management Department
ORCID: 0000-0002-7578-3543, e-mail: cbap@bk.ru

Ekaterina A. Karelina[2]
Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the World Economy and International Economic Relations Department
ORCID: 0000-002-8402-4215, e-mail: ea_karelina1989@guu.ru

Anna M. Kanunnikova[2]
Cand. Sci. (Econ.), Senior Lecturer at the World Economy and International Economic Relations Department
ORCID: 0000-0003-4449-9344, e-mail: anny_filatova@inbox.ru

[1]Orel State University, 95, Komsomolskaya ulitsa, Orel 302026, Russia
[2]State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia

Abstract

The system of processes of state regulation of social development in rural areas in Russia has been analyzed. The purpose of the study is to identify systemic issues that limit the existing tools effectiveness and to substantiate the possibilities of adapting modern foreign approaches to Russian institutional conditions. The research is based on a set of general scientific and special methods that have made it possible to implement a systematic approach to the analysis of state regulation of social development in rural areas. In particular, the system analysis has been applied to consider rural areas as a complex socio-economic system, to identify the interrelationships among its elements (economy, infrastructure, human capital, and management), and to model the vicious circle of depression. The comparative analysis has formed the basis for studying foreign experience and identifying conditions that limit and facilitate its application in Russia. Regulatory and legal analysis has been used in the study of strategic documents, federal laws, and government programs. Modeling has been used to graphically represent the cause-and-effect relationships forming a vicious circle and to describe the proposed institutions of adaptation. Interrelated issues (financial, managerial, demographic, and infrastructural), forming a stable system, have been identified. It has been proven that the existing list of government tools often works within a vicious circle of depression, and their inconsistency reduces the overall effect of using the tools. Foreign approaches to state regulation of social development in rural areas have been analyzed. The potential of their application in Russia and the internal constraints have been highlighted. Hybrid institutions have been developed to adapt the bottom-up principles in the context of the Russian management vertical. Mechanisms for such adaptation have been proposed (microgrants distributed by residents' councils, territorial development funds managed by partner councils).

Keywords: rural areas, social development, village, state regulation, local government, local government, state regulation, foreign experience, Russian institutional environment

For citation: Takmakova E.V., Zaitsev A. G., Karelina E.A., Kanunnikova A.M. (2025). State regulation of social development in rural territories in Russia. *Upravlenie / Management (Russia)*, 13 (4), pp. 40–50. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-4-40-50

© Takmakova E.V., Zaitsev A. G., Karelina E.A., Kanunnikova A.M., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение / Introduction

Актуальность исследования государственного регулирования социального развития сельских территорий обусловлена сочетанием острой практической значимости и недостаточной теоретической проработанности конкретных механизмов адаптации современных подходов к уникальным российским условиям. В настоящее время в научной литературе (как отечественной, так и зарубежной) наметился переход от отраслевого аграрного подхода к интегрированной территориальной политике, где социальное и экономическое развитие неразделимы. Однако в российской научной периодике теория «умной» специализации и общественно-ориентированного развития применительно к российскому селу исследована фрагментарно. В связи с этим необходима адаптация этих концепций с учетом таких факторов, как низкая плотность населения, историческая роль крупных агрохолдингов, слабость институтов местного самоуправления. Кроме того, необходима разработка комплексных теоретических моделей, объясняющих устойчивость депрессивного состояния сельских территорий Российской Федерации (далее – РФ, Россия).

Развитие сельских территорий закреплено в ключевых стратегических документах (например, в Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г., национальном проекте «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»)[1,2]. Существует острая потребность в формировании рекомендаций по повышению эффективности инструментов реализации этих документов, преодолению межведомственных барьеров и переходу от «строительства объектов» к «созданию возможностей».

В настоящее время наблюдается усиление диспропорций в расселении, что угрожает национальной безопасности и продовольственному суверенитету. Разрыв в доступе к качественным услугам (медицинским, образовательным, культуры) между городом и селом остается фактором социальной несправедливости и миграции молодежи.

Говоря о степени изученности государственного регулирования социального развития сельских территорий России, мы отметим, что проблеме комплексного развития сельских территорий России посвящены труды А.И. Алтухова, Е.И. Артемовой, Е.В. Плотниковой, Г.Н. Барсуковой, Е.Н. Клочко, С.Н. Харченко, А.Ю. Медведева [Алтухов, 2025; Артемова, Плотникова, Барсукова; Клочко, Харченко, Медведева, 2022]. Развитие сельских территорий как фактора уровня жизни населения представлено в работах Т.И. Гуляевой, Е.В. Такмаковой, Д.Ю. Самыгина, О.В. Сидоренко, М.Н. Гусевой, О.Ю. Анциферовой, М.В. Зелинской, А.Н. Сущенко, М.С. Оборина, О.Ю. Савенковой [Гуляева, Такмакова, Самыгин, Сидоренко, 2025; Гусева, Анциферова, 2023; Зелинская, Сущенко, 2023; Оборин, 2022; Савенкова, 2015]. Государственное регулирование развития сельских территорий страны рассмотрено в исследовании Р.В. Захарова, проблемы цифровизации сельских территорий проанализировано Н.П. Советовой [Захаров, 2021; Советова, 2021].

Цели, задачи, инструменты государственного регулирования социального развития сельских территорий России / Goals, objectives, and tools of state regulation of social development in rural areas in Russia

Цель государственного регулирования развития сельских территорий – преодоление исторически сложившегося разрыва в уровне и условиях жизни между городом и селом, остановка депопуляции и создание условий для притяжения и закрепления на селе молодежи. Из данной цели вытекает ряд задач государственного регулирования социального развития сельских территорий (табл. 1).

Государственное регулирование социального развития сельских территорий РФ представляет собой комплекс мер, направленных на формирование благоприятных условий для жизни, работы, развития населения, проживающего в сельской местности. Инструменты государственного регулирования социального развития сельских территорий носят многоуровневый и комплексный характер, и их можно сгруппировать по ряду направлений (табл. 2).

Представленная в табл. 2 классификация инструментов государственного регулирования социального развития сельских территорий отражает их многообразие, но ведущими проблемами являются их несогласованность и противоречивое воздействие. Для исправления такой ситуации необходимы применение указанных инструментов в синергетической комбинации, а также устранение системных конфликтов:

• сочетание нормативно-правовых и организационно-управленческих инструментов посредством принятия нового отраслевого стандарта «доступности услуги» (нормативный инструмент) должно быть подкреплено созданием методических центров

[1] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2015 г. № 151-р «Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года». Режим доступа: http://static.government.ru/media/files/Fw1kbNXVJxQ.pdf (дата обращения: 09.10.2025).

[2] Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy/?ysclid=misk971cie200248758 (дата обращения: 09.10.2025).

компетенций (организационный инструмент) для обучения регионов гибким моделям обслуживания (мобильные бригады, сетевые формы);

• сочетание финансовых и информационных инструментов (программа «Сельская ипотека» (финансовый инструмент) будет эффективно только при активной информационной компании и работе call-центров, разъясняющих условия такой ипотеки, и цифровых платформ для упрощения оформления;

• сочетание финансовых и организационных инструментов (выделение субсидий на развитие малого и среднего предпринимательства (финансовый инструмент) должно сочетаться с организацией институтов развития (бизнес-инкубаторы, гарантийные фонды) на сельских территориях, которые помогут предпринимателям этими субсидиями грамотно распорядиться;

Одновременно имеют место противоречия и конфликты инструментов:

• субсидии крупным агропроизводителям (выступают как финансовый инструмент, цель которого – обеспечение продовольственной безопасности) часто консервируют сырьевую модель развития, подавляют малый неаграрный рынок, лишая его кадров и ограничивая рынок;

[3] Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64930/ (дата обращения: 09.10.2025).

[4] Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в единой системе публичной власти». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/ (дата обращения: 09.10.2025).

[5] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2015 г. № 151-р «Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года». Режим доступа: http://static.government.ru/media/files/Fw1kbNXVJxQ.pdf (дата обращения: 09.10.2025).

[6] Указ Президента Российской Федерации от 21 октября 2020 г. № 20 «Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации». Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425/?ysclid=miski14kqr591682086 (дата обращения: 09.10.2025).

Таблица 1

Структурирование задач государственного регулирования социального развития сельских территорий по видам

Table 1. Structuring the tasks of state regulation of social development in rural areas by type

Вид задач	Конкретизация задач
Демографические	Стабилизация и рост численности сельского населения, укрепления института семьи
Экономические	Диверсификация сельской экономики, создание новых рабочих мест на селе (не только в сельском хозяйстве), поддержка малого и среднего предпринимательства
Социально-инфраструктурные	Модернизация и развитие социальной инфраструктуры, обеспечение доступности качества социальных услуг
Пространственно-планировочные	Благоустройство сельских населенных пунктов, развитие инженерной инфраструктуры, улучшение жилищных условий
Экологические	Повышение экологической безопасности, рациональное использование природных ресурсов, улучшение санитарного состояния сельских территорий
Социально-культурные	Сохранение традиционного уклада жизни, развитие гражданской активности, местного самоуправления

Составлено авторами по материалам исследования / *Compiled by the authors on the materials of the study*

Таблица 2

Группировка инструментов государственного регулирования социального развития сельских территорий РФ по направлениям

Table 2. Grouping of instruments of state regulation of social development in rural territories in Russia by directions

Направление воздействия инструментов	Направления регулирования	Характеристика направления
Нормативно-правовое	Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства»[3]	Определяет основные направления государственной политики в сфере развития сельского хозяйства и сельских территорий
	Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в единой системе публичной власти»[4]	Регулирует вопросы организации местного самоуправления, в том числе на сельских территориях
	Стратегические документы (Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 г. (основополагающий документ), Доктрина продовольственной безопасности РФ[5,6]	Устанавливают принципы и нормы для всей страны, в том числе для сельских территории

Окончание табл. 2

Направление воздействия инструментов	Направления регулирования	Характеристика направления
Финансовое	Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий»[7]	Инструмент государственной поддержки социального развития села предусматривает финансирование мероприятий по улучшению жилищных условий, развитию инфраструктуры, образования, здравоохранения, культуры, созданию рабочих мест
	Субсидии и гранты сельскохозяйственным товаропроизводителям	Поддержка производства сельскохозяйственной продукции позволяет создать новые рабочие места, повысить доходы сельского населения
	Льготное кредитование	Направлено на предоставление кредитов на льготных условиях для развития сельскохозяйственного производства, строительства жилья на селе
	Финансирование социальных программ (образование, здравоохранение, культура)	Социальные программы направлены на обеспечение доступа сельского населения к качественным социальным услугам
	Поддержка развития малого и среднего предпринимательства на селе	Позволяет создать новые рабочие места на селе, диверсифицировать сельскую экономику
Организационно-управленческое	Разработка федеральных и региональных программ развития сельских территорий	Предполагает определение приоритетов и целей развития, разработку конкретных мероприятий и механизмов их реализации
	Координация деятельности органов власти (федеральных, региональных, местного самоуправления), общественных организаций, бизнеса	Направлена на обеспечение согласованности действий и эффективного использования ресурсов
	Создание институтов развития сельских территорий (агентства, фонды и т.п.)	Направлено на поддержку реализации проектов развития, привлечение инвестиций
	Организация мониторинга, контроля за реализацией программ и проектов развития сельских территорий	Обеспечивает эффективное и результативное использование бюджетных средств
	Подготовка, переподготовка кадров для работы в сельской местности	Обеспечивает квалифицированными специалистами в области сельского хозяйства, образования, здравоохранения, культуры и т.д.
Информационное	Освещение в средствах массовой информации вопросов социального развития сельских территорий	Повышает информированность населения о проблемах и перспективах социального развития села
	Проведение информационных компаний, направленных на привлечение внимания	Привлекает внимание к проблемам сельских территорий, стимулирует участие населения в решении этих проблем, формирует позитивный образ жизни на селе
	Организация конференций, выставок	Направлена на обмен опытом, распространение передовых технологий в сфере социального развития сельских территорий
	Создание информационных ресурсов, включающих информацию о программах и проектах развития сельских территорий, возможностях для инвестиций	Обеспечивает доступ и информирование всех заинтересованных лиц

Составлено авторами по материалам исследования / *Compiled by the authors on the materials of the study*

• жесткие отраслевые программы строительства объектов (выступают как нормативно-целевой инструмент) вступают в конфликт с принципом комплексности развития и ведут к неэффективному расходованию средств в малонаселенных пунктах, где необходимы мобильные решения;

• централизованное распределение финансовых ресурсов по строго целевым статьям (финансовый инструмент) полностью блокирует возможность применения подхода «снизу-вверх», лишая муниципальное самоуправление гибкости и ответственности.

Государственное регулирование социального развития села в России перешло от фрагментарных мер к программно-целевому подходу. Эффективность этого регулирования по-прежнему сильно зависит от качества управления на региональном и местном уровнях, объема финансирования и способности адаптировать инструменты к разнообразным условиям огромной страны. Акцент сегодня делается на комплексность (одновременное развитие инфраструктуры, экономики и социальной сферы) и на вовлечение самих жителей в процесс преобразования.

[7] Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий». Режим доступа: https://крст.рф/about-prog/ (дата обращения: 09.10.2025).

Системный анализ проблем и «порочный круг» депрессивности / A systematic analysis of issues and the vicious circle of depression

Дадим характеристику основных проблем, которые существенно ограничивают эффективность государственного регулирования социального развития сельских территорий РФ. Эти проблемы носят системный характер, взаимосвязаны между собой и образуют некий «порочный круг» депрессивности:

1) финансово-экономические проблемы:

• хроническое недофинансирование – объемы бюджетных ассигнований (в том числе в рамках национальных проектов) несоразмерны масштабам решаемых задач и размерам страны;

• высокая зависимость от федерального центра, возникающая вследствие того, что собственная доходная база большинства сельских муниципалитетов слаба и они являются субсидируемыми;

• неразвитость сельской экономики, возникающая из-за того, что государственная политика зачастую сосредоточена на поддержке агропромышленного комплекса, но для обеспечения социальной устойчивости нужны и альтернативные рабочие места в сфере туризма, переработки, услуг и т.д. (их создание тормозится отсутствием инфраструктуры, кадров);

• низкая инвестиционная привлекательность (высокие издержки, которые могут быть связаны и удаленностью территорий, слабым развитием инфраструктуры, дефицитом кадров, отпугивают частных инвесторов), при этом государственно-частное партнерство в социальной сфере села развито очень слабо;

2) управленческие и институциональные проблемы:

• межведомственная разобщенность и несогласованность действий, что связано с тем, что программы развития села реализуют Министерство сельского хозяйства РФ, Министерство экономического развития РФ, Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, Министерство культуры РФ и нередко их действия не синхронизированы, а индикаторы эффективности и результативности реализуемых программ не согласованы;

• декларативность и формализм в планировании стратегий и программ, которые могут составляться без учета потребностей конкретных территорий (приоритет отдается количественным показателям, а не качественным изменениям);

• слабость местного самоуправления вследствие нехватки кадров, финансовых возможностей, полномочий, что влечет за собой социальный пессимизм жителей;

3) проблемы демографического и трудового потенциала:

• отток наиболее активного, молодого и образованного населения в городскую местность, в селах остаются группы населения с пониженной социальной мобильностью (пожилые лица);

• дефицит квалифицированных специалистов социальной сферы, возникающий по причине отсутствия жилья, низких заработных плат, высокой нагрузки, отсутствия карьерных перспектив;

• старение сельского населения увеличивает потребность в медицинских и социальных услугах при одновременном сокращении числа трудоспособных плательщиков налогов;

4) проблемы пространственно-инфраструктурного характера:

• низкая плотность населения, разбросанные малонаселенные пункты, обслуживание которых экономически неэффективно, а централизация лишает услуги доступности;

• во многих удаленных районах отсутствуют качественная мобильная связь и высокоскоростной интернет, что блокирует развитие дистанционного образования, телемедицины, электронной занятости, цифровых сервисов;

• вследствие износа и неразвитости инженерной инфраструктуры имеют место проблемы с качеством воды, частые отключения электричества, непроезжие дороги, модернизация инженерных сетей требует колоссальных инвестиций.

Представим «порочный круг» депрессивного развития сельских территорий графически (рисунок). Исходной точкой данного круга являются низкая плотность населения и удаленность от городских центров. Это приводит к небольшому числу рабочих мест (кроме занятости в агропромышленном комплексе), низким доходам населения и местных бюджетов как результата собираемости налогов, низкой инвестиционной привлекательности сельских территорий. Как следствие, слабой экономической базы выступает острая нехватка инфраструктуры либо ее изношенность, а также неразвитость социальной сферы (удаленность или отсутствие школ, фельдшерско-акушерских пунктов, домов культуры). Все это приводит к деградации человеческого капитала и депопуляции на селе. При этом муниципалитеты финансово несамостоятельны, зависят от трансфертов из бюджетов других уровней; управление социальным развитием неэффективно вследствие межведомственной нескоординированности и формализма в разрабатываемых программах. Все эти факторы ведут к дальнейшему снижению качества жизни сельского населения, что усиливает отток населения и делает развитие инфраструктуры более экономически нецелесообразным, развитие сельской экономики – более диверсифицированной.

Составлено авторами по материалам исследования / *Compiled by the authors on the materials of the study*

Рисунок. «Порочный круг» депрессивного развития сельских территорий

Figure. The «vicious circle» of depressive rural development

Представляется, что разрыв данного «порочного круга» возможен только при комплексном воздействии на все его элементы одновременно. При этом требуется прорыв в ряде ключевых точек:

• в точке «Слабая экономика» необходимы массированные инвестиции в несельскохозяйственную занятость (туризм, цифровые услуги, переработка);

• в точке «Инфраструктура» приоритет следует сделать на цифровизацию (спутниковый интернет), гибкие формы услуг;

• в точке «Человеческий капитал» необходимо сделать упор на развитие программ сельской ипотеки, реализацию программ «Земский доктор, учитель, работник культуры» с привлекательными пакетами[8,9,10];

• в точке «Управление» предполагается переход от отраслевых программ к территориальным проектам комплексного развития с расширением полномочий и ресурсов местного самоуправления.

Подчеркнем, что круг проблем является устойчивой системой, а точечные меры (только строить дороги или давать «подъемные» учителям, докторам) не дают эффекта, так как при этом не решаются иные системные проблемы.

Перечисленные выше проблемы носят кумулятивный характер, в частности нельзя решить кадровый вопрос без решения проблемы жилья, инфраструктуры, инфраструктуру нельзя создать без привлечения инвестиций и т.д. В связи с этим представляется, что эффективное регулирование социального развития сельских территорий страны требует принятия следующих мер:

• перехода от отраслевого к территориально-ориентированному подходу, когда для каждого типа сельской территории (пригородной, депрессивной, удаленной) формируется соответствующий пакет мер;

• усиления полномочий и финансовых ресурсов местных сообществ;

• синхронизации действий ведомств и уровней власти вокруг измеримых целей улучшения качества жизни населения.

Зарубежный опыт государственного регулирования социального развития сельских территорий / Foreign experience of state regulation of social development in rural areas

В рамках изучения зарубежного опыта регулирования социального развития сельских территорий стран мира можно выделить целый ряд подходов. Осуществим их характеристику.

[8] «Земский доктор» в 2025 году. Как стать участником программы и получить 1 млн руб. Режим доступа: https://www.rbc.ru/life/news/690b9f339a7947fc6854c6e3 (дата обращения: 09.10.2025).

[9] «Земский учитель» в 2025 году. Режим доступа: https://www.rbc.ru/life/news/690ba1bf9a79470f524020e5 (дата обращения: 09.10.2025).

[10] Программа «Земский работник культуры». Режим доступа: https://culture.gov.ru/about/zemstvo-worker-program/ (дата обращения: 09.10.2025).

1. Подход «снизу-вверх» и местного лидерства, основанный на том, что развитие возможно только при активной роли самих сельских жителей. При этом государство создает рамки и предоставляет ресурсы для реализации локальных инициатив. Предполагается использование таких инструментов, как:

• метод LEADER / CLLD (Европейский союз), базирующийся на передаче права принятия решений и бюджета местным группам действия, которые финансируют проекты по диверсификации экономики, развитию туризма, социальных услуг[11];

• поддержка территориально общественного самоуправления и локальных брендов (иными словами, создание правовых и финансовых условий для инициатив граждан), примером может служить программа «Наши деревни имеют бедующее» в Германии, где села соревнуются за гранты на комплексное благоустройство[12].

Применение данного подхода сопровождается высокими трансакционными издержками на создание и координацию местных групп действия, наличием риска «захвата» местных групп узкими интересами отдельных бизнес-групп, сильною зависимостью от лидерских качеств конкретных людей. Кроме того, реализация подхода на практике требует зрелого гражданского общества и развитых традиций местного самоуправления, которые в России только формируются.

2. Подход с позиции «государство-гарант» и выравнивания возможностей, основанный на том, что государство обязано обеспечить всем гражданам независимо от места жительства, сопоставимый стандарт качества жизни населения и доступ к базовым услугам. Эта задача решается за счет:

• системы бюджетного выравнивания (скандинавские страны), то есть существования автоматических трансфертов от обеспеченных регионов к бедным, что позволяет малонаселенным пунктам поддерживать содержание школ, дорог, больниц;

• модели мобильных и многофункциональных услуг, предполагающей замену стационарных учреждений (больниц, библиотек) на передвижные комплексы, создание многофункциональных центров.

В рамках данного подхода может возникать «ловушка иждивенчества» со стороны «слабых» муниципалитетов, снижая у них стимулы к развитию собственной налоговой базы; одновременно может иметь место высокая фискальная нагрузка на экономически развитые территории. Функционирование модели возможно в условиях высокой налоговой нагрузки и социальной однородности. Российская межбюджетная система исторически ориентирована на перераспределение через федеральный центр, а не по горизонтали.

3. Подход смартизации и технологического прорыва, в основе которого лежат цифровые технологии как базис для преодоления географической изоляции, снижения издержек, создания новых возможностей для бизнеса и жизни. Инструментами реализации данного подхода выступают:

• национальные программы цифровой инфраструктуры (например, приоритетное подключение села к высокоскоростному интернету);

• развитие цифровых сервисов и удаленной занятости, позволяющее внедрить достижения телемедицины, дистанционного обучения, платформ каршеринга, кооперативных закупок (пример – финская программа «Умная деревня»[13]).

Данный подход может вести к углублению цифрового неравенства внутри сельских территорий (например, между молодежью и пожилыми селянами). Также существует риск реального развития инфраструктуры ее цифровыми симуклярами.

4. Подход кластерно-сетевого развития и диверсификация экономики. В этом случае развитие основано на создании локальных производственно-экономических кластеров вокруг ключевых активов территории, что увеличивает добавленную стоимость и создает рабочие места. Для этого используются следующие инструменты:

• создание агропищевых и туристических кластеров (Италия, Австрия), то есть объединение фермеров, переработчиков, ресторанов, туроператоров вокруг бренда территории;

• стимулирование неаграрного бизнеса и социального предпринимательства за счет выделения грантов и льготных кредитов для малого бизнеса в сферах ремесел, возобновляемой энергетики, цифровых услуг (примером могут служить канадские программы поддержки предпринимательства в сельской местности).

Реализация указанного подхода связана с наличием риска искусственного, административного создания кластеров без реальных кооперационных связей между участниками. Кроме того, возможно доминирование в кластере крупного бизнеса, который подавляет деятельность малых предприятий. В России в условиях монополизма крупных агрохолдингов и слабости малого бизнеса кластер может превратиться в инструмент лоббирования интересов крупных «игроков».

В целом современная практика в передовых странах показывает необходимость синтеза всех вышеперечисленных подходов:

[11] European CAP. Режим доступа: https://eu-cap-network.ec.europa.eu/about/eu-cap-network_en (дата обращения: 09.10.2025).

[12] Федеральное министерство питания и сельского хозяйства Германии. Режим доступа: https://www.bmleh.de/DE/themen/laendliche-regionen/foerderung (дата обращения: 09.10.2025).

[13] «Умные деревни»: как цифровые технологии меняют жизнь глубинки. Режим доступа: https://rg.ru/2025/08/27/umnye-derevni-kak-cifrovye-tehnologii-meniaiut-zhizn-glubinki.html (дата обращения: 09.10.2025).

• финансирование «снизу-вверх» становится основным каналом поддержки развития сельских территорий;

• цифровизация является обязательным инфраструктурным элементом для реализации любых проектов;

• государство гарантирует лишь минимальный стандарт услуг, но не стремится к их унификации;

• целью государственной поддержки становится создание диверсифицированной сельской экономики, которая сама сможет финансировать социальное развитие территории.

Перспективы адаптации зарубежных подходов к российской институциональной среде / Prospects for adapting foreign approaches to the Russian institutional environment

Эффективное регулирование – это не копирование отдельных мер, а построение экосистемы, в которой государственные институты, технологии, местные сообщества и предприниматели взаимодействуют для достижения общей цели устойчивого развития сельской территории. Возникает вопрос о возможностях имплементации вышеуказанных подходов в российской институциональной среде (с ее особенностями межбюджетных отношений, централизацией управления), о том, как адаптировать принцип «снизу-вверх» в условиях традиционно сильной вертикали власти в России.

Полагаем, что имплементация рассмотренных подходов, основанных на децентразизации и инициативе снизу в российскую централизованную модель управления возможна, но требует глубокой адаптации, создания «гибридных» институтов. Рассмотрим возможности, барьеры и потенциальные адаптационных механизмы.

В качестве барьеров для имплементации выступают:

• институциональный барьер, выражающийся в том, что управление осуществляется через отраслевые (федеральные проекты) и территориальные (полпредства, губернаторы) вертикали –муниципалитеты выступают как подрядчики для выполнения спущенных сверху ключевых индикаторов, а не самостоятельные субъекты развития;

• финансовый барьер, связанный с наличием жесткой централизации бюджетных потоков, – сельские поселения имеют минимальные собственные доходы, они существуют на строго целевые субсидии, при этом отсутствует бюджетная гибкость для поддержки каких-либо локальных инициатив;

• управленческий барьер – эффективность работы местной власти оценивается по формальным отчетным показателям (освоение средств, количество построенных объектов и т.д.), а не по реальному улучшению качества жизни населения с точки зрения жителей территории;

• социальный барьер – исторически сформировались патерналистские ожидания, делегирование ответственности и ресурсов местному сообществу может натолкнуться на апатию или неготовность их эффективно использовать.

Преодоление данных барьеров требует постепенной трансформации системы через создание специальных контуров с новыми правилами.

1. Для адаптаци подхода «снизу-вверх» (от локальных инициатив к институцинализации) необходимо и возможно использование легализации территориального общественного самоуправления и социально-ориентированных некоммерческих оранизаций, наделяя их при этом реальными полномочиями и ресурсами. В качестве механизма для реализации этого можно рассмотреть введение персонифицированных социальных ваучеров или микрогрантов. Государство (регион) в этом случае выделяет некоей территории (сельскому поселению) небольшой целевой бюджет на благоустройство или развитие социальных услуг. Решение о его распределении между конкретными проектами (строительство детской площадки, ремонт клуба и т.д.) принимается советом жителей через голосование или конкурс проектов. Это создает основы для функционирования местного самоуправления. При этом федеральный центр устанавливает общие «правила игры», обеспечивает методическую поддержку и софинансирование, а регион выступает «куратором», проверяя законность, но не содержание решений.

2. Адаптация подхода кластерно-сетевого развития предполагается через стимулирование создания агро-туристических и промысловых кластеров вокруг крупных агрохолдингов или перерабатывающих предприятий. Вертикаль власти может обязать (через соглашения о социальных инвестициях) или стимулировать (посредством налоговых льгот) крупный бизнес на селе создавать фонды развития территорий. Управление подобным фондом осуществляется совместным советом (состоит из представителей бизнеса, муниципалитета, активных жителей). Средства данного фонда идут на инфраструктуру, обучение, поддержку малого бизнеса, что позволит создать неаграрные рабочие места.

3. Адаптация подхода «государство-гарант» через внедрение новых стандартов услуг. Предполагается переход от нормативов «наличие объекта» к нормативам «доступности услуги». Иными словами, должен быть осуществлен переход от норматива «в селе с населением 500 чел. должна быть одна библиотека определенной площади» к нормативу «жителю любого населенного пункта должен быть обеспечен доступ к библиотечному фонду (включая электронный) и культурным мероприятиям (в том числе через онлайн-платформы)». При этом на федеральном уровне устанавливаются новые стандарты-цели, региональные и муниципальные органы власти самостоятельно

определяют, как их достичь (например, содержать ли стационарную библиотеку, обеспечить доступ в сеть «Интернет», к национальным библиотекам и т.д.). Это стимулирует поиск эффективных решений (например, сетевых, мобильных).

4. Адаптация подхода смартизации и технологического прорыва предполагает создание обязательной публичной цифровой платформы для каждого муниципалитета, где могли бы агрегироваться данные, велось бы обсуждение проектов, собирались предложения, проводилось онлайн-голосование по распределению финансовых ресурсов. Федеральный центр при этом задает технологический стандарт и обеспечивает кибербезопасность, но наполнение и использование платформы – это дело местных сообществ и власти. Отметим также, что цифровизация – необходимый, но недостаточный инструмент развития сельских территорий; она должна сопровождаться изменением стандартов услуг и подготовкой кадров.

Условиями результативности адаптации перечисленных подходов являются:

• внедрение новых моделей в виде экспериментальных правовых режимов в нескольких субъектах РФ с разной спецификой (например, в Краснодарском крае с сильным АПК, в Республике Татарстан – с развитым самоуправлением, в Архангельской области – с депрессивными сельскими территориями);

• изменение системы оценки губернаторов и глав муниципального самоуправления (введение ключевых индикаторов результативности, связанных с удовлетворенностью граждан, ростом числа малых предприятий, снижением оттока молодежи);

• создание федерального центра компетенций сельских территорий для обучения, поддержки, распространения лучших практик адаптации;

• поэтапная бюджетная децентрализация (внедрение механизмов «отрицательных трансфертов» (более развитые муниципалитеты региона помогают менее развитым) и программ софинансирования, где часть средств предоставляет регион под разработанный и одобренный жителями проект.

Принцип «снизу-вверх» не означает ликвидации вертикали власти – он означает эволюцию от директивного управления к курирующему, предоставляющему рамки и ресурсы. Российская вертикаль может эффективно выполнять роль архитектора системы, гаранта правил. Основа заключается в создании «проводников» (институтов, платформ, правил финансирования), которые позволят идеям местных сообществ встраиваться в общегосударственную логику развития. Без этого любые инвестиции в село будут давать лишь временный, а не системный эффект.

Заключение / Conclusion

Проведенное исследование показало, что государственное регулирование социального развития сельских территорий России, несмотря на переход к программно-целевому подходу, продолжает сталкиваться с системными вызовами. Финансовая зависимость муниципалитетов, депопуляция, дефицит инфраструктуры и кадров, слабость местного самоуправления образуют устойчивый «порочный круг», воспроизводящий депрессивность развития сельских территорий.

Анализ инструментария реализации государственного регулирования социального развития сельских территорий страны показал, что ключевой проблемой является не отсутствие мер, а их внутренняя противоречивость и несогласованность. Субсидирование АПК может тормозить диверсификацию экономики, а целевые программы строительства – противоречить принципу гибкости и комплексности. Для разрыва «порочного круга» депрессивности необходим синергетический перечень инструментов, действующих одновременно на экономику, инфраструктуру, человеческий капитал, управление.

Изучение зарубежного опыта показало эффективность принципов децентрализации, приоритета местных инициатив, технологического прорыва. Однако их прямое заимствование в российской централизованной институциональной среде с патерналистскими ожиданиями населения невозможно. Выход находится в целенаправленном проектировании «гибридных» моделей, адаптирующих зарубежный опыт. К ним можно отнести предоставление микрогрантов по решению советов жителей, создание фондов развития территорий под управлением партнерских советов, переход от нормативов «наличия объекта» к нормативам «доступность услуги», внедрение цифровых платформ для участия населения в принятии решений.

Развитие регулирования социального развития сельских территорий должно эволюционировать от директивного управления к роли архитектора правил и гаранта минимальных стандартов. При этом необходимы реализация пилотных проектов в регионах с разным социально-экономическим контекстом, изменение системы оценки работы региональных и местных властей в сторону показателей качества жизни. Эффективное регулирование требует перехода от отраслевого к комплексному территориально-ориентированному подходу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алтухов А.И. Сельское хозяйство и сельские территории России: состояние и приоритеты пространственного развития. Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2025;9:3–15. http://doi.10.31442/0235-2494-2025-0-9-3-15

Артемова Е.И., Плотникова Е.В., Барсукова Г.Н. Управление комплексным развитием сельских территорий в условиях ресурсных ограничений. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина; 2025. 161 с.

Гуляева Т.И., Такмакова Е.В., Самыгин Д.Ю., Сидоренко О.В. Развитие сельских территорий как фактор уровня жизни сельского населения и смягчения дефицита рабочей силы. Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2025;10-2:174–183. http://doi.10.33938/25102-174

Гусева М.Н., Анциферова О.Ю. Современное состояние и тенденции развития человеческого капитала АПК и сельских территорий России. Региональная экономика. Юг России. 2023;3(11):14–22. http://doi.10.15688/re.volsu.2023.3.2

Захаров Р.В. О природе, сущности и эффективности выполнения функций государственного управления сельскими территориями. Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2021;3:50–55. http://doi.10.31442/0235-2494-2021-0-3-50-55

Зелинская М.В., Сущенко А.Н. Альтернативная занятость как инструмент повышения качества жизни сельских территорий. Естественно-гуманитарные исследования. 2023;6:211–215.

Клочко Е.Н., Харченко С.Н., Медведева А.Ю. Сельские территории России: современное состояние, положительные практики реабилитации депрессивного состояния. Труды Кубанского государственного аграрного университета. 2022;10:13–19. http://doi.10.21515/1999-1703-101-13-19

Оборин М.С. Тенденции развития рынка труда и занятости сектора сельского хозяйства России. Вестник Марийского государственного университета. Сельскохозяйственные науки. Экономические науки. 2022;4(8):449–458. http://doi.10.30914/2411-9687-2022-8-4-449-458

Савенкова О.Ю. Стратегические приоритеты повышения социальной привлекательности сельских территорий. Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. 2015;1:85–90.

Советова Н.П. Цифровизация сельских территорий: от теории к практике. Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021;2(14):105–124. http://doi. 10.15838/esc.2021.2.74.7

REFERENCES

Altukhov A.I. Agriculture and rural areas of Russia: the state and priorities of spatial development. Economics of agricultural and processing enterprises. 2025;9:3–15. (In Russian). http://doi.10.31442/0235-2494-2025-0-9-3-15

Artemova E.I., Plotnikova E.V., Barsukova G.N. Management of integrated rural development in conditions of resource constraints: monograph. Krasnodar: Kuban State Agrarian University; 2025. 161 p. (In Russian).

Gulyaeva T.I., Takmakova E.V., Samygin D.Yu., Sidorenko O.V. Rural development as a factor in the standard of living of rural population and mitigation of labor shortage. Economics, labor, management in agriculture. 2025;10-2:174–183. (In Russian). http://doi.10.33938/25102-174

Guseva M.N., Antsiferova O.Yu. The current state and trends in the development of human capital in the agro-industrial complex and rural areas of Russia. Regional economy. The South of Russia. 2023;3(11):14–22. (In Russian). http://doi.10.15688/re.volsu.2023.3.2

Klochko E.N., Kharchenko S.N., Medvedeva A.Y. Rural territories of Russia: current state, positive practices of rehabilitation of depressive state. Proceedings of the Kuban State Agrarian University. 2022;10:13–19. (In Russian). http://doi.10.21515/1999-1703-101-13-19

Oborin M.S. Trends in the development of the labor market and employment in the Russian agricultural sector. Bulletin of the Mari State University. Agricultural Sciences. Economic sciences. 2022;4(8):449–458. (In Russian). http://doi.10.30914/2411-9687-2022-8-4-449-458

Savenkova O.Y. Strategic priorities for increasing the social attractiveness of rural areas. Bulletin of Michurinsk State Agrarian University. 2015;1:85–90. (In Russian).

Sovetova N.P. Digitalization of rural areas: from theory to practice. Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2021;2(14):105–124. (In Russian). http://doi.10.15838/esc.2021.2.74.7

Zakharov R.V. On the nature, essence and effectiveness of public administration functions in rural areas. Economics of agricultural and processing enterprises. 2021;3:50–55. (In Russian). http://doi.10.31442/0235-2494-2021-0-3-50-55

Zelinskaya M.V., Sushchenko A.N. Alternative employment as a tool for improving the quality of life in rural areas. Natural sciences and humanities research. 2023;6:211–215. (In Russian).

УДК 338.2 JEL L52 DOI https://doi.org/10.26425/2309-3633-2025-13-4-51-61
Получено: 09.10.2025 Статья доработана после рецензирования: : 13.12.2025 Принято: 20.12.2025

Финансовые аспекты импортозамещения и формирование новых региональных кластеров

Вагин Сергей Геннадьевич
Д-р экон. наук, проф. базовой кафедры инфраструктуры финансовых рынков
ORCID: 0000-0003-4328-8713, e-mail: sg_vagin@guu.ru

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Мясницкая ул., 20, г. Москва, Россия

Аннотация

Промышленная кооперация является ответом на современные вызовы отечественной экономики. Недостаточная конкурентоспособность в глобальной экономике, низкие показатели эффективности, санкционные действия, ограниченность ресурсов, импортозамещение – все эти факторы актуализируют поиск решений по снижению рисков для успешного и технологичного развития отечественной экономики. Одним из наиболее действенных инструментов в решении этих задач признано формирование промышленных интеграционных структур – промышленных кластеров или промышленных технопарков для бизнеса меньших масштабов и на начальных стадиях формирования. Содействие различным формам промышленной кооперации приобрело особое значение в начале 2023 г. после очередного Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. Это послужило триггером для повышения активности и расширения мер государственной поддержки в направлении формирования новых и поддержки деятельности существующих промышленных кооперативных объединений. С 2023 г. наблюдается быстрый рост количества новых технопарков и кластеров. Однако наряду с позитивной статистикой увеличения количества не наблюдается параллельного роста качественных показателей: уровень организационного взаимодействия участников кластеров и их деятельность в контексте импортозамещения продолжают находиться на низкой ступени развития, наблюдается структурный перекос в сторону финансирования технопарков, а также структурный перекос формата участия предприятий малого и среднего предпринимательства преимущественно в составе технопарков, а не кластеров. Это не соответствует задачам собственно промышленной кооперации, которая направлена на использование эффекта масштаба при интеграции малых участников, что обусловливает необходимость не только коррекции объемов и критериев государственной поддержки для формальных участников кооперационных объединений, но и формирования ее в зависимости от степени развития самих кластерных структур. Наступил момент, когда необходимо переходить от количественных показателей к качественным. В противном случае экономика может столкнуться с ситуацией, когда видимое количество кластеров будет значительным, что повысит соответствующую нагрузку на бюджет. При этом ожидаемые эффекты от промышленной интеграции, в том числе в контексте инновационного прогресса и импортозамещения, достигнуты не будут.

Ключевые слова: государственная политика, импортозамещение, индустриальные парки, кластеры, промышленная кооперация, развитие, регионы, факторы, финансовый аспект, эффективность

Для цитирования: Вагин С.Г. Финансовые аспекты импортозамещения и формирование новых региональных кластеров// Управление. 2025. Т. 13. № 4. С. 51–61. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-4-51-61

© Вагин С.Г., 2025.
Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная
http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Received 09.10.2025 Revised 13.12.2025 Accepted 20.12.2025

Financial aspects of import substitution and new regional clusters formation

Sergey G. Vagin
Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Financial Markets Infrastructure Basic Department
ORCID: 0000-0003-4328-8713, e-mail: sg_vagin@guu.ru

National Research University Higher School of Economics, 20, Myasnitskaya ulitsa, Moscow 101000, Russia

Abstract

Industrial cooperation is a response to the modern challenges of the domestic economy. Insufficient competitiveness in the global economy, low performance indicators, sanctions, limited resources, and import substitution – all these factors actualize the search for solutions to reduce risks for successful and technological development of the domestic economy. One of the most effective tools in solving these issues is forming industrial integration structures such as industrial clusters or industrial technology parks for smaller businesses and at the initial stages. The promotion of various forms of industrial cooperation became particularly important in early 2023 after the Message from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation. This served as a trigger for increasing the activity and expansion of government support measures towards forming new and support for the existing industrial cooperative associations' activities. Since 2023, there has been a rapid increase in the number of new technology parks and clusters. However, along with the positive statistics of the increase in quantity, there is no parallel growth in quality indicators: the level of organizational interaction among cluster participants and their activities in the context of import substitution continue to be at a low stage of development, there is a structural bias towards financing technology parks, as well as a structural bias in the format of SME participation mainly in technology parks rather than clusters. This does not correspond to the tasks of industrial cooperation proper, which is aimed at using economies of scale in small participants integration, which necessitates not only the correction of the volume and criteria of state support for formal participants in cooperative associations, but also its formation depending on the degree of development of the cluster structures themselves. The moment has come when it is necessary to move from quantitative indicators to qualitative ones. Otherwise, the economy may face a situation where the apparent number of clusters will be significant, which will increase the corresponding burden on the budget. At the same time, the expected effects of industrial integration in the context of innovation progress and import substitution will not be achieved.

Keywords: public policy, import substitution, industrial parks, clusters, industrial cooperation, development, regions, factors, financial aspect, efficiency

For citation: Vagin S.G. (2025). Financial aspects of import substitution and new regional clusters formation. *Upravlenie / Management (Russia)*, 13 (4), pp. 51–61. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-4-51-61

© Vagin S.G., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение / Introduction

Импортозамещение в современной политико-экономической ситуации является одним из важнейших направлений государственной политики. Актуальность этого направления особенно обострялась в 2014–2015 гг. и в 2022 г., когда осложнение трансграничного обмена товарами и технологиями ставило отечественную экономику перед новыми вызовами, открывая в то же время окно возможностей для снижения и ликвидации в отдельных направлениях зависимости от импортных поставок.

Неотъемлемым элементом процессов импортозамещения является инновационный процесс как обязательный этап формирования нового товарного потока взамен конкурентного импортного [Вагин, 2024]. Процесс импортозамещения – это не только механическое наращивание собственного выпуска той или иной продукции, но и собственные разработки новых для отечественной экономики товаров, соответствующая научно-исследовательская деятельность, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (далее – НИОКР), новые технологии и процессы. Именно дефицит аналогов отечественного производства зачастую ограничивает возможности импортозамещения, особенно в высокотехнологичных направлениях [Мелехин, 2023].

Однако неопределенность политической обстановки, осложнение социально-экономической ситуации, финансовая нестабильность в плане кредитного обеспечения – все эти факторы не могут способствовать формированию всей цепочки импортозамещения в производственном поле. Возможности параллельного, или «серого», импорта также сужают окно возможностей для формирования полноценных процессов замещения импорта в стране. Это приводит к необходимости государственной финансовой и иной поддержки для новых и существующих инновационных начинаний и текущих процессов, ориентированных на импортозамещение в промышленном секторе.

Одним из актуальных направлений, которые способствуют росту инновационности экономики, повышению эффективности деятельности и взаимодействия промышленных предприятий как в плане производственной деятельности, так и в инновационном и научно-исследовательском отношении, являются различные формы промышленной кооперации [Харланов, 2020]. В российском правовом поле это соответствует промышленным кластерам и индустриальным паркам. Считается, что благодаря эффекту масштабирования и общности использования части ресурсов формирование таких интеграционных объединений способствует более рациональному использованию внутренних ресурсов и, следовательно, эффективности государственной поддержки, в том числе в политике импортозамещения.

Такое мнение логично, поскольку в экономике одним из ключевых конкурентных преимуществ выступает эффект масштаба. Именно он при прочих равных факторах является важнейшим показателем эффективности, что особенно актуально для промышленных производств. В современной рыночной конъюнктуре естественные процессы укрупнения производств, в том числе с целью максимизации прибыли, выражаются в создании вертикально-интегрированных холдинговых структур в большинстве экономических направлений. В российской действительности это касается отраслей сырьевых, промышленных для экспортоориентированных направлений, агропромышленного комплекса. Исторически эти процессы иллюстрировались синдикатированием, монополизацией и прочими моментными особенностями укрупнения и масштабирования производственных сил в наиболее конкурентоспособных направлениях.

Ключевым моментом является естественность процессов концентрации производительных сил именно в «конкурентоспособных» направлениях, поскольку остальные по очевидным причинам не привлекают внимания институциональных инвесторов вне исторического контекста их наименования. Здесь не работают естественные процессы укрупнения в направлении максимальной эффективности и монополизации. Причины могут быть разными: давление импорта, региональные климатические особенности, инфраструктурное отставание. Конечный результат один: в одних направлениях процессы масштабирования протекают без участия государства, в других это невозможно.

С точки зрения государственного управления важны такие аспекты, как диверсификация экономики, независимость экономической политики, продовольственная безопасность, то есть аспекты, в целом относящиеся к категории технологического и товарного суверенитета. Соответственно, является уже задачей государственного управления определять, необходимо ли государственное вмешательство в отдельные отрасли, не демонстрирующие необходимого уровня эффективности.

В ходе институциональных преобразований 1990-х гг. в стране сложилась смешанная государственно-частная экономика со значительным присутствием государственного сектора в ряде отраслей. Однако это не делает государственные направления экономики автоматически конкурентоспособными и не подразумевает абсолютного присутствия государства в критически секторах. Ограниченность ресурсов не позволяет распространить государственное влияние повсеместно на все приоритетные сферы деятельности. Возможны лишь сравнительно ограниченная поддержка и благоприятствование в целевых направлениях.

Санкции 2014 г. и 2022 г. последовательно обостряли проблематику повышения эффективности национальной экономики, особенно в критически

важных отраслях промышленности. Это привело к формированию кластерной политики страны еще в 2014 г. с принятием Федерального закона № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации», где впервые было дано правовое обоснование такому образованию, как промышленный кластер, и обрисованы основные задачи кластерного развития экономики и рамки поддержки участников таких объединений[1]. Дальнейшее развитие интеграционных объединений такого уровня осуществлялось в соответствии с глобальной политико-экономической конъюнктурой. Так, 2022 г. существенно ускорил процессы промышленной кооперации в стране.

Среди основных тезисов Послания Президента Российской Федерации (далее – РФ, Россия) от 21 февраля 2023 г. указывается, что задачи достижения технологического суверенитета и расширения технологических возможностей экономики базируются на использовании такого инструмента, как промышленные кластеры[2]. Снижается административная и налоговая нагрузка на участников кластеров, а спрос на инновационную продукцию обеспечивается долгосрочным государственным заказом и субсидированием. Таким образом, определен курс «сверху» на ускорение формирования кластерных структур в отечественной экономике. Тематика формирования региональных кластеров как одного из направлений импортозамещения и инновационного развития отечественной экономики является актуальной исследовательской задачей.

Обзор литературы / Literature review

Е.Г. Анимица обращает внимание на то, что импортозамещение – термин неоднозначный, несмотря на кажущуюся понятность и невозможность двойственности трактовки [Анимица, 2015]. Фактически автор выделяет до пяти различных научных подходов к этому явлению, начиная с меркантилизма Т. Мана и У. Петти и заканчивая современным устоявшимся мнением, которое заключается в сокращении товарного ввоза из-за границы с эквивалентным замещением этого объема аналогичным конкурентоспособным отечественным производством [Aspromourgos, 1988]. Это наиболее емкое определение, отражающее суть процессов импортозамещения в максимальном количестве смыслов. Отталкиваясь от него, мы можем предположить ориентировочные объемы рынка для потенциального роста внутреннего производства.

В этом ключе А.Ю. Апокин предложил оригинальную, но достаточно сложную модель оценки потенциального импортозамещения в различных отраслевых направлениях [Апокин, 2017]. Не вдаваясь в особенности расчетного метода, мы укажем лишь итоговые расчетные показатели потенциала импортозамещения на 2013 г. В порядке убывания они составили: до 37 млрд долл. США на туристические поездки, по 18 млрд долл. США – в автомобилестроении и машиностроении (кроме автомобильного), 5,5 млрд долл. США – в фармацевтическом производстве, около 1,6 млрд долл. США – в растениеводстве. Как можно заметить из этой оценки, потенциал импортозамещения в машиностроении несравненно выше такового для агропромышленного комплекса (далее – АПК). При этом, если в АПК он к 2025 г. реализован достаточно удачно и в целом можно сказать, что его потенциал уже исчерпан (кроме технологической стороны вопроса, то в машиностроении, туристической сфере или фармацевтике он сравнительно не освоен и в значительной степени доступен для углубления процессов замещения импорта [Косов, 2023; Косарев, 2025].

Легко заметить, что наименее освоенными являются в основном высокотехнологичные и инновационные направления в противовес сельскохозяйственным и сырьевым, что согласуется с мнением Н.В. Кривенко, которая считает, что импортозамещение и инновационный прогресс – понятия неразделимые [Кривенко, 2020]. Она рассчитала, что на 1 руб. инновационных затрат производится в 7–10 раз больше продукции, чем вне инновационного прогресса. Это свидетельствует о том, что процессы импортозамещения, сопряженные с инновационным ростом, являются важным фактором не только импортозамещения, но и роста промышленного производства, параллельно увеличивая его эффективность.

Другими словами, сложности импортозамещения в критических отраслях (в текущем примере: в машиностроении и фармацевтике) являются продолжением недостаточной активности в инновациях, которые, в свою очередь, обусловлены преимущественно финансовыми проблемами текущего момента (высокая стоимость кредитных ресурсов). Соответственно, это требует целевых точечных решений и поддержки для наиболее критически важных направлений.

Однако в мировой практике есть и примеры чрезмерного увлечения протекционизмом и выборочной поддержкой целевых направлений, когда они теряют конкурентоспособность в «тепличных» условиях хозяйствования. Ю. Симачев отмечает, что такие явления характерны для некоторых развивающихся стран Латинской Америки, Африки и Азии, когда их экономика, демонстрируя в какой-то период существенный рост, впоследствии теряет конкурентоспособность в глобальном экономическом поле [Симачев, 2016].

[1] Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173119/ (дата обращения: 06.10.2025).

[2] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 21 февраля 2023 г. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70565 (дата обращения: 06.10.2025).

Также можно отметить пример отечественной экономики, когда ликвидация государственного регулирования и переход к рынку обнажили проблемы неэффективности ряда отраслей в 1990-е гг., что привело к существенному падению производства и снижению позиций страны в глобальном масштабе [Цыпин, 2014].

Противовесом Ю. Симачев называет пример азиатских стран, где импортозамещение является вторичным следствием политики стимулирования экспорта и высокотехнологичных промышленных производств [Симачев, 2016]. Такой подход ориентирован не столько на собственно замещение импорта, сколько на встраивание экономики в мировую систему разделения труда в наиболее инновационных направлениях [Zhu, 2006]. Л.Г. Матвеева отмечает «рациональное» и «конкурентное» импортозамещение в тех направлениях, где достаточно силен конкурентный потенциал отраслей [Матвеева, 2016]. Этому в значительной степени способствовала активизация кластерной политики в начале 2000-х гг. в азиатских государствах, особенно в Китае, Таиланде и Южной Корее, где основой этой политики стала промышленная кооперация малых и средних предприятий [Кучумов, 2025].

Одним из важнейших инструментов усиления конкурентных преимуществ в целевых направлениях оказались различные формы промышленной кооперации, которые обобщенно в мировой практике получили наименование кластеров. Как показывает в своей работе Г.А. Яшева, еще в 2000 г. кластерные программы стали обязательным элементом промышленного развития в странах Европейского союза (далее – Евросоюз, ЕС) в рамках Программы развития региональных инновационных систем, основной целью которой (как и ряда последующих программ) является повышение конкурентоспособности экономик стран, входящих в Союз [Яшева, 2022]. Кластерная политика является инструментом в достижении целей роста экспорта товаров и услуг и повышения доли инвестиций в НИОКР до 3 % от валового внутреннего продукта (Европейского союза в целом)[3]. Предполагается повторить опыт некоторых стран Азии в развитии именно высококонкурентных технологичных отраслей с ориентацией в основном на внешние рынки.

Г.А. Яшева особо отмечает, что основной упор в создании кластеров в ЕС делается на объединение малого и среднего бизнеса [Яшева, 2022]. В российской практике предприятия малого и среднего предпринимательства (далее – МСП), как правило, участвуют в промышленной кооперации на базе промышленных технопарков. Промышленный кластер обыкновенно включает более крупных представителей бизнеса (либо объединение идет вокруг некоторого «якорного» предприятия). Если в начале своего существования европейские кластеры преимущественно объединяли предприятия по производству товаров потребительского сектора, то затем промышленная кооперация стала распространяться и на более высокотехнологичные и инновационные направления.

Годовой бюджет кластерных программ стран ЕС, по данным Г.А. Яшевой, превышает 80 млрд евро (для функционирования около 1 тыс. кластеров) [Яшева, 2022]. Эта цифра включает от 50 до 90 % государственного участия в программах софинансирования практически всех ключевых затрат участников кластеров, то есть финансовое участие бюджетов различных уровней – обязательный элемент создания и поддержки кластерных инициатив в международной практике.

Т.В. Фадеева рассматривает опыт англо-саксонской модели кластеризации (Великобритании, Соединенных Штатов Америки (далее – США), Канады, Австралии), где кластер считается чисто рыночным образованием вне контекста государственной политики их формирования [Фадеева, 2021]. Поддержка заключается в выделении грантов, средств по конкретным государственным программам, особое внимание акцентируется на развитие малого предпринимательства в рамках кластеров. В качестве примера также приводится Индия со значительным опытом кооперации в сфере малого бизнеса: в стране около 2 тыс. кластеров, из которых 1,6 тыс. – кооперации небольших ремесленных предприятий.

Е.М. Еловая отмечает, что в США в кластерах участвует более 50 % всех существующих предприятий, в ЕС трудоустроено 38 % рабочей силы [Еловая, 2020].

Кластерная политика является современным в международной практике инструментом повышения конкурентоспособности национальной экономики, методом ускорения инновационного прогресса, развития наиболее высокотехнологичных отраслей, импортозамещения и экспорта.

Методы и методология исследования / Study methods and methodology

Ограниченность финансовых ресурсов государства для целевой поддержки процессов импортозамещения вынуждает дифференцировать подход к субсидированию основных инструментов поддержки промышленности, в том числе кластерной политики. В связи с этим основным методом исследования является системный анализ, который позволяет объективно оценить связность процессов импортозамещения и кластеризации, их взаимного влияния и эффекта для экономики. Его применение позволило оценить слабые стороны кластерной политики в контексте современного вектора промышленного развития

[3] UNESCO science report: towards 2030. Режим доступа: https://www.unesco.org/sites/default/files/usr15_european_union_ru.pdf (дата обращения: 06.10.2025).

и их влияние на процессы импортозамещения в целевых направлениях. Методы анализа, синтеза и сравнения позволяют оценить отдельные особенности развития кластерной политике как в некоторой ретроспективе, так и на текущем этапе.

Основным источником данных исследования является Государственная информационная система промышленности (далее – ГИСП), созданная для мониторинга текущих и перспективных промышленных кластеров, и индустриальных парков[4].

Результаты исследования / Study results

Импортозамещение вне контекста используемых инструментов – это всегда, хотя и в разной степени, затратное мероприятие для бюджетов всех уровней. В качестве иллюстрации можно привести динамику вложений в отечественный АПК за последние годы на фоне изменения доли импорта в товарных ресурсах отдельных продовольственных товаров (таблица).

Как видно из таблицы, поддержка сельхозпроизводителей составляет весомую для бюджета и достаточно стабильную во времени величину, при этом рост доли продукции отечественных производителей растет достаточно медленными, но уверенными темпами. Это объясняется тем, что для производителей импортозамещающие программы представляют собой значительные по объему инвестиции с неопределенным горизонтом планирования и сроками окупаемости. Государственная политика в таких направлениях должна быть долгосрочной и стабильной в целях повышения доверия инвесторов. Это не точечный во времени, а постоянный процесс инвестиций в обновление, инновации, техническое перевооружение, поэтому нельзя рассчитывать на однократные вложения в процессы импортозамещения. Судя по статистике АПК, даже в случае возникновения в 2014–2015 гг. такого фактора, как резкое усиление политики протекционизма («контрсанкции» для продукции АПК), это не привело к значимому сокращению объемов поддержки.

Исходя из опыта поддержки сектора АПК, можно с уверенностью утверждать, что любое другое направление импортозамещения потребует не разовых, а постоянных затрат, сопоставимых с первоначальным периодом. Будет неверным ожидать перспектив значительного снижения бюджетных расходов по этим статьям.

В контексте промышленной политики и конкретно влияния кластерных инициатив на процессы импортозамещения следует сказать, что импортозамещение не является основной целью кластерной политики – это в основном побочное следствие интеграционных процессов, хотя есть направление импортозамещения некоторых целевых видов продукции, которое регламентируется постановлением Правительства РФ от 28 января 2016 г. № 41 (далее – ПП № 41)[7]. Однако объемы заложенных в бюджете средств на программы поддержки по данному Постановлению достаточно невелики: 500 млн руб. в 2022 г., 430 млн руб. – в 2023 г., 436 млн руб. – в 2024 г.,

[4] Атлас промышленности. Государственная информационная система промышленности (ГИСП). Режим доступа: https://gisp.gov.ru/gisip (дата обращения: 06.10.2025).

[5] ЕМИСС. Объем средств государственной поддержки в рамках программ и мероприятий по развитию сельского хозяйства. Режим доступа: https://www.fedstat.ru/indicator/42373 (дата обращения: 06.10.2025).

[6] ЕМИСС. Доля отечественного производства отдельных товаров в их товарных ресурсах. Режим доступа: https://www.fedstat.ru/user/login?redirectUrl=%252Findicator%252F43217%253Fid%253D43217&id=43217 (дата обращения: 06.10.2025).

[7] Постановление Правительства Российской Федерации от 28 января 2016 г. № 41 «Об утверждении Правил предоставления из федерального бюджета субсидий участникам промышленных кластеров на возмещение части затрат при реализации совместных проектов по производству промышленной продукции кластера в целях импортозамещения». Режим доступа: https://base.garant.ru/71314830/ (дата обращения: 06.10.2025).

Таблица

Государственная поддержка программ по развитию сельского хозяйства в 2013–2024 гг., доля отечественной продукции в потреблении отдельных товаров

Table. State support for agricultural development programs in 2013–2024, share of domestic products in the consumption of individual goods

Наименование	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Объем поддержки, млрд руб.	185	170	173	173	170	174	155	150	159
Масла растительные, млн руб.	82	86	82	88	84	82	84	85	84
Мясо, млн руб.	74	80	87	89	90	94	93	95	94
Сыры, млн руб.	52	63	78	72	74	70	70	69	70
Масло животное, млн руб.	64	68	74	73	78	80	72	71	70
Молоко сухое, млн руб.	40	53	44	40	53	61	56	67	70

Примечание: данные по балансам товарных ресурсов с 2022 г. не публикуются.

Составлено авторами по материалам источника[5,6] / *Compiled by the authors on the materials of the sources[5,6]*

440 млн руб. – в 2025 г.[8]. По этим цифрам можно сделать два важных вывода:

• импортозамещение не является целевым направлением развития региональных кластеров;

• финансирование программ импортозамещения представляет собой стабильную величину, исходя из суммы факторов, высказанных выше в комментариях к таблице.

Иными словами, необходимость осуществления импортозамещения сверх естественно сформировавшихся рыночных процессов всегда требует государственного финансирования даже при кардинальном усилении протекционистских мер. В связи с этим представляется неясным сокращение Министерством промышленности и торговли РФ планового показателя финансирования по ПП №41 участников кластеров с 440 до 295 млн руб.[9]. Сокращение этой не столь значительной части расходов не будет способствовать выполнению задач импортозамещения путем совмещения их с задачами кластерного развития.

Касательно контекста импортозамещения в направлении политики промышленной кооперации и кластеризации стоит сделать отступление в отношении статистического обеспечения деятельности промышленных кластеров и технопарков. После того как анализ Счетной палаты в 2021 г. продемонстрировал непрозрачность системы оценки эффективности деятельности промышленных парков, в системе ГИСП заметно улучшилось качество предоставляемой статистической информации по паркам[10]. Стали своевременно обновляться данные с 2011 г. по текущий о следующем:

• количестве резидентов МСП;

• объеме промышленной продукции, в том числе отгруженной предприятиями МСП;

• числе работающих, в том числе на предприятиях МСП;

• структуре инвестиций в объекты промышленного парка (с указанием бюджетных расходов);

• налоговых и таможенных платежах резидентов (в том числе МСП);

• числе объектов интеллектуальной собственности, зарегистрированных резидентами парков;

• объеме затрат резидентов парков на НИОКР;

• количестве резидентов, осуществляющих инновации (в том числе МСП);

• объеме инновационной продукции резидентов парка (в том числе МСП);

• количестве зарегистрированных резидентами объектов интеллектуальной собственности.

Из этого перечня сразу становятся ясными основные задачи формирования промышленных парков:

• содействие малому и среднему бизнесу в создании и развитии производства;

• развитие деятельности в области НИОКР и совместном использовании ее результатов;

• инновационный прогресс как в области первичных показателей (инновационной активности), так и в конечных индикаторах (производство инновационной продукции).

Перечень показателей для промышленных технопарков исчерпывающе демонстрирует целевые задачи промышленной политики в области политики таких интеграционных объединений и способствует объективной оценке достигнутых целей в области инновационного развития и поддержки МСП путем создания парковой инфраструктуры.

Достаточность статистического обеспечения позволяет Ассоциации кластеров, технопарков и особых экономических зон (далее – ОЭЗ) России ежегодно обновлять суммирующую информацию по развитию технопарков в виде отчетов «Бизнес-навигатор «Технопарки России»[11]. Так, в 2023 г. численность резидентов оценивалась в 5,065 тыс. ед., из которых 91 % являлись представителями МСП. Фактически технопарки представляют собой «мини-кластеры – фабрики» для инновационных МСП, инфраструктура которых способствует выстраиванию «с нуля» процесса «НИОКР – опытное производство – серийное производство». Это эффективный процесс с точки зрения государственных вложений: в 2023 г. налоговые отчисления резидентов технопарков составили 15,4 руб. на 1 руб. бюджетных инвестиций в инфраструктуру. Для сравнения: в 2019 г. Ассоциация кластеров, технопарков и ОЭЗ России оценивала эффективность субсидирования промышленных кластеров на уровне 2,2 руб. дополнительных налогов на 1 руб. поддержки участников[12].

[8] Справочные и информационно-аналитические материалы к совещанию «О мерах налогово-бюджетной политики по поддержке участников промышленных кластеров: совершенствование нормативно-правовой базы». Режим доступа: http://council.gov.ru/media/files/Ay0KAWYQlIiAkfInnGK7osrttOOuNdHK.pdf (дата обращения: 06.10.2025).

[9] Перечень мер федеральной государственной поддержки промышленных предприятий на 2025 год. Режим доступа: https://rossosh.gosuslugi.ru/netcat_files/46/469/Federal_nye_mery_gospodderzhki_prom._predpriyatiy_na_2025_god.pdf?ysclid=mh6a20jrup288219242 (дата обращения: 06.10.2025).

[10] Отчет о результатах совместного контрольного мероприятия «Аудит эффективности реализации мер государственной поддержки создания и развития индустриальных (промышленных) парков и технопарков, включая использование предоставленных на эти цели имущественных комплексов и земельных участков» (с контрольно-счетными органами субъектов Российской Федерации). Режим доступа: https://clck.ru/3RV2y9 (дата обращения: 06.10.2025).

[11] Ассоциации кластеров, технопарков и ОЭЗ России. Технопарки: аналитические материалы. Режим доступа: https://akitrf.ru/technoparks/analiticheskie-materialy/ (дата обращения: 06.10.2025).

[12] Информация о реализации положений основных документов стратегического планирования и иных документов в сфере инновационного и научно-технологического развития, содержащих направления развития инновационной инфраструктуры. Режим доступа: https://clck.ru/3RV2zo (дата обращения: 06.10.2025).

Сервис ГИСП предлагает следующую информацию для сквозного анализа деятельности промышленных парков:

• уровень организационного развития (для всего лишь 48 кластеров из 159);

• объем отгруженных участниками кластера товаров;

• объем использования отгруженных товаров участниками кластера;

• объем экспорта участниками кластера;

• добавленная стоимость, создаваемая участниками;

• количество высокопроизводительных рабочих мест;

• налоговые платежи участников кластера;

• инвестиции в основной капитал;

• число произведенных продуктов/технологий из отраслевых планов по импортозамещению;

• количество МСП участников кластера;

• объем затрат на НИОКР.

Статистика инновационных процессов для промышленных кластеров практически отсутствует. Такой важный, даже системообразующий показатель, как «число произведенных продуктов/технологий из отраслевых планов по импортозамещению», отражается в статистике деятельности с ненулевым значением лишь для небольшого числа кластеров, получающих субсидии в рамках ПП № 41. Роль этого показателя в процессах импортозамещения и влияния на него непрозрачна. «Количество произведенных продуктов» просто считается в единицах и при этом присутствует в статистике кластеров фрагментарно.

Два направления государственной политики – импортозамещение и кластерная политика – связаны на текущий момент достаточно слабо. Об этом свидетельствует как дефицит статистической информации в системе ГИСП по данному направлению, так и объемы финансового субсидирования со стороны бюджета. При этом можно отметить гораздо большую эффективность государственной политики в области создания промышленных интеграционных объединений в отношении субсидирования создания технопарков. Это объясняется просто: расходы на индустриальные (промышленные) парки в рамках федерального проекта «Развитие промышленной инфраструктуры и производственной кооперации» составляет более 39,6 млрд руб. на 2025 г., а для промышленных кластеров объем финансирования был сокращен с 440 до 295 млн руб.

Низкие объемы финансирования и размытость горизонта планирования кластерных программ, особенно в контексте инновационного развития и импортозамещения, ведут к низким достигнутым показателям организационного развития. Так, по данным ресурса ГИСП, в 2025 г. насчитывалось 159 кластеров, из которых 66 созданы в период 2008–2021 гг., 12 – в 2022 г., 26 – в 2023 г., 40 – в 2024 г., 15 – в 2025 г. (данные на начало октября 2025 г.). Налицо положительная тенденция увеличения ежегодного прироста количества кластеров именно с 2022 г. До 2022 г. ежегодный прирост их количества не превышал 10[13].

Можно отметить, что формирование региональных кластеров идет в соответствии с Посланием Президента РФ от 21 февраля 2023 г. Федеральному Собранию РФ[14]. Тем не менее достигнутые результаты пока далеки от показателей кластерного развития в международном разрезе. По данным Г.А. Яшевой, в Германии насчитывается 314 промышленных кластеров, в Италии – 234, в Великобритании – 182, во Франции – 165, в Польше – 161, в Испании – 151 [Яшева, 2022]. Как правило, доля участников МСП в европейских кластерах выше 50 %. Обыкновенно количество участников превышает 30. В то же время в российских кластерах предприятия МСП представлены слабо: из созданных в 2025 г. 15 кластеров лишь в трех представлены малые и средние организации (в Инновационном кластере энергетического машиностроения Самарской области, Кластере реиндустриализации новых территорий, Кластере теплоэнергетического оборудования «УРАН»).

Перенятие опыта кластерной политики идет вразрез с международной практикой и общим смыслом кластеризации – содействием повышению эффективности путем распространения эффекта масштаба на те предприятия, которые проигрывают более крупным. Это можно считать негативным моментом в кластерной политике наряду с низкими объемами ее финансирования и размытостью целевых задач как в масштабе отдельных кластеров, так и по всему их объему в целом.

Заключение / Conclusion

На текущем этапе становления политики кооперации в промышленности в регионах России можно отметить следующие тенденции и особенности.

1. Существует два основных направления текущих интеграционных процессов: промышленные кластеры и промышленные технопарки, представляющие собой разные ступени организационного развития по величине интеграционного объединения. Региональная кластерная политика характеризуется двунаправленностью развития. С точки зрения количества рабочих мест эти направления практически равны (5,734 тыс. резидентов и 327 тыс. рабочих мест в технопарках и 1,684 тыс. участников и 295 тыс. рабочих мест в промышленных кластерах на 2023 г.).

[13] Сводная статистическая информация геоинформационной системы по кластерам. Режим доступа: https://gisp.gov.ru/gisip/stats_sum_clusters/pdf/ru/%0A (дата обращения: 06.10.2025).

[14] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 21 февраля 2023 г. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70565 (дата обращения: 06.10.2025).

В плане государственных расходов оба направления представляют собой противоположности: существенна разница между расходами на формирование технопарков и на кластерную политику (39,6 и 295 млн руб. соответственно на 2025 г.).

2. Если в международной практике кластеры представляют собой огромные (до нескольких тысяч участников) кооперативные образования, то в российском экономическом поле кластер – это интеграционное объединение с количеством участников от пяти и более (до 2022 г. минимальное количество было 10). Максимальное значение на 2025 г. – 65. Кластеров с числом участников более 10 всего 74, более 20 – лишь 18. Таким образом, второй особенностью региональной кластерной политики является малый масштаб существующих и создаваемых кластеров.

3. Среди промышленных кластеров всего 7 характеризуются средним уровнем организационного развития, 41 – начальным. Ни один кластер не оценивается как высокоразвитый. Это отрицательно сказывается на качестве влияния кластеризации на эффективность экономики и уровень ее технологического прогресса.

4. Промышленные технопарки характеризуются преимущественным объединением предприятий малого и среднего бизнеса с высокими показателями эффективности кооперации. Так, на 2023 г. налоговые отчисления резидентов технопарков составили 15,4 руб. на 1 руб. бюджетных вложений в инфраструктуру. Это в разы выше аналогичного показателя для кластеров (2,2 руб. дополнительных налогов на 1 руб. государственного субсидирования). Таким образом, содействие промышленной кооперации для МСП дает более существенные результаты. Низкие качественные результаты развития (п. 3) вытекают во многом из недостатков планирования числа участников вне малых и средних форм хозяйствования. Необходимо корректировать критерии формирования промышленных кластеров в сторону увеличения доли представителей малого и среднего бизнеса, хотя жесткое регламентирование таких показателей не представляется целесообразным – более рационален гибкий подход в зависимости от местных региональных и технологических условий. В любом случае масштабирование величины кластера, в том числе за счет привлечения организаций МСП, является желаемым сценарием развития региональной кластерной политики.

5. Отсутствуют этапные задачи кластерной политики страны. Неясны конечные или промежуточные цели государственных расходов в этом направлении помимо общих формулировок.

6. Существующее информационное сопровождение (ГИСП) характеризуется недостаточным качеством статистического сопровождения деятельности промышленных кластеров (но не технопарков), что затрудняет аналитическую работу по их функционированию. Прозрачность результатов деятельности – ключевой фактор целесообразности кластерной политики и бюджетных расходов. Сюда же стоит добавить и п. 5 касательно отсутствия целевых параметров – с чем сравнивать достигнутые результаты при повышении качества статистики.

7. Отсутствие индикаторов инновационных процессов (инновационной активности, расходов, товарного потока) для промышленных кластеров. Задачи ускорения инновационного прогресса не являются какой-то четкой целью кластерной политики, хотя для промышленных технопарков этот показатель выступает одним из целевых и отмечается высокая степень положительного влияния на инновационное развитие регионов.

8. В контексте влияния на импортозамещение деятельность промышленных кластеров оценивается лишь формальным указанием количества произведенных продуктов/технологий из отраслевых планов по импортозамещению. Это затрудняет качественную оценку достигнутых результатов даже вне контекста отсутствия каких-то целевых задач по этим параметрам.

В целом можно заключить, что существующая политика двух векторов развития региональных процессов промышленной кооперации и импортозамещения имеет два промежуточных качественных измерения. Технопарки демонстрируют достаточно высокие качественные показатели кооперации предприятий МСП, инновационного прогресса, развития НИОКР и патентной работы. Показатели работы промышленных кластеров, несмотря на больший их масштаб, присутствуют в меньшем объеме, не касаются показателей инновационного и технологического развития.

Существует структурный перекос вовлечения предприятий МСП только в деятельность технопарков, тогда как в составе существующих и создаваемых кластеров малый и средний бизнес представлен незначительно. Это вступает в противоречие с самой идеей кластеризации, когда предприятия малого масштаба кооперируются с целью роста эффективности и производительности. Международному понятию кластера в таком случае в российской практике, как правило, соответствует промышленный технопарк, где действительно наблюдаются высокие показатели инновационного развития и эффективности за счет кооперации малых форм хозяйствования. Промышленный кластер обыкновенно представляет собой не организационную структуру повышения эффективности участников малого бизнеса, а окружение «якорного» предприятия с уже существующими смежниками и поставщиками. Иными словами, для промышленного технопарка «эффективность создается», а для промышленного кластера она уже существует, отсюда значительная разница в показателях результативности технопарков и кластеров.

Для технопарка ее рост явен и значителен, тогда как на эффективность существующих технологических и инновационных цепочек кластеризация может повлиять лишь весьма умеренно.

Сложно ожидать значительных эффектов от формирования новых региональных промышленных кластеров, если не усилить кооперацию малого и среднего бизнеса, не поставить прозрачные целевые ориентиры в инновационном развитии и импортозамещении. Продолжение текущей политики формирования промышленных технопарков будет способствовать дальнейшему росту их сравнительной эффективности в сравнении с формированием промышленных кластеров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анимица Е.Г., Анимица П.Е., Глумов А.А. Импортозамещение в промышленном производстве региона: концептуально-теоретические и прикладные аспекты. Экономика региона. 2015;3(43):160–172. https://doi.org/10.17059/2015-3-14

Апокин А.Ю., Гнидченко А.А., Сабельникова Е.М. Потенциал импортозамещения и выгоды от экономической интеграции: дезагрегированные оценки. Экономическая политика. 2017;2(12):44–71. https://doi.org/10.18288/1994-5124-2017-2-02

Вагин С.Г. Стратегическое развитие инновационного потенциала предприятий промышленного комплекса. Управление. 2024;3(12):74–82. https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-3-74-82

Еловая Е.М., Чайковская Ю.В. Особенности развития кластерной политики в странах-участницах ЕАЭС. Oikonomos: Journal of Social Market Economy. 2020;1(16):76–85.

Косарев А.С. Составляющие потенциала технологической независимости предприятий фармацевтической промышленности. Социально-экономическое управление: теория и практика. 2025;3(21):21–29. https://doi.org/10.22213/2618-9763-2025-3-21-29

Косов М.Е., Голубцова Е.В., Новикова Е.С. Государственное налоговое регулирование в сельском хозяйстве в условиях политики импортозамещения. Финансы: теория и практика. 2023;2(27):119–130. https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-2-119-130

Кривенко Н.В., Епанешникова Д.С. Импортозамещение как инструмент стабилизации социально-экономического развития регионов. Экономика региона. 2020;3(16):765–778. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020–3-7

Кучумов А.В., Еремичева П.Ю. Особенности формирования индустриальной кластерной политики в развивающихся странах Азии. π-Economy. 2025;2(18):100–120. https://doi.org/10.18721/JE.18206

Матвеева Л.Г., Чернова О.А. Российское импортозамещение в условиях «новой нормальности». Terra Economicus. 2016;2(14):127–138. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2016-14-2-127-138

Мелехин В.Д., Божикова Т.П. Формирование мероприятий по совершенствованию программы импортозамещения. Экономика и управление: проблемы, решения. 2023;1(10):116–127. https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2023.10.01.012

Симачев Ю., Кузык М., Зудин Н. Импортозависимость и импортозамещение в российской обрабатывающей промышленности: взгляд бизнеса. Форсайт. 2016;4(10):25–45. https://doi.org/10.17323/1995-459X.2016.4.25.45

Фадеева Т.В. Особенности кластерной политики в России и в зарубежных странах. Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2021;2(61):103–112.

Харланов А.С., Карпенкова О.П. Развитие мировой экономики в кластерной политике зарубежных стран. Экономика и предпринимательство. 2020;6(119):26–30. https://doi.org/10.34925/EIP.2020.119.6.002

REFERENCES

Animitsa E.G., Animitsa P.E., Glumov A.A. Import substitution in the industrial production of the region: conceptual, theoretical and applied aspects. The economy of the region. 2015;3(43):160–172. (In Russian). https://doi.org/10.17059/2015-3-14

Apokin A.Yu., Gnidchenko A.A., Sabelnikova E.M. Import substitution potential and benefits from economic integration: disaggregated estimates. Economic policy. 2017;2(12):44–71. (In Russian). https://doi.org/10.18288/1994-5124-2017-2-02

Aspromourgos T. The life of William Petty in relation to his economics. History of Political Economy. 1988;20:337–356.

Fadeeva T.V. Features of cluster policy in Russia and abroad. Bulletin of the Pacific State University. 2021;2(61):103–112. (In Russian).

Kharlanov A.S., Karpenkova O.P. The development of the world economy in the cluster policy of foreign countries. Economics and entrepreneurship. 2020;6(119):26–30. (In Russian). https://doi.org/10.34925/EIP.2020.119.6.002

Kosarev A.S. Components of the potential of technological independence of pharmaceutical industry enterprises. Socio-economic management: theory and practice. 2025;3(21):21–29. (In Russian). https://doi.org/10.22213/2618-9763-2025-3-21-29

Kosov M.E., Golubtsova E.V., Novikova E.S. State tax regulation in agriculture in the context of import substitution policy. Finance: theory and practice. 2023;2(27):119–130. V https://doi.org/10.26794/2587-5671-2023-27-2-119-130

Krivenko N.V., Epaneshnikova D.S. Import substitution as a tool for stabilizing socio-economic development of regions. The economy of the region. 2020;3(16):765–778. (In Russian). https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020–3-7

Kuchumov A.V., Eremicheva P.Y. Features of the formation of industrial cluster policy in developing Asian countries. π-Economy. 2025;2(18):100–120. (In Russian). https://doi.org/10.18721/JE.18206

Matveeva L.G., Chernova O.A. Russian import substitution in the context of the "new normality". Terra Economicus. 2016;2(14):127–138. (In Russian). https://doi.org/10.18522/2073-6606-2016-14-2-127-138

Melekhin V.D., Bojikova T.P. Formation of measures to improve the import substitution program. Economics and management: problems, solutions. 2023;1(10):116–127. (In Russian). https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2023.10.01.012

Simachev Yu., Kuzyk M., Zudin N. Import dependence and import substitution in the Russian manufacturing industry: a business perspective. Foresight. 2016;4(10):25–45. (In Russian). https://doi.org/10.17323/1995-459X.2016.4.25.45

Tsypin A.P., Ovsyannikov V.A. Comparative characteristics of the development of industrial potential in Russia and the USA for the period 1970-2010. Bulletin of Orenburg State University. 2014;14(175):57–60. (In Russian).

Vagin S.G. Strategic development of the innovative potential of industrial enterprises. Upravlenie / Management (Russia).

Цыпин А.П., Овсянников В.А. Сравнительная характеристика развития промышленного потенциала России и США за период 1970–2010 гг. Вестник Оренбургского государственного университета. 2014;14(175):57–60.

Яшева Г.А., Николаева Ю.Н., Кондратьева В.Д. Кластерная политика в странах Европейского союза и Республике Беларусь: компаративный анализ. Вестник Витебского государственного технологического университета. 2022;2(43):203–217. https://doi.org/10.24412/2079-7958-2022-2-203-217

Aspromourgos T. The life of William Petty in relation to his economics. History of Political Economy. 1988;20:337–356.

Zhu T. Rethinking Import-substituting Industrialization. Development Strategies and Institutions in Taiwan and China. UNU-WIDER Research Paper. Helsinki: UNU-WIDER; 2006.

2024;3(12):74–82. (In Russian). https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-3-74-82

Yasheva G.A., Nikolaeva Yu.N., Kondratieva V.D. Cluster policy in the European Union and the Republic of Belarus: a comparative analysis. Bulletin of the Vitebsk State Technological University. 2022;2(43):203–217. (In Russian). https://doi.org/10.24412/2079-7958-2022-2-203-217

Yelovaya E.M., Tchaikovsky Yu.V. Features of cluster policy development in the EAEU member states. Oikonomos: Journal of Social Market Economy. 2020;1(16):76–85. (In Russian).

Zhu T. Rethinking Import-substituting Industrialization. Development Strategies and Institutions in Taiwan and China. UNU-WIDER Research Paper. Helsinki: UNU-WIDER; 2006.

УДК 338.23 JEL E02 DOI https://doi.org/10.26425/2309-3633-2025-13-4-62-71
Получено: 13.09.2025 Статья доработана после рецензирования: 10.11.2025 Принято: 17.11.2025

Институциональные аспекты инновационного развития Российской Федерации в современных условиях

Валишвили Мери Амирановна[1,2]
Канд. экон. наук, доц. каф. государственных и муниципальных финансов[1],
доц. каф. финансового и инвестиционного менеджмента[2]
ORCID: 0000-0001-6258-4150, e-mail: valishvili.ma@rea.ru

[1]Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, 115054, Стремянный переулок, 36, г. Москва, Россия

[2]Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
125993, Ленинградский пр-т, 49, г. Москва, Россия

Аннотация

Актуальность темы исследования определяется тем, что одной из ключевых проблем развития российской экономики стало преодоление деструктивных тенденций в инновационной сфере, связанных как с внутренними, так и с внешними факторами. К внутренним факторам относятся стабильно низкий уровень инновационного развития национальной экономики в целом и отдельных регионов. Основным внешним сдерживающим фактором стали санкционные ограничения, препятствующие проникновению новых технологий в Российскую Федерацию. Дальнейший инновационный рост возможно обеспечить только путем создания благоприятной инновационной среды через систему норм и правил, стимулирующих инноваторов к разработке технологий в рамках программы импортозамещения и обеспечения технологического суверенитета. Рассмотрены подходы к пониманию влияния институциональных факторов на состояние национальной инновационно системы. Для детального понимания механизмов влияния институциональной среды на процессы внедрения инновационных технологий в производственный сектор Российской Федерации проведен анализ ключевых институциональных характеристик, способствующих инновационному развитию. Изучены условия и результаты инновационной деятельности в современных условиях, что является особо актуальной задачей в рамках политики достижения технологического суверенитета.

Ключевые слова: инновационный процесс, институциональная среда, инновационная среда, нормы, институты, институции, социально-экономическое развитие, технологический суверенитет, экономическая нестабильность, санкции

Для цитирования: Валишвили М.А. Институциональные аспекты инновационного развития Российской Федерации в современных условиях//Управление. 2025. Т. 13. № 4. С. 62–71. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-4-62-71

© Валишвили М.А., 2025.
Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная
http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Received 13.09.2025 Revised 10.11.2025 Accepted 17.11.2025

Institutional aspects of Russia's innovative development in modern conditions

Meri A. Valishvili[1,2]
Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the State and Municipal Finance Department[1],
Assoc. Prof. at the Finance and Investment Management Department[2]
ORCID: 0000-0001-6258-4150, e-mail: valishvili.ma@rea.ru

[1]Plekhanov Russian State University of Economics, 36, Stremyanny pereulok, Moscow 115054, Russia
[2]Financial University Under the Government of the Russian Federation, 49, Leningradsky prospekt, Moscow 125993, Russia

Abstract

The relevance of the research topic is determined by the fact that one of the key issues of the Russian economy development has become overcoming destructive trends in the innovation sphere related to both internal and external factors. Internal factors include the consistently low level of innovative development of the national economy as a whole and of the individual regions. The main external deterrent was the sanctions restrictions that prevent the arrival of new technologies in Russia. Further innovative growth can only be achieved by creating a favorable innovation environment through a system of norms and rules that encourage innovators to develop technologies within the framework of the import substitution program and ensure technological sovereignty. The approaches to understanding the impact of institutional factors on the national innovation system state have been studied. For a detailed understanding of the mechanisms of the institutional environment's impact on the processes of implementing innovative technologies into the Russian manufacturing sector, an analysis of key institutional characteristics contributing to innovative development has been carried out. The conditions and results of innovation activity in modern conditions have been studied, which is a particularly urgent task within the framework of the achieving technological sovereignty policy.

Keywords: Innovation process, institutional environment, innovation environment, norms, institutes and institutions, socio-economic development, technological sovereignty

For citation: Valishvili M.A. (2025). Institutional aspects of Russia's innovative development in modern conditions. *Upravlenie / Management (Russia)*, 13 (4), pp. 62–71. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-4-62-71

© Valishvili M.A., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение / Introduction

В условиях внешних экономических и политических ограничений хозяйственная деятельность организаций реального сектора экономики подвергается повышенному риску. Особенно остро последствия экономических ограничений проявляются в инновационном производстве.

Переход к инновационному типу развития экономических систем подразумевает не только активизацию деятельности бизнес-сообщества, но и развитие наукоемкого производства. Гармоничное развитие в рамках двух направлений позволяет создать базу для конкурентоспособности отечественной экономики на мировых товарных рынках. Внедрение новейших технологий, в свою очередь, представляет собой основной стимул перехода к инновационному типу социально-экономического развития.

Процессы, связанные с формированием инновационной экономики, необходимо рассматривать в контексте синергетического взаимодействия с институциональными структурами, которые, будучи эффективно интегрированными в экономическую систему, трансформируются в полноценные драйверы макроэкономического развития. Институциональные трансформации становятся не просто сопутствующим элементом инновационного развития, но и его основополагающим фактором, способствующим устойчивому экономическому росту и повышению конкурентоспособности национальной экономики на глобальном уровне.

Целью настоящего исследования является изучение институциональных основ ведения инновационной деятельности различных экономических субъектов в контексте обеспечения устойчивого социально-экономического развития.

В рамках этой цели ставятся следующие задачи:

• проанализировать ключевые концепции, связанные с пониманием природы институтов и условий, способствующих инновационному развитию в экономике страны;

• выявить нормы, составляющие основу институтов инновационного процесса;

• определить роль и значение инновационных институтов в качестве неотъемлемых компонентов экономического развития.

Для проведения исследования использованы различные научные методы, включая общенаучные, междисциплинарные и специальные, характерные для экономических исследований. Среди них метод научных аналогий, индуктивный и дедуктивный подходы, а также системный анализ.

В основу исследования легли результаты теоретических и эмпирических изысканий как отечественных, так и зарубежных ученых, специализирующихся на проблематике институциональной экономики и инновационной деятельности.

Теоретические подходы к определению основ инновационного развития национальной экономики / Theoretical approaches to defining the foundations of innovative development of the national economy

Новейшие технологические разработки и решения, являющиеся составляющими элементами инновационного процесса, становятся своего рода катализатором экономического роста. Данный тезис неоднократно был подтвержден многими исследованиями. По своей природе инновационный процесс является эволюционным. Эволюционная динамика инноваций находит свое отражение в теории технологических укладов, разработанной Д.С. Львовым и С.Ю. Глазьевым [Глазьев, Львов, 1986]. Согласно данной концепции, технологический уклад представляет собой целостную систему взаимосвязанных производств, объединенных в единую технологическую цепочку. Жизненный цикл каждого технологического уклада составляет приблизительно столетие, при этом период доминирования – около 40–50 лет. Научно-промышленные революции оказывают существенное влияние на постепенное сокращение продолжительности жизненного цикла технологических укладов, что является важным фактором в контексте ускоренного научно-технического прогресса.

Основной постулат теории технологических укладов предполагает систематическое замещение менее прогрессивных технологических укладов передовыми, что является фундаментальным принципом инновационного развития. Данная смена технологических парадигм обусловлена целенаправленной инновационной политикой, реализуемой на макро- и микроэкономическом уровнях. Замедление процесса перехода к новым технологическим укладам на национальном уровне неизбежно приводит к технологическому отставанию, что и наблюдается в случае Российской Федерации (далее – РФ, Россия).

Основываясь на данных, предоставленных ведущими аналитиками в данной сфере, мы можем констатировать, что в текущий момент времени около 30 % отечественного промышленного производства строится на технологиях третьего (уклад «технологий электроэнергетики») и четвертого (уклад «нефтехимических технологий и энергетики двигателей внутреннего сгорания») технологических укладов. Пятый технологический уклад («технологий информатики и микроэлектроники») характерен примерно для 4 % производимой продукции, а шестой, характеризующийся развитием нано- и клеточных технологий, находится в стадии формирования [Султангужин, 2011]. Анализ технологического развития экономики

Соединенных Штатов Америки выявляет следующие тенденции: доля четвертого технологического уклада в стране – 20 %, пятого – 60 %, шестого – около 5 %[1].

К.М. Шваб, выдающийся немецкий экономист и основатель Всемирного экономического форума в Давосе, представил концепцию шестого технологического уклада, характеризующегося революционными преобразованиями в различных секторах экономики и социальной сферы. Данный уклад, по его мнению, обещает предоставить беспрецедентные возможности для граждан всего мира и «неограниченные возможности, в котором миллиарды людей связаны между собой мобильными устройствами, открывающими беспрецедентные горизонты в сфере обработки и хранения информации и доступа к знаниям», – это начало эры Интернета вещей, всестороннее использование технологий машинного обучения (в том числе искусственного интеллекта) и «переплетение технологий из мира физики, биологии и цифровых реалий» [Шваб, 2016, с. 8].

В целях сокращения технологического разрыва отечественной экономике необходим технологический прорыв вместо эволюционного пути развития. Кроме того, сам по себе шестой технологический уклад не является самоцелью, а направлен на комплексное развитие социально-экономической системы России, обеспечение национальной безопасности и суверенитета страны, достижение высокого уровня и качества жизни граждан. Своеобразным драйвером развития технологий стала политика импортозамещения, начавшаяся еще в 2000 г. и ставшая мейнстримом с 2022 г.

Следует отметить несколько подходов к определению основ развития национальной экономики. И.Д. Афанасенко в своем исследовании выделяет четыре ключевых компонента, определяющих структуру и функционирование национального хозяйства. Он подчеркивает, что природно-климатические факторы, духовно-нравственные аспекты, экономические механизмы и организационно-правовые институты формируют условия, обеспечивающие устойчивое развитие экономической системы [Афанасенко, 2008]. Последнее и будем называть институциональными основами формирования национального хозяйства.

Организационно-правовые основы способны создать условия для инновационного прорыва. Известный советский и российский ученый Н.Н. Моисеев отмечал: «Огромную роль в судьбе (народа) всегда играл прорыв. Наша страна может в минимальные сроки сделать колоссальный экономический рывок» [Моисеев, 1999, с. 15].

Институты и институции инновационного развития национальной экономики / Institutes and institutions of innovative development of the national economy

Технологические преобразования в реальном секторе экономики являются движущей силой, обеспечивающей национальную безопасность и суверенитет, а также

[1] Шестой технологический уклад – вопрос выживания России. Режим доступа: https://cont.ws/@talatis/1117041 (дата обращения: 10.09.2025).

Таблица

Различия традиционного и инновационного производства

Table. Distinguishing between traditional and innovative production

Критерии	Традиционное (индустриальное) производство	Инновационное производство
Ограниченность ресурсов	Ресурсы ограничены	Ресурсы не ограничены
Экономия ресурсов	Экономия ресурсов важна	Экономия ресурсов не является первостепенным требованием
Капитал	Физический и природный капитал	Замещение физического и природного капитала интеллектуальным
Новизна	Производство, не обладающее новизной	Наукоемкость производимой продукции, рост квалификации работников
Отработанность технологии	Известный, отработанный процесс, реализуемый на основе старых знаний и навыков	Процесс со многими неизвестными, продуктом которого являются реализованные на практике новые знания, технологии, технические решения
Творческое развитие	Творчество нарушает нормированный технологический процесс	Развитие творческой личности, способностей
Риски	Риски известны	Движение к осознанному риску
Продуктовая известность	Массовое производство, известный рынку продукт	Поиск технологических решений и разработка новых продуктов

Окончание таблицы

Критерии	Традиционное (индустриальное) производство	Инновационное производство
Воспроизводимость	Воспроизводимость структуры и свойств материалов	Процесс инноваций и научных открытий повторяется циклически
Рентабельность	Падение нормы прибыли, в момент насыщения рынка продукцией	Высокая норма прибыли

Составлено автором по материалам исследования / *Compiled by the author on the materials of the study*

конкурентоспособность отечественной экономики на международном уровне. Процессы, связанные с трансформацией экономической системы, следует анализировать в контексте формирования соответствующих институтов. Институты, оказывающие регулятивное воздействие на инновационные процессы, становятся ключевыми детерминантами макроэкономического развития.

В контексте динамического развития процессов инновационной деятельности начинает формироваться новый подход к организации производства. Анализ научных источников позволил выделить ключевые критерии отнесения производств к инновационному и традиционному (таблица).

Таблица показывает, что инновационное производство в отличие от традиционного ориентировано на поддержание высокой нормы прибыли за счет постоянного внедрения новых знаний, технологий, технических решений. Основу инновационного производства составляют творческие способности людей по генерированию новых идей и риски, связанные с постановкой на производство, изготовлением и реализацией инновационной продукции.

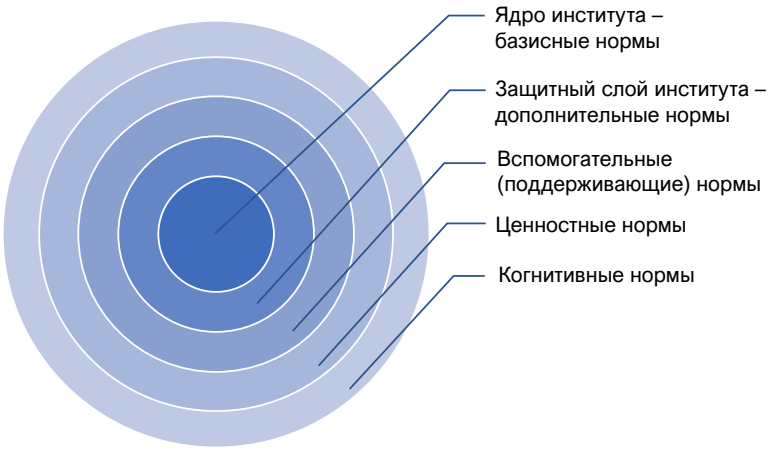
Потенциал экономического роста национальной экономики и возможности использования инновационных технологий для дальнейшего развития все чаще связывают с имеющимися институциональными условиями в том или ином государстве. В институциональной теории существует важное разграничение между терминами «институт» и «институция», что подчеркивает их концептуальную и функциональную дифференциацию. Дж. Р. Коммонс, выдающийся представитель традиционной институциональной экономики, в своем фундаментальном труде «Экономика коллективных действий» одним из первых предложил разделять термины и аргументированно обосновал, что институции (англ. institutions) и институты (англ. institutes) не являются тождественными категориями [Commons, 1950]. Институции понимаются как процесс, а институты –как продукты (результаты) этого процесса и правила действий. В трудах различных исследователей институты предстают в виде правил, образа мышления, ментальных моделей, убеждений и организаций [North, 1990; Веблен, 2018; Aoki, 2001; Грейф, 2012]. В целом институты рассматриваются как некая побудительная сила развития экономики и общества.

Институты и институции формируются в процессе институционализации, который, по определению Д.П. Фролова, представляет собой упорядочивание нематериальных производительных сил, способствующее трансформации и осуществлению транзакций [Фролов, 2015]. В этом контексте институция выступает в качестве содержательной основы института, а институт, в свою очередь, обеспечивает практическую реализацию институций.

Американский политолог и экономист Э. Остром, основательница Блумингтонской школы, в своих исследованиях институциональных процессов осуществляет фундаментальный сдвиг акцента на институтах как на динамических «аренах действий», где происходит взаимодействие и формирование стимулов поведения субъектов, а также структурируется общая институциональная среда [Ostrom, 2007]. Такой подход позволяет более глубоко исследовать механизмы самоорганизации и адаптации институциональных структур в условиях изменяющейся социальной и экономической реальности.

В исследованиях отечественных ученых сущность институтов рассматривается с точки зрения «норм» и «правил». В контексте анализа институциональных «ловушек» экономического развития В.М. Полтерович использует термины «институт», «норма» и «правило поведения» как взаимозаменяемые [Полтерович, 1998]. Г.Б. Клейнер предлагает комплексное определение института, рассматривая его как интегрированный комплекс традиций и рутин, включающий не только нормативные предписания, но и механизмы, обеспечивающие их выполнение и контроль [Клейнер, 2001]. Автор акцентирует внимание на системном характере институтов, подчеркивая их многокомпонентную природу и функциональную значимость в рамках экономической системы.

Рассматривая институты как совокупность регулирующих норм, мы можем их сгруппировать и представить как многослойную структуру (рис. 1).



Составлено автором по материалам исследования / *Compiled by the author on the materials of the study*

Рис. 1. Институты как совокупность регулирующих норм

Fig. 1. Institutions as a set of regulatory norms

В контексте инновационного развития все указанные нормы претерпевают содержательные изменения. Так называемым ядром института выступают нормы, регулирующие взаимодействие участников инновационного процесса. Институты инновационного развития, образующие «ядро» системы, включают комплекс экономических, правовых и политических регуляторов, которые обеспечивают координированное функционирование и устойчивое развитие инновационной системы. В контексте инновационного развития система норм государственной поддержки и стимулирований инноваций закреплена в таких стратегических документах как Концепция технологического развития Российской Федерации на период до 2030 г., а также Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 г. и на плановый период до 2030 г.[2,3].

«Защитный слой», формируемый в рамках национальной инновационной системы, представляет собой комплексный механизм, интегрирующий стратегические приоритеты инновационного развития, институциональные императивы и инструментарий государственной инновационной политики. Данный слой функционирует как структура, обеспечивая устойчивость и эффективность институциональных процессов в контексте реализации приоритетных государственных проектов и программ. К дополнительным нормам, регулирующим инновационную деятельность, следует отнести такие нормативные акты, как Распоряжение Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 1273-р, закрепившее перечень технологий, имеющих важное социально-экономическое значение или важное значение для обороны страны и безопасности государства[4].

Вспомогательные (поддерживающие) нормы инновационного развития представляют собой комплекс государственных мер, направленных на создание и функционирование объектов инновационной инфраструктуры, а также на механизмы финансовой поддержки и стимулирования инновационной деятельности. Эти меры включают бюджетное финансирование, налоговые льготы, гранты и субсидии, а также мониторинг и контроль за эффективностью использования бюджетных средств. В рамках государственной политики по формированию инновационной инфраструктуры реализованы следующие стратегические инициативы: формирование 58 особых экономических зон и 92 территорий опережающего развития. Эти меры направлены на создание благоприятных условий для развития инновационной деятельности, повышение конкурентоспособности

[2] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447895/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 10.09.2025).

[3] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 октября 2021 г. № 2765-р «Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года». Режим доступа: https://loginconsultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=398016&demo=1 (дата обращения: 10.09.2025).

[4] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 июля 2012 г. № 1273-р «Об утверждении перечня технологий, имеющих важное социально-экономическое значение или важное значение для обороны страны и безопасности государства (критических технологий)». Режим доступа: https:// consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=148188&demo=1 (дата обращения: 10.09.2025).

национальной экономики и стимулирование научно-технического прогресса.

Ценностные нормы отражают отношение бизнеса и гражданского общества к инновационной деятельности в целом. Восприимчивость или сопротивление инновациям в экономической сфере напрямую зависит от уровня зрелости ценностных норм. Данные нормы и установки напрямую влияют на поведение бизнес-структур, так как предприниматели в большинстве своем стремятся получить быструю выгоду от своей экономической деятельности, в то время как реализация инновационной деятельности требует более длительного времени, а также сопряжена с рисками.

Креативность мышления инноваторов связана с когнитивными нормами, которые представляют собой процессы генерирования, разработки и внедрения передовых идей и технологий, соответствующих требованиям высокотехнологичного рынка. В условиях неопределенности и динамичных изменений на рынке инноваторы должны обладать когнитивной гибкостью и способностью к адаптации, что позволяет им эффективно управлять рисками и достигать стратегических целей.

Ключевой смысл институционального подхода к исследованию инновационной деятельности заключается в анализе институтов и институций с учетом не только экономических, но и политических, правовых, поведенческих, социально-психологических и других факторов [Никитская, Валишвили, 2018]. Особое значение при этом приобретают не только вопросы стимулирования инноваций, но и инновационного импортозамещения как отдельного направления государственной политики. В экономическом обороте появляется новый термин, «локализация производства», под которым понимается создание отечественного производства на базе импортных технологий. Фактически локализация производства выступает одной из приоритетных форм импортозамещения в текущих макроэкономических условиях. Формируются институциональные условия стимулирования процессов импортозамещения технологических инноваций в условиях трансформации рынка России.

Активизация инновационной деятельности в современных условиях / Activation of innovation activity in modern conditions

Развитие инновационной деятельности на государственном уровне не всегда полностью согласуется с традиционной институциональной теорией. Это обусловлено спецификой инновационного процесса, которая проявляется в двух ключевых аспектах: статическом и динамическом.

Статический аспект связан с формированием и функционированием национальной инновационной системы (далее – НИС), где эффективно выстроены многосторонние связи между государственными органами управления, бизнесом и наукой. В рамках НИС создается инновационная инфраструктура, обеспечивающая реализацию всех этапов инновационного цикла, от фундаментальных исследований до диффузии инноваций. Этот цикл включает следующие фазы: фундаментальные и прикладные исследования, пробное производство, массовое производство и распространение инноваций.

Динамический аспект определяется процессом инновационной модернизации экономики, характеризующимся прохождением определенных стадий развития. Согласно классической теории Д. Норта, институты следует рассматривать в контексте конкретного исторического периода и анализировать в динамике [Норт, 1997]. Это позволяет учитывать их эволюцию и адаптацию к изменяющимся условиям внешней среды.

Инновационная деятельность на государственном уровне представляет собой сложный и многогранный процесс, требующий комплексного подхода и учета как статических, так и динамических факторов. Только при таком условии можно обеспечить эффективное функционирование национальной инновационной системы и успешную модернизацию экономики.

Активизация инновационной деятельности требует создания определенных предпосылок, в частности институциональной среды, которая может рассматриваться как аналог инвестиционного климата в сфере создания инноваций. Термин «инновационная среда» используется с 1980-х гг. для «анализа системных условий, которые могут быть созданы страной для генезиса новых идей, продуктов, организации новых производств и развития новых рынков» [Красоченкова, 2014, с. 3].

Теоретические трактовки понятия инновационной среды, представленные в научной литературе, демонстрируют значительное многообразие подходов. Однако сущностное понимание данной категории ограничено и сводится к нескольким ключевым аспектам. Во-первых, инновационная среда рассматривается как совокупность правил поведения рыночных субъектов [Уильямсон, 1996]. Во-вторых, она интерпретируется как система взаимосвязанных институтов [Санникова, 2013]. В-третьих, акцент делается на формах влияния и взаимодействия институтов [Самбуева, 2014]. Наконец, инновационная среда представляется как совокупность формализованных и неформализованных рамок и ограничений [Klein, 1998]. Эти подходы, несмотря на их различия, позволяют сформировать комплексное представление о сущности инновационной среды и ее роли в развитии экономических систем.

Инновационная деятельность играет важную роль, поскольку именно инновации являются основным драйвером экономического роста и конкурентоспособности.

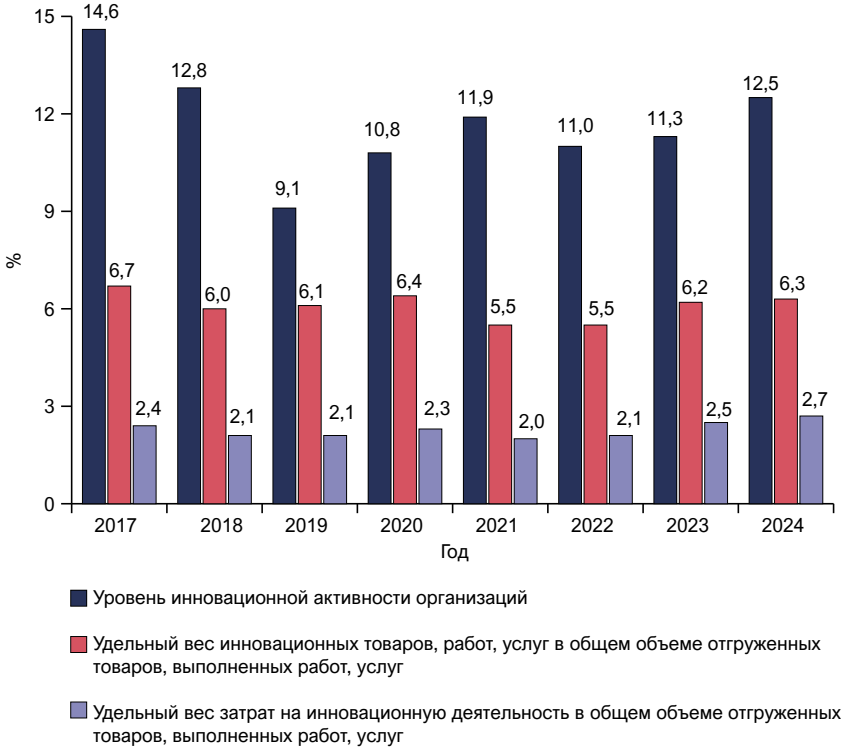
Активизация инновационной деятельности позволяет создавать новые продукты и технологии, которые могут успешно конкурировать на внутреннем и внешнем рынках.

В условиях глобальной экономической нестабильности и санкционного давления вопросы обеспечения технологического суверенитета приобретают особую актуальность. В данном контексте инновационная деятельность становится ключевым фактором устойчивого развития национальной экономики. Технологическая независимость представляет собой комплексную стратегию, направленную на развитие собственного производства «с нуля» высокотехнологичной продукции в требуемых экономике количествах, без использования каких-либо иностранных материалов, комплектующих, оборудования и технологий.

Развитие национальной инновационной системы в настоящее время подвержено вызовам и угрозам, обусловленным санкционным давлением зарубежных государств. Санкционное давление создает не только сложности, барьеры и дополнительные издержки для ведения инновационной деятельности, но и стимулы для значительной трансформации институтов и государственной политики в инновационной сфере [Вольчик, Маслюкова, 2022][5].

Ранее упоминалась Концепция технологического развития Российской Федерации на период до 2030 г., в рамках которой должны быть созданы технологические условия социально-экономического развития страны, включающие компании и корпорации, проявляющие высокоинтенсивную инновационную активность, опирающуюся на комфортную регуляторную среду. Результаты проводимой государственной политики в сфере стимулирования и поддержки инновационных организаций, а также эффективности функционирования институциональной среды отражаются в объективных статистических показателях (рис. 2).

Из представленной статистики видно, что существенного улучшения динамики уровня инновационной активности за последние годы не произошло, в том числе в 2022–2024 гг., в период острой нехватки собственной высокотехнологичной и инновационной продукции при условии всесторонних мер государственной поддержки бизнеса. Отечественные предприятия продолжают демонстрировать существенное отставание в области разработки и интеграции инновационных решений в своей деятельности. Данный феномен, несмотря на предпринимаемые усилия по модернизации и внедрению передовых технологий, является актуальной проблемой, требующей комплексного анализа и системного подхода к ее решению.



Составлено автором по материалам источника[5] / *Compiled by the author on the materials of the source*[5]

Рис. 2. Ключевые показатели инновационной активности организаций

Fig. 2. Key indicators of innovation activity of organizations

[5] Федеральная служба государственной статистики. Наука, инновации и технологии. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/statistics/science (дата обращения: 10.09.2025).

В настоящее время на государственном уровне сформировалось осознание стратегической значимости перехода национальной экономики на инновационный путь развития, что обусловило реализацию комплекса мер, направленных на стимулирование инновационной активности. Несмотря на предпринятые усилия, динамика рассматриваемых показателей остается стагнирующей, что свидетельствует о недостаточной эффективности существующих механизмов государственной поддержки.

Институциональные особенности инновационных процессов в условиях политики импортозамещения определяют стратегические приоритеты государственной политики, направленной на комплексное стимулирование и развитие инновационной деятельности. Среди ключевых направлений данной политики можно выделить следующие:

• формирование нормативно-правовой базы, регламентирующей полномочия и границы государственного регулирования в сфере хозяйственной и инновационной деятельности, – разработка и внедрение законодательных актов, направленных на создание благоприятных правовых условий для развития инновационных процессов, а также на установление четких рамок взаимодействия между государственными органами и субъектами инновационной деятельности;

• создание критической и инновационной инфраструктуры, обеспечивающей благоприятные условия для инновационной активности и инвестиционной привлекательности отдельных территорий;

• создание и расширение каналов трансфера технологий – создание системы эффективного взаимодействий между всеми участниками инновационного процесса, такими как органы государственной власти, научно-исследовательские и образовательные организации, а также субъекты инновационного бизнеса;

• разработка системы поощрений для предпринимателей, которая будет включать финансовую помощь, а также организационно-экономические и административные инструменты для стимулирования инноваций;

• формирование стимулов спроса к приобретению инновационных товаров, работ и услуг – проведение информационной работы, направленной на повышение уровня осведомленности населения о преимуществах инновационной продукции и услуг, а также на создание культуры инновационного потребления.

Комплексная реализация предложенных мер создаст условия для стимулирования инновационного производства и обеспечения технологического суверенитета российской экономики. Это позволит не только повысить конкурентоспособность отечественных предприятий в глобальном экономическом пространстве, но и сформировать устойчивый фундамент для долгосрочного экономического роста.

Заключение / Conclusion

Для каждой социально-экономической системы характерны собственные специфические нормы и правила, традиции и модели экономического поведения. В российской экономике инновационные процессы развиваются в контексте институционального подхода, который можно охарактеризовать как инверсионный. Данный подход предполагает первоначальное формирование институциональной среды, управляемой централизованно «сверху вниз», с последующим вовлечением бизнес-субъектов в процесс инновационного производства. Такой подход отличается от классической модели, где институциональные структуры формируются как результат эволюционного развития экономических отношений и взаимодействия между различными акторами. Таким же путем формируется инновационная инфраструктура, финансируемая за счет средств государственного бюджета, но не всегда отвечающая запросам инноваторов. Однако общая направленность государственной политики на создание инновационного производства и обеспечение технологического суверенитета в приоритетных отраслях экономики способна переориентировать органы власти на помощь и содействие бизнесу путем создания максимально благоприятной инновационной среды.

В условиях необходимости повышения инновационной восприимчивости экономических субъектов требуется проведение реформирования системы государственной поддержки в сфере разработки и внедрения инновационных технологий в различные отрасли народного хозяйства. Это предполагает комплексный анализ текущего состояния национальной инновационной системы, выявление ключевых факторов, препятствующих устойчивому росту инновационной активности, и разработку обоснованных рекомендаций по оптимизации государственной политики в данной области.

Для достижения поставленных целей необходимо внедрение системного подхода к управлению инновационными процессами, основанного на принципах стратегического планирования, координации действий всех участников инновационной системы и мониторинга результативности принимаемых мер. Это позволит создать благоприятные условия для генерации, коммерциализации и диффузии инновационных продуктов и технологий, что в конечном итоге будет способствовать устойчивому экономическому росту и повышению конкурентоспособности национальной экономики на глобальном уровне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасенко И.Д. Хозяйство с неоднородной экономической структурой. Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2008;3:7–15.

Веблен Т. Теория праздного класса. URSS; 2018. 368 с.

Вольчик В.В., Маслюкова Е.В. Институциональные изменения и вызовы российской инновационной системы. Terra Economicus. 2022;4(20):23–44. https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-4-23-44

Глазьев С.Ю., Львов Д.С. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП. Экономика и математические методы. 1986;5:793–804.

Грейф А. Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. Экономическая социология. 2012;2(13):35–58.

Клейнер Г.Б. Особенности процессов формирования и эволюции социально-экономических институтов в России. М: ЦЭМИ РАН; 2001. 65 с.

Красоченкова Н.П. Оценка среды, влияющей на развитие инновационного процесса в России. УЭкС. 2014;12(72).

Моисеев Н.Н. Агония. Свободная мысль. 1999;5:15–23.

Никитская Е.Ф., Валишвили М.А. Институциональные аспекты инновационного развития территорий. Креативная экономика. 2018;5(12):573–586. https://doi.org/10.18334/ce.12.5.39119

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала»; 1997. 180 с.

Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы. М.: Российская экономическая школа; 1998. 42 с.

Самбуева Н.А. Роль институциональных условий в формировании социально-экономической системы региона. Вестник БГУ. 2014;2:15–18.

Санникова Т.Д. К вопросу о трансформации институциональной среды инновационной деятельности в регионе. Инновационный Вестник Регион. 2013;2:67–71.

Султангужин И.Ф. Технологические уклады в России и приоритеты инновационного развития. Стратегия развития экономики. 2011;1(94):39–43.

Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. СПб: Лениздат; 1996. 702 с.

Фролов Д.П. Имеют ли институты значение для пространственной экономики? Пространственная Экономика. 2015;1:14–37.

Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо; 2016. 208 с.

Aoki M. Toward a Comparative Institutional Analysis. Cambridge: MITPress; 2001. 560 p.

Commons J.R. The Economics of Collective Action. Madison: University of Wisconsin Press; 1950. 382 p.

Klein P.G. New Institutional Economics. Atlanta: Georgia State University Press; 1998.

North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge University Press; 1990.

Ostrom E. Challenges and Growth: The Development of the Interdisciplinary Field of Institutional Analysis. Journal of Institutional Economics. 2007;3(3).

REFERENCES

Afanasenko I.D. Agriculture with a heterogeneous economic structure. Proceedings of the St. Petersburg University of Economics and Finance. 2008;3:7–15. (In Russian).

Aoki M. Toward a Comparative Institutional Analysis. Cambridge: MITPress; 2001. 560 p.

Commons J.R. The Economics of Collective Action. Madison: University of Wisconsin Press; 1950. 382 p.

Frolov D.P. Do institutions matter for spatial economics? Journal of Spatial Economics. 2015;1:14–37. (In Russian).

Glazyev S.Yu., Lvov D.S. Theoretical and applied aspects of NTP management. Economics and mathematical methods. 1986;5:793–804. (In Russian).

Greif A. Institutions and the path to a modern economy. Medieval Trade Lessons. Economic sociology. 2012;2(13):35–58. (In Russian).

Klein P.G. New Institutional Economics. Atlanta: Georgia State University Press; 1998.

Kleiner G.B. Features of the processes of formation and evolution of socio-economic institutions in Russia: Preprint. Moscow: CEMI RAS; 2001. 65 p. (In Russian).

Krasochenkova N.P. Assessment of the environment influencing the development of the innovation process in Russia. 2014;12(72). (In Russian).

Moiseev N.N. Agony. Free Thought. 1999;5:15–23. (In Russian).

Nikitskaya E.F., Valishvili M.A. Institutional aspects of innovative development of territories. Creative economy. 2018;5(12):573–586. (In Russian). https://doi.org/10.18334/ce.12.5.39119

North D. Institutions, institutional changes and the functioning of the economy. Moscow: Foundation of the economic book “Nachala”; 1997. 180 p. (In Russian).

North D.C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge University Press; 1990.

Ostrom E. Challenges and Growth: The Development of the Interdisciplinary Field of Institutional Analysis. Journal of Institutional Economics. 2007;3(3).

Polterovich V.M. Institutional traps and economic reforms. Moscow: Russian School of Economics; 1998. 42 p. (In Russian).

Sambueva N.A. The role of institutional conditions in the formation of the socio-economic system of the region. Bulletin of BSU. 2014;2:15–18. (In Russian).

Sannikova T.D. On the issue of the transformation of the institutional environment of innovation activity in the region. Innovation Bulletin of the Region. 2013;2:67–71. (In Russian).

Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Moscow: Eksmo; 2016. 208 p. (In Russian).

Sultanguzhin I.F. Technological patterns in Russia and priorities of innovative development. Economic development strategy. 2011;1(94):39–43. (In Russian).

Veblen T. The theory of the leisure class. URSS; 2018. 368 p. (In Russian).

Volchik V.V., Maslyukova E.V. Institutional changes and challenges of the Russian innovation system. Terra Economicus. 2022;4920):23–44. (In Russian). https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-4-23-44

Williamson O.I. Economic institutions of capitalism. Firms, markets, relational contracting. St. Petersburg: Lenizdat; 1996. 702 p. (In Russian).

УДК 338.43 JEL Q13, D24, C23 DOI https://doi.org/10.26425/2309-3633-2025-13-4-72-80
Получено: 23.09.2025 Статья доработана после рецензирования: 24.11.2025 Принято: 01.12.2025

Экономическая эффективность использования дронов в растениеводстве

Карелина Мария Юрьевна[1]
Д-р техн. наук, д-р пед. наук, проректор
ORCID: 0000-0003-0335-7550, e-mail: myu_karelina@guu.ru

Бухарина Ирина Леонидовна[2]
Д-р биол. наук, Директор Института гражданской защиты
ORCID: 0000-0001-8084-2547, e-mail: buharin@udmlink.ru

Белоусова Мария Николаевна[1]
Канд. экон. наук, доц. каф. информационных систем
ORCID: 0000-0002-0072-5656, e-mail: mn_belousova@guu.ru

Белоусов Виталий Андреевич[1]
Ст. преп. каф. информационных систем
ORCID: 0000-0002-6964-5400, e-mail: va_belousov@guu.ru

[1]Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия
[2]Удмуртский государственный университет, 426034, Университетская ул., 1, г. Ижевск, Россия

Аннотация

Многие предприятия в сфере агробизнеса ищут пути повышения эффективности и сохранения конкурентных преимуществ. Целью настоящего исследования является изучение возможности использования дронов в растениеводстве и расчет эффективности внедрения данной технологии. Применялись следующие методы: анализ, синтез, обобщение, рейтингования, линейного программирования. Изучены и систематизированы количественные инструменты оценки эффективности внедрения цифровых технологий в растениеводстве, рассмотрены современные подходы к оценке эффективности отдельных процессов в сельском хозяйстве. Проведен сравнительный анализ рынка сельскохозяйственных дронов, предлагаемых официальными дилерами и российскими производителями. Рассмотрен феномен внедрения дронов в растениеводстве с целью проведения аэрофотосъемки и для внесения удобрений. Разработаны два возможных сценария поведения фермера в отношении ведения сельского хозяйства: осуществление мониторинга состояния полей и урожая с помощью собственного транспортного средства, а также внесение удобрений с помощью специализированной сельскохозяйственной техники и выполнение аналогичной работы выполнять с использованием дронов. Установлено, что при росте урожайности за счет эффективности использования дронов доход увеличивается на 1,11 %. Осуществлен расчет ежегодного дополнительного дохода от повышения урожайности за счет использования сельскохозяйственных дронов по основным сельскохозяйственным культурам (кукуруза, пшеница, подсолнечник, ячмень, соя, рапс, горох, гречка, просо) в масштабах Российской Федерации. Рассчитан показатель экономической эффективности внедрения в аграрное производство сельскохозяйственных дронов. Подчеркнута необходимость государственной поддержки внедрения сельскохозяйственных дронов в растениеводстве в форме лизинга, низких ставок по кредитам, субсидий.

Ключевые слова: экономическая эффективность, сельскохозяйственные дроны, растениеводство, точное земледелие, инновации, сельскохозяйственная техника, цифровые технологии, сельское хозяйство

Благодарности. Статья выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, соглашение № 075-15-2024-542.

Для цитирования: Карелина М.Ю., Бухарина И.Л., Белоусова М.Н., Белоусов В.А. Экономическая эффективность использования дронов в растениеводстве//Управление. 2025. Т. 13. № 4. С. 72–80. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-4-72-80

© Карелина М.Ю., Бухарина И.Л., Белоусова М.Н., Белоусов В.А., 2025.
Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная
http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Received 23.09.2025 Revised 24.11.2025 Accepted 01.12.2025

Economic efficiency of using drones in plant growing

Maria Yu. Karelina[1]
Dr. Sci. (Engr.), Dr. Sci. (Ped.), Vice Rector
ORCID: 0000-0003-0335-7550, e-mail: myu_karelina@guu.ru

Irina L. Bukharina[2]
Dr. Sci. (Biol.), Director of the Institute of Civil Protection
ORCID: 0000-0001-8084-2547, e-mail: buharin@udmlink.ru

Maria N. Belousova[1]
Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Information Systems Department
ORCID: 0000-0002-0072-5656, e-mail: mn_belousova@guu.ru

Vitaly A. Belousov[1]
Senior Lecturer at the Information Systems Department
ORCID: 0000-0002-6964-5400, e-mail: va_belousov@guu.ru

[1]State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia
[2]Udmurt State University, 1, Universitetskaya ulitsa, Izhevsk 426034, Russia

Abstract

Many agribusiness enterprises are looking for ways to increase efficiency and maintain competitive advantages. The purpose of the study is to consider the possibility of using drones in crop production and calculate the effectiveness of implementing this technology. The following methods were used: analysis, synthesis, generalization, rating, and linear programming. Quantitative tools for assessing the effectiveness of implementing digital technologies in crop production have been studied and systematized, and modern approaches to assessing individual processes effectiveness in agriculture have been considered. A comparative analysis of the agricultural drone market offered by official dealers and Russian manufacturers has been conducted. The phenomenon of implementing drones in crop production for the purpose of aerial photography and fertilization has been considered. Two possible scenarios of farmer behavior in relation to agriculture have been developed: monitoring the condition of fields and crops using their own vehicle, as well as applying fertilizers using specialized agricultural machinery and performing similar work using drones. With an increase in yields due to the efficiency of using drones, income increases by 1.11%. The calculation of the annual additional income from increasing yields through the use of agricultural drones for the main agricultural crops (corn, wheat, sunflower, barley, soybeans, rapeseed, peas, buckwheat, and millet) in Russia has been carried out. An indicator of the economic efficiency of implementing agricultural drones into agricultural production has been calculated. The need for state support for implementing agricultural drones in crop production in the form of leasing, low loan rates, and subsidies has been emphasized.

Keywords: economic efficiency, agricultural drones, crop production, precision farming, innovations, agricultural machinery, digital technologies, agriculture

Acknowledgements. The article was carried out with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, agreement No. 075-15-2024-542.

For citation: Karelina M.Yu., Bukharina I.L., Belousova M.N., Belousov V.A. (2025). Economic efficiency of using drones in plant growing. *Upravlenie / Management (Russia)*, 13 (4), pp. 72–80. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-4-72-80

© Karelina M.Yu., Bukharina I.L., Belousova M.N., Belousov V.A., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение / Introduction

Многие предприятия в сфере агробизнеса ищут пути повышения эффективности и сохранения конкурентных преимуществ, поскольку в контексте инновационной экономики именно инновации могут способствовать повышению эффективности экономической деятельности. Группа исследователей в качестве инновационных решений предлагает моделирование, основанное на интегрированном объектно-субъектном подходе, концептуальной модели и обобщенной модели синергетической динамики с учетом неопределенностей [Ramazanov, 2020].

Корреляционный анализ и эконометрическое моделирование являются широко используемыми методами оценки процессов в национальной экономике в целом и в сельском хозяйстве в частности. Л. Кучер и соавторы использовали первый метод для выявления и оценки тесноты взаимосвязи между факторами, влияющими на формирование финансового обеспечения реализации инновационных проектов сельскохозяйственных предприятий. Второй метод был использован для построения математической модели зависимости инвестиционной прибыли сельскохозяйственных предприятий от затрат на производство. Другие ученые применили корреляционный анализ для оценки экологических и экономических затрат на использование органических земель для инженерных целей и для оценки целесообразности развития органического производства [Skorokhod et al., 2022]. Ряд авторов рассматривают повышение эффективности использования земель как фактор роста сельскохозяйственного производства [Poltavets, Bahin, 2022].

Существенное значение в повышении эффективности агробизнеса и сельскохозяйственного производства имеют цифровые технологии. Большое внимание уделяется поэтапному оцениванию отдельных операций или действий освоения технологий точного земледелия, исключая оценку эффективности всей системы бизнес-модели цифровой трансформации [Зубарева, 2023].

Учитывая резкие глобальные климатические изменения и негативные последствия влияния внешней среды на выращивание сельскохозяйственных культур, агробизнес чрезвычайно активно увеличивает спрос на инновационные решения для повышения производительности и эффективности, и в первых рядах подобных решений выступают дроны. Использование сельскохозяйственных беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА) является важнейшим элементом сохранения качества земель при одновременном повышении производительности труда фермеров, урожайности (за счет снижения потерь) и эффективности сельскохозяйственного производства в целом. Использование сельскохозяйственных беспилотников позволяет фермерам сохранять качество почвы, избегая ее уплотнения и оптимизировать распыление питательных веществ [Tigabu Asfaw, 2023].

На сегодняшний день применение дронов является одним из приоритетных направлений в сельском хозяйстве потому, что открывает новые технологические возможности для точного земледелия. Невзирая на недостатки работы беспилотников, рынок стабильно развивается. Изучение всех преимуществ и недостатков использования БПЛА требует производственных исследований, экономического оценивания и обоснования.

Целью настоящего исследования является изучение возможности использования дронов в растениеводстве и расчет эффективности внедрения данной технологии.

Методы исследования / Research methods

На первом этапе исследования изучен ассортимент сельскохозяйственных дронов, предлагаемых официальными дилерами и отечественными производителями.

На втором этапе исследования собрана информация об условиях использования сельскохозяйственных дронов, технических преимуществах и недостатках отдельных марок, ценах на технику или ее аренду, стоимости обучения управлению сельскохозяйственным дроном и обслуживания, а также о производительности сельскохозяйственных дронов. В результате проведен сравнительный анализ и составлен рейтинг лидеров среди производителей, дистрибьюторов и поставщиков услуг сельскохозяйственных дронов.

Третий этап исследования посвящен непосредственному применению математического метода поиска решений для расчета эффективности использования сельскохозяйственных дронов при обработке сельскохозяйственных угодий. В качестве параметров расчета использовались производительность сельскохозяйственных дронов, скорость и площадь обработки, количество потребляемых питательных растворов и структура почвы. Стояла задача определить оптимальное количество сельскохозяйственных дронов для обработки сельскохозяйственных угодий, которые следует приобрести или взять в аренду. Эти данные использованы для расчета эффективности, исходя из прогнозируемого прироста урожайности и средней стоимости сельскохозяйственного дрона.

Результаты исследования / Study results

Анализ показал, что существуют разные виды беспилотников, которые предназначены для эксплуатации в сельском хозяйстве. Некоторые модели подходят для быстрого распыления пестицидов на полях, в то время как другие оптимальны для постоянного наблюдения за посевами. В результате экономия полностью окупает приобретение агродрона. В случае возникновения непредсказуемой ситуации – пожара или наводнения – удастся максимально быстро

обнаружить источник, чтобы оперативно принять необходимые меры и минимизировать возможные убытки.

Важен выбор модели, позволяющей получить полный набор опций, которые необходимы агропредприятию и фермеру с учетом специфики его хозяйства. В целом доступны следующие функции:

• аэрофотосъемка и видеосъемка;

• контроль и постоянный обзор ситуации на полях, детализация изображений благодаря малой высоте полета;

• обработка (опрыскивание) полей;

• сканирование местности, которое позволяет анализировать ситуацию на удаленных участках поля, в условиях максимально плотной посадки растений;

• посев семян, где технология позволяет быстро распределить посевной материал на подготовленном участке почвы;

• 3D-моделирование для обнаружения площадей с недостаточным или чрезмерным орошением для составления карт дальнейшего увлажнения.

В то же время анализ показал, что существует ряд проблем, связанный с применением беспилотников:

• высокая стоимость оборудования и обслуживания;

• ограничения времени полета и емкости батареи;

• погодные условия, влияющие на работу дронов;

• регулирование и разрешение на полеты;

• ошибки при разметке поля;

• сбой координат во время полета;

• неправильное разведение дронов, после чего происходит столкновение;

• небольшое количество наработанных часов дроном в воздухе.

Увеличение количества беспилотных летающих объектов, управляемых операторами с разной степенью подготовки и социальной ответственности, свидетельствует о необходимости законодательного регулирования этой сферы.

Следует учесть, что, кроме покупки дрона, необходимо иметь штат работников (одна бригада – два дрона, два человека и один микроавтобус). Требуется дополнительное оборудование для выездной бригады (генераторы, зарядные станции, освещение, прожекторы, стремянка, бочки, стулья раскладные). Ненормированный график работы выездных бригад, своевременное осуществление технического обслуживания, системная замена быстроизнашивающихся элементов дрона и ряд других вопросов означают существенные финансовые затраты.

У каждой модели свои особенности, которые важно учитывать при подборе и сравнении. Анализ технических характеристик позволит подобрать оптимальное соотношение стоимости и функциональности.

Анализ информации, собранной на первом этапе исследования, показал, что большая часть потребности российских аграриев в сельскохозяйственных дронах удовлетворяется зарубежными компаниями через официальных дистрибьюторов, несмотря на то что сельскохозяйственные дроны отечественного производства успешно конкурируют с зарубежными аналогами по техническим характеристикам и по цене[1,2]. Основными игроками рынка сельскохозяйственных дронов являются DJI (Китай), PrecisionHawk (Соединенные Штаты Америки (далее – США), Trimble Inc. (США), Parrot (Франция), 3DR (США), AeroVironment, Inc. (США), Yamaha Motor Corp. (Япония), DroneDeploy (США), AgEagle Aerial Systems, Inc. (США), OPTiM Corp. (Япония), senseFLY (Швейцария), Pix4D (Швейцария), Sentera Inc. (США), SlantRange (США), ATMOS UAV (Нидерланды), Delair (Франция) и Nileworks Inc. (Япония)[3,4].

Аналитики условно разделяют рынок на две части: производство оборудования и производство программного обеспечения для дронов. Ожидается, что в последующие годы рост объемов в данной сфере будет происходить за счет появления нового программного обеспечения. Производство оборудования включает каркас, системы контроля и управления, двигатели, системы камер, навигационные системы и аккумуляторы. Несмотря на то что усовершенствования требует каждая часть оборудования, аналитики предполагают, что в ближайшие годы системы камер станут еще более инновационными. На сегодняшний день около 45 % использования дронов приходится на Северную Америку, но ожидается, что Азиатско-Тихоокеанский регион станет лидером в ближайшее время[5,6]. Также в перспективе прогнозируется рост объема рынка дронов за счет Южной Америки и Африки.

Проблема распространенности сельскохозяйственных дронов зарубежного производства на рынке

[1] Agriculture Drones Market. Режим доступа: https://www.mordorintelligence.com/industry-reports/agriculture-drones-market (дата обращения: 18.09.2025).

[2] Рынок агродронов взлетает к максимальной прибыли: 5 тенденций. Режим доступа: https://www.agroxxi.ru/selhoztehnika/novosti/rynok-agrodronov-vzletaet-k-maksimalnoi-pribyli-5-tendencii.html?ysclid=mfv4mag2uz950470694 (дата обращения: 18.09.2025).

[3] Global Agriculture Drone Market. Режим доступа: https://market.us/report/agriculture-drone-market/ (дата обращения: 18.09.2025).

[4] Дроны в сельском хозяйстве. Режим доступа: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Дроны_в_сельском_хозяйстве?ysclid=mfv4n9qxqm46136978 (дата обращения: 18.09.2025).

[5] Рынок агродронов взлетает к максимальной прибыли: 5 тенденций. Режим доступа: https://www.agroxxi.ru/selhoztehnika/novosti/rynok-agrodronov-vzletaet-k-maksimalnoi-pribyli-5-tendencii.html?ysclid=mfv4mag2uz950470694 (дата обращения: 18.09.2025).

[6] Анализ потребления и потенциала рынка сельскохозяйственных услуг с использованием БПЛА в России. Режим доступа: https://marketing.rbc.ru/articles/15882/?ysclid=mfv4pwioh9904604740 (дата обращения: 18.09.2025).

связана со слабой инвестиционной базой в Российской Федерации (далее – РФ, Россия), а также с неконкурентной маркетинговой политикой отечественных производителей по продвижению своей продукции.

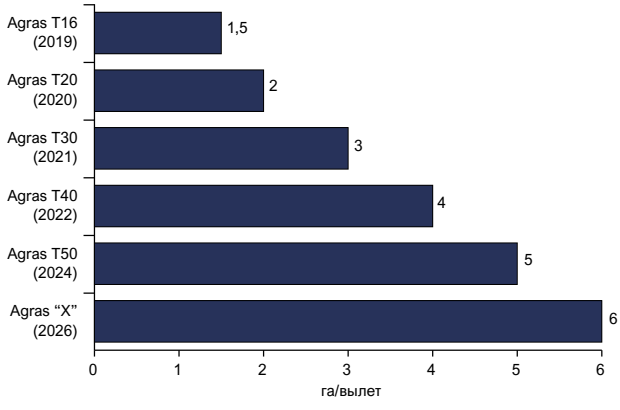
Рынок дронов в реалиях российского агросектора можно представить следующим образом:

- 70 % представителей компании DJI;
- 20 % модели от XAG;
- 10 % остальных производителей.

Использование дронов в агросекторе началось с основных функций, таких как аэрофотосъемка и мониторинг состояния посевов. Эти технологии позволяли агропроизводителям получать точные данные о состоянии своих полей, выявлять болезни, вредителей и проблемы с развитием растений. Первые агродроны на полях начали появляться с 2014 г. Дроны-опрыскиватели стали защищать культурные растения с 2019 г.[7]. По состоянию на сегодняшний день количество дронов в аграрном секторе увеличилось и продолжает двигаться в том же направлении.

В последние годы дроны-опрыскиватели все больше используются как элемент точного земледелия, предусматривающий авиа-внесение пестицидов и удобрений. Это значительно повышает эффективность использования ресурсов и снижает затраты на агрохимикаты, снижая негативное влияние на окружающую среду.

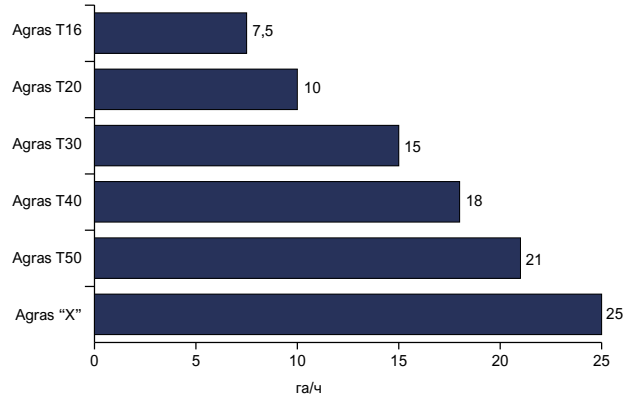
Как видим на следующих диаграммах, производительность дронов-опрыскивателей с каждым годом постоянно растет (рис. 1–3).



Составлено авторами по материалам источника[8] / *Compiled by the authors on the materials of the source[8]*

Рис. 1. Динамика производительности дронов-опрыскивателей по скорости

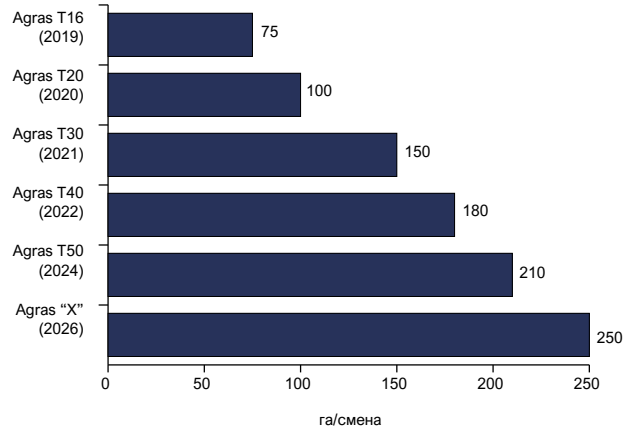
Fig. 1. Performance dynamics of spray drones by speed



Составлено авторами по материалам источника[9] / *Compiled by the authors on the materials of the source[9]*

Рис. 2. Динамика производительности дронов-опрыскивателей по времени

Fig. 2. Performance dynamics of spray drones by time



Составлено авторами по материалам источника[10] / *Compiled by the authors on the materials of the source[10]*

Рис. 3. Динамика производительности дронов-опрыскивателей по мощности

Fig. 3. Performance dynamics of spray drones by power

Учитывая имеющуюся динамику производительности дронов-опрыскивателей, мы можем обратить внимание на постоянное повышение производительности у каждой следующей модели DJI серии AGRAS (табл. 1). В определенный момент может произойти снижение темпов развития, но пока и ближайший перспективный рост рынка дронов не вызывает сомнений.

[7] Что такое агродроны и зачем они нужны. Режим доступа: https://dronschool.ru/agro_drony (дата обращения: 18.09.2025).

[8] DJI. Режим доступа: https://www.dji.com (дата обращения: 18.09.2025).

[9] Что такое агродроны и зачем они нужны. Режим доступа: https://dronschool.ru/agro_drony (дата обращения: 18.09.2025).

[10] Там же.

Таблица 1

Список сельскохозяйственных дронов, их характеристики и цена на 2025 г.

Table 1. List of agricultural drones, their characteristics, and price for 2025

Наименование	Функциональность и производительность	Производитель	Цена (руб.)
AGDY-40	Обрабатывает до 20 га/ч на сельскохозяйственных угодьях, нужен для выполнения работ по опрыскиванию и внесению сыпучих веществ	Россия, AGDY	2 390 000
Vector AGR HD540	Обрабатывает до 22 га/ч на сельскохозяйственных угодьях, площадь за смену – 150 га	Россия, общество с ограниченной ответственностью «Агротехнологии»	2 400 000
DRONEX® AGRO30	Обрабатывает до 16 га/ч	Россия, Dronex	1 577 000
DJI Agras T30	Обрабатывает до 16 га/ч, способен распознавать урожай в любую погоду и под любым углом	Сделано в Китае DJI – 2/3 мирового рынка	1 515 800
DJI Agras T40	Обрабатывает в среднем 21,33 га/ч, оснащен радаром с активной фазированной решеткой и бинокулярным зрением, поддерживает картографирование садов и сельскохозяйственных угодий		1 930 500
XAG V40 SET	Предназначен для сельскохозяйственных производителей с земельным фондом 100 га и более, за одну смену обрабатывается до 120–150 га, максимальная производительность – 40 кг/мин.		1 269 990
XAG P40	Предназначен для опрыскивания, трансляции, видеосъемки и картографирования, емкость для внесения средств защиты растений – 20 л, производительность при составлении карты поля – 6,67 га за 10 мин.		928 990
WALKERA AG 18	Обрабатывает до 58 га/ч	Китай	5 184 000

Составлено авторами по материалам источников[11,12,13,14,15,16] / *Compiled by the authors on the materials of the sources[11,12,13,14,15,16]*

Рассмотрим наиболее универсальные количественные инструменты оценка эффективности внедрения цифровых технологий в растениеводстве, которые представлены в табл. 2.

[11] Сельскохозяйственный дрон DJI Agras T30. Режим доступа: https://dji-rus.ru/selskohozyaystvennye-drony/dji-agras-t30/ (дата обращения: 18.09.2025)

[12] Платформа XAG V40. Режим доступа: https://xag-skymec.ru/specs_v40 (дата обращения: 18.09.2025)

[13] БПЛА Агродрон VECTOR AGR HD540. Режим доступа: https://аграс.рф/hd540?ysclid=mfxyrwywub372578054 (дата обращения: 18.09.2025)

[14] Агродрон AGDY-40 для опрыскивания и разбрасывания. Режим доступа: https://agroselena.ru/product/agrodron-agdy-40-dlya-opryskivaniya-i-razbrasyvaniya/?ybaip=1&yclid=580136836495572991 (дата обращения: 18.09.2025).

[15] Сельскохозяйственные дроны WALKERA. Режим доступа: http://walkera.org/selskohozyaystvennye-drony (дата обращения: 18.09.2025).

[16] В России организовано серийное производство дронов для сельского хозяйства. Режим доступа: https://e-cis.info/news/567/118480/?ysclid=mfuvyfbjxp8075800 (дата обращения: 18.09.2025).

Таблица 2

Количественные инструменты оценки эффективности внедрения цифровых технологий в растениеводстве

Table 2. Quantitative tools for assessing the effectiveness of implementing digital technologies in crop production

Инструменты	Описание инструментов	Важность и влияние на сельскохозяйственное предприятие
Ключевые показатели (KPI)	Набор числовых метрик, измеряющих прогресс в достижении стратегических целей, таких как операционная эффективность, скорость разработки	Обеспечивают объективную оценку реализации стратегий, позволяют отслеживать прогресс в реальном времени, способствуют конкурентоспособности предприятия
BSC (финансовые показатели)	Показатели для оценки экономической эффективности стратегий, включая ROI, NPV, CBA, измеряют доходность, расходы и долгосрочную ценность инвестиций	Помогают оценить финансовое влияние стратегий, критически важны для привлечения инвесторов и обоснование затрат на инновационную деятельность
Gap-анализ	Метод сравнения текущих показателей с целевыми показателями, чтобы определить разрывы и необходимые действия	Позволяет предприятиям идентифицировать слабые места в стратегиях, разрабатывать планы для их устранения, повышая адаптивность к изменениям

Окончание табл. 2

Инструменты	Описание инструментов	Важность и влияние на сельскохозяйственное предприятие
Специфические ИТ-метрики	Технические и операционные показатели, характерные для ИТ-сферы, такие как частота развертывания, количество новых функций	Отражают технологическую эффективность и качество

Составлено авторами по материалам источников [Азиева, 2023; Зубарева, 2023; Мусина, Габидуллин, 2023; Мороз, Медведский, 2024; Паштецкий, Тимиргалеева, Вердыш, 2023; Пудовкина, Иваев, Сафронов, 2023] / *Compiled by the authors on the materials of the sources [Azieva, 2023; Zubareva, 2023; musina, Gabidullin, 2023; Moroz, Medvedsky, 2024; Pashtetsky, Timirgaleeva, Verdysh, 2023; Pudovkina, Ivaev, Safronov, 2023]*

Для расчета эффективности использования дронов в земледелии авторами предложено рассчитать повышение урожайности в % для того, чтобы окупить дроны. Для расчета эффективности дронов смоделирован сценарий, по которому фермер покупает два дрона: один для картографирования и мониторинга, другой – для внесения удобрений. Для управления дронами фермер нанимает оператора с оплатой труда 70 руб./га (средняя заработная плата оператора дрона). Ожидается, что оператор за сезон проведет 18 вылетов, из которых один вылет – для создания актуальной карты поля, 14 – по мониторингу роста культуры, три – с внесением удобрений. В качестве альтернативы фермер сам будет проводить мониторинг состояния качества растений на собственном транспорте, а для внесения будет пользоваться услугами сельскохозяйственной техники по тарифу 300 руб. га. Цена дрона для внесения удобрений составляет 1 515 800 руб. компании DJI марки AGRAS T30, а дрона для мониторинга (марка DJI модель Mavic Pro 3) – 293,150 тыс. руб.[17]. Поскольку дроны относятся к машинам и оборудованию, срок амортизационных выплат минимально должен составлять пять лет, поэтому, воспользовавшись прямолинейным методом амортизации, мы рассчитаем ежегодные выплаты:

$$A = (1\ 515\ 800 + 293\ 150) / 5 = 361\ 790 \text{ руб.} \quad (1)$$

Предположим, что земельный банк фермера составляет 100 га, фермер выращивает пшеницу, средняя урожайность пшеницы в его поле – 3,5 т/га, цена реализации – 14 тыс. руб./т. При расчете не учитываются стоимость посевного материала (поскольку на оценку эффективности использования дронов данный показатель не влияет), запасных частей и ремонта (как дрона, так и сельскохозяйственной техники) и минеральных удобрений (хотя при выборочном внесении дронами можно сэкономить до 40 % удобрений). Также допустим, что использование дронов даст определенный n эффект для урожайности.

Сначала рассчитаем доход фермера при варианте, что он сам осуществляет мониторинг роста культуры, а для внесения удобрений использует сельскохозяйственную технику. За сезон удобрения вносятся трижды:

$$Д = 100 \cdot 3{,}5 \cdot 14\ 000 - (300 \cdot 100 \cdot 3) = 4\ 810\ 000 \text{ руб.} \quad (2)$$

Рассчитаем доход по сценарию использования дронов без учета коэффициента n:

$$Д2 = 100 \cdot 3{,}5 \cdot 14\ 000 - (361\ 790 + (70 \cdot 100 \cdot 18)) = 4\ 412\ 210 \text{ руб.} \quad (3)$$

Если использование дронов не повлияет на урожайность, за сезон фермер получит на 397,790 тыс. руб. меньше. Для того чтобы рассчитать при каком показателе n удастся получить эквивалентную прибыль при использовании дронов, что и при использовании альтернатив, в результате Д2 подставим показатель Д:

$$Д3 = 100 \cdot 3{,}5 \cdot n \cdot 14\ 000 - (361\ 790 + (70 \cdot 100 \cdot 18)) = 4\ 810\ 000 \text{ руб.} \quad (3)$$

Рассчитаем показатель n:

$$4\ 412\ 210 \cdot n = 4\ 810\ 000 \text{ руб.} \quad (4)$$

Если n = 1,09, то n = 1,09 · 100 = 109 %. Если использование дронов повысит урожайность на 9 % (или на 0,31 т/га), использование дронов эквивалентно использованию альтернативных способов мониторинга и внесения удобрений. Если этот показатель больше, использование дронов экономически выгоднее альтернативы.

Рассчитаем влияние использования дронов на прибыль при повышении урожайности на 1 %:

$$Д4 = 100 \cdot 3{,}5 \cdot 1{,}01 \cdot 14\ 000 - (361\ 790 + (70 \cdot 100 \cdot 18)) = 4\ 461\ 210 \text{ руб.} \quad (5)$$

Если k = 4 461 210 / 4 412 210 = 1,0111, то k = = 1,0111 · 100 = 101,11 %. При увеличении урожайности на 1 % за счет использования дронов доход увеличивается на 1,11 %.

В России уже разработали дроны, способные до 20 % повышать урожайность[18,19]. По представленным данным, устранение уплотнения почвы только

[17] DJI. Режим доступа: https://www.dji.com (дата обращения: 18.09.2025).

[18] Дроны в поле. Разработка ученых Пермского Политеха повысит урожайность посевов на 20 %. Режим доступа: https://scientificrussia.ru/articles/drony-v-pole-razrabotka-ucenyh-permskogo-politeha-povysit-urozajnost-posevov-na-20 (дата обращения: 18.09.2025)

[19] В России разработали дроны, способные до 20 % повышать урожайность. Режим доступа: https://aovemz.ru/smi/v-rossii-razrabotali-drony-sposobnye-do-20-povyshat-urozhajnost/ (дата обращения: 18.09.2025)

с помощью сельскохозяйственных дронов повышает урожайность сельскохозяйственных культур не менее чем на 20 %, а отсутствие повреждения посевов колесами наземных опрыскивателей добавляет от 5 до 10 % к урожайности. Помимо предотвращения уплотнения почвы и повреждения посевов, на рост урожайности сельскохозяйственных культур будут влиять точность внесения удобрений, своевременная десикация, повышение эффективности распыления за счет оптимального размера капель раствора, однако данных о результатах такого воздействия пока нет, поэтому дальнейшие расчеты эффективность сельскохозяйственных дронов следует основывать на минимальном значении, указанном выше, – 20 %.

На основании этих данных представлен расчетный годовой дополнительный доход, который может быть получен с использованием сельскохозяйственных дронов всеми субъектами хозяйствования в сельскохозяйственном производстве в России, за 2024 г. (табл. 3).

Эффективность использования сельскохозяйственных дронов при обработке сельскохозяйственных угодий рассчитывалась как отношение суммы произведения прироста объема сбора урожая (тыс. т) на среднюю рыночную цену урожая (руб./т) и суммы произведений количества дронов, подлежащих приобретению фермерами на среднюю цену сельскохозяйственных дронов (млн руб.):

$$E_d = \frac{\sum_i^n (V_i \cdot P_i)}{\sum (V_j \cdot P_j)}, \quad (6)$$

где E_d – дополнительный доход от использования сельскохозяйственных дронов, млрд руб., V_i – прирост объема сбора урожая, тыс. т, P_i – средняя рыночная цена урожая, руб./т, V_j – количество дронов j-го типа, подлежащих приобретению фермерами, шт., P_j – средняя цена сельскохозяйственных дронов j-го типа, подлежащих приобретению, млн руб.

Согласно расчетам по вышеприведенной формуле (6), эффективность использования сельскохозяйственных дронов при обработке сельскохозяйственных угодий составит 349 %, что значит, что срок окупаемости инвестиций в такое нововведение минимален. Для фермера инвестиции в размере 1,5 млн руб. и более являются существенными, поэтому государственная поддержка внедрения сельскохозяйственных дронов не будет лишней. Форма такой поддержки может быть разной – низкие ставки по кредитам, лизинг, субсидии и т.д. Затратная часть расчета эффективности внедрения сельскохозяйственных дронов в практику увеличится за счет высокой оплаты труда операторов сельскохозяйственных дронов, оплаты их обучения, а также обслуживания этих инновационных технических средств. В то же время доход может быть увеличен за счет экономии воды, энергии и удобрений, а также дополнительного повышения урожайности, которое не учитывается и не упоминается выше. Наличие таких статистических данных позволит уточнить расчеты эффективности.

Заключение / Conclusion

Использование сельскохозяйственных БПЛА является важнейшим элементом повышения эффективности сельскохозяйственного производства. В России уже разработаны дроны, способные до 20 % повышать урожайность сельскохозяйственных культур. Устранение уплотнения почвы только с помощью сельскохозяйственных дронов повышает урожайность сельскохозяйственных культур не менее чем

[20] Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 18.09.2025).

Таблица 3

Ежегодный дополнительный доход от повышения урожайности за счет использования сельскохозяйственных дронов

Table 3. Annual additional income from increased yields through the use of agricultural drones

Урожай	Объем, тыс. т	Прирост, тыс. т	Средняя цена, руб./т	Дополнительный доход, млн руб.
1	2	3 = 2 · 20 %	4	5 = 3 · 4
Кукуруза	13 953	2 790,6	10 225	285,34
Пшеница	82 588	16 517,6	10 619	1 754,00
Подсолнечник	16 570	3 314,0	38 287	1 268,83
Ячмень	16 670	3 334,0	9 330	311,06
Соя	7 040	1 408,0	36 500	513,92
Рапс	4 660	932,0	33 400	311,29
Горох	3 800	760,0	25 000	190,00
Гречиха	1 208	241,6	35 420	85,57
Просо	324	64,8	13 500	8,75

Примечание: дополнительный доход – 4 728,77 млн руб.

Составлено авторами по материалам источника[20] / *Compiled by the authors on the materials of the source*[20]

на 20 %, а отсутствие повреждения посевов колесами наземных опрыскивателей добавляет от 5 до 10 % к урожайности.

В растениеводстве открытого грунта основными функциями использования дронов являются картография и распыление удобрений, хотя в аграрной сфере они также применяются для более специфических задач, например, для выпаса крупного рогатого скота, опыления фруктовых деревьев. С каждым годом изучение и внедрение новых производственных и программных технологий позволяет развиваться индустрии использования дронов в аграрной сфере.

В результате исследования установлено, что дроны становятся экономически выгодными, если повышают урожайность культуры более чем на 9 % в течение пяти лет использования этой технологии. Эти расчеты являются примерными, поскольку на реальные показатели влияет значительно большее количество факторов, которые трудно учесть и спрогнозировать заранее. Следует также отметить, что при использовании дронов фермер может уменьшить использование удобрений за счет более точного их внесения. Также при увеличении урожайности за счет эффективности использования дронов доход увеличивается на 1,11 %.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Азиева Р.Х. Методические подходы к оценке эффективности цифровой трансформации современных предприятий. Прогрессивная экономика. 2023;5:47–63.

Зубарева Ю.В., Кирилова О.В. Экономическая эффективность внедрения цифровых технологий в растениеводстве. Вестник евразийской науки. 2023;4(15).

Мороз О.Н., Медведский Д.А. Концептуально-методические подходы к оценке эффективности цифровой трансформации агропромышленного комплекса России в условиях технологических и институциональных рисков. Вопросы инновационной экономики. 2024;1(14):325–344.

Мусина Д.Р., Габидуллин Р.Ф. Опыт разработки показателей эффективности цифровой трансформации агропромышленных предприятий. Дискуссия. 2023;121:40–50.

Паштецкий В.С., Тимиргалеева Р.Р., Вердыш М.В. Формирование системы индикаторов оценки агропромышленного потенциала региона в направлении его цифровой трансформации. Аграрный вестник Урала. 2023;5(234):108–120.

Пудовкина О.Е., Иваев М.И., Сафронов Е.Г. Методический инструментарий оценки успешности цифровой трансформации предприятий в условиях транзитивности экономики. Креативная экономика. 2023;4(17):1243–1256.

Kucher L., Kucher A., Morozova H., Pashchenko Y. Development of circular agricultural economy: potential sources of financing innovative projects. Agricultural and Resource Economics. 2022;2(8):206–227.

Poltavets A., Bahin M. Increasing the efficiency of using land resources as a factor of agricultural production growth. Herald of Khmelnytskyi National University Economic Sciences. 2022;2(2):227–231.

Ramazanov S., Petrova M. Development management and forecasting in a green innovative economy based on the integral dynamics model in the conditions of "Industry – 4.0". Access to Science, Business, Innovation in Digital Economy. 2020;1(1):9–30.

Skorokhod I., Skrypchuk P., Shpak H., Chemerys V., Yakubiv R. Assessment of efficiency of the organic production development in Western Polissia regions. Agricultural and Resource Economics. 2022;4(8):134–150.

Tigabu Asfaw G. Effect of soil and water conservation measures in different slope classes on selected soil physicochemical properties at Addis Zemen District, Ethiopia. Innovations in Agriculture. 2023;6.

REFERENCES

Azieva R.H. Methodological approaches to assessing the effectiveness of digital transformation of modern enterprises. Progressive economy. 2023;5:47–63. (In Russian).

Kucher L., Kucher A., Morozova H., Pashchenko Y. Development of circular agricultural economy: potential sources of financing innovative projects. Agricultural and Resource Economics. 2022;2(8):206–227.

Moroz O.N., Medvedskiy D.A. Conceptual and methodological approaches to assessing the effectiveness of digital transformation of the Russian agro-industrial complex in the context of technological and institutional risks. Issues of innovative economics. 2024;1(14):325–344. (In Russian).

Musina D.R., Gabidullin R.F. Experience in developing performance indicators for the digital transformation of agro-industrial enterprises. Discussion. 2023;121:40–50. (In Russian).

Pashtetsky V.S., Timirgaleeva R.R., Verdysh M.V. Formation of a system of indicators for assessing the agro-industrial potential of a region in the direction of its digital transformation. Agrarian Bulletin of the Urals. 2023;5(234):108–120. (In Russian).

Poltavets A., Bahin M. Increasing the efficiency of using land resources as a factor of agricultural production growth. Herald of Khmelnytskyi National University Economic Sciences. 2022;2(2):227–231.

Pudovkina O.E., Ivaev M.I., Safronov E.G. Methodological tools for assessing the success of digital transformation of enterprises in a transitive economy. Creative economy. 2023;4(17):1243–1256. (In Russian).

Ramazanov S., Petrova M. Development management and forecasting in a green innovative economy based on the integral dynamics model in the conditions of "Industry – 4.0". Access to Science, Business, Innovation in Digital Economy. 2020;1(1):9–30.

Skorokhod I., Skrypchuk P., Shpak H., Chemerys V., Yakubiv R. Assessment of efficiency of the organic production development in Western Polissia regions. Agricultural and Resource Economics. 2022;4(8):134–150.

Tigabu Asfaw G. Effect of soil and water conservation measures in different slope classes on selected soil physicochemical properties at Addis Zemen District, Ethiopia. Innovations in Agriculture. 2023;6.

Zubareva Yu.V., Kirilova O.V. Economic efficiency of the introduction of digital technologies in crop production. Bulletin of Eurasian Science. 2023;4(15). (In Russian).

УДК 323 DOI https://doi.org/10.26425/2309-3633-2025-13-4-81-91
Получено: 06.10.2025 Статья доработана после рецензирования: 08.12.2025 Принято: 15.12.2025

Государственная молодежная политика и формирование политической идентичности: между традицией и инновацией

Гончарова Ирина Валентиновна
Д-р ист. наук, вед. науч. исследователь НИИ государственной политики и управления отраслевой экономикой
ORCID: 0000-0002-7532-8751, e-mail: 79208195393@yandex.ru

Ницевич Виктор Францевич
Д-р полит. наук, вед. науч. сотр.
ORCID: 0000-0002-1668-3067, e-mail: dr.nitsevich@mail.ru

Черепов Виктор Михайлович
Д-р мед. наук, зав. каф. управления в здравоохранении и индустрии спорта
ORCID: 0000-0001-5372-7375, e-mail: vm_cherepov@guu.ru

Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия

Аннотация

Проанализирована государственная молодежная политика в контексте формирования политической идентичности, рассматриваемой на пересечении традиционных и инновационных механизмов. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью поиска эффективных инструментов общественной консолидации и сопоставления наследия советских моделей социализации с современными цифровыми практиками. Цель настоящего исследования – выявить особенности формирования политической идентичности молодежи в современной Российской Федерации и определить место государства в этом процессе с учетом устойчивых институтов прошлого и новых вызовов цифровизации. Методологическую основу исследования составляет междисциплинарный подход, объединяющий политологический, социологический и психологический анализ. Дополняет его историко-сравнительный метод, позволяющий соотнести советский и современный опыт. В теоретическом разделе раскрыта многомерность понятия идентичности через социально-конструктивистский, психологический, коммуникативный и институциональный подходы. На материале советского периода (1920–1930-х гг.) показано, что политическая идентичность формировалась преимущественно через институционализацию, идеологизацию и патернализм, обеспечивая стабильность системы ценой ограничения субъектности молодежи. Современная цифровая среда, напротив, характеризуется полицентричностью, фрагментарностью и гибридностью идентичности. Алгоритмическая логика платформ, визуальные форматы коммуникации и влияние инфлюенсеров усиливают мозаичность восприятия, формируя более гибкую, индивидуализированную субъектную идентичность. Ключевыми факторами воздействия становятся алгоритмы цифровых платформ, блогерская агитация, визуальная культура и практики «мягкой силы 2.0», где политические смыслы интегрируются в развлекательный контент. Обосновано, что государственная молодежная политика сегодня развивается «между традицией и инновацией», и это требует формирования гибридной модели. Такая модель должна сочетать ценностные основания с современными цифровыми форматами вовлечения, развитием критического мышления и созданием партисипативных площадок для диалога с молодежью. Именно это позволит адаптировать молодежную политику к вызовам цифровой эпохи и содействовать формированию консолидирующей общественной идеологии.

Ключевые слова: Государственная молодежная политика, политическая идентичность, цифровая среда, социализация молодежи, ценности и традиции, «мягкая сила», воображаемые сообщества

Для цитирования: Гончарова И.В., Ницевич В.Ф., Черепов В.М. Государственная молодежная политика и формирование политической идентичности: между традицией и инновацией//Управление. 2025. Т. 13. № 4. С. 81–91. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-4-81-91

© Гончарова И.В., Ницевич В.Ф., Черепов В.М., 2025.
Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная
http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Received 06.10.2025 Revised 08.12.2025 Accepted 15.12.2025

State youth policy and political identity formation: between tradition and innovation

Irina V. Goncharova
Dr. Sci. (Hist.), Head Researcher at the Research Institute of State Policy and Sectoral Economy Management
ORCID: 0000-0002-7532-8751, e-mail: 79208195393@yandex.ru

Victor F. Nitsevich
Dr. Sci. (Polit.), Leading Researcher
ORCID: 0000-0002-1668-3067, e-mail: dr.nitsevich@mail.ru

Viktor M. Cherepov
Dr. Sci. (Med.), Head of the Healthcare and Sports Industry Management Department
ORCID: 0000-0001-5372-7375, e-mail: vm_cherepov@guu.ru

State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia

Abstract

The state youth policy has been analyzed in the context of forming political identity, considered at the intersection of traditional and innovative mechanisms. The relevance of the research topic is determined by the need to find effective tools for social consolidation and to compare the legacy of Soviet models of socialization with modern digital practices. The purpose of the study is to identify the features of forming youth political identity in modern Russia and to determine the state's role in this process, considering the stable institutions of the past and the new challenges of digitalization. The methodological basis of the study is aninterdisciplinary approach combining political, sociological, and psychological analysis. It is complemented by the historical and comparative method, which makes it possible to correlate the Soviet and modern experience. The theoretical section reveals the multidimensional nature of the identity concept through socio-constructivist, psychological, communicative, and institutional approaches. Based on the Soviet period material (1920–1930s), it has been shown that political identity was formed mainly through institutionalization, ideologization, and paternalism, ensuring the system stability at the cost of limiting the subjectivity of youth. The modern digital environment, on the contrary, is characterized by polycentricity, fragmentation, and hybrid identity. The algorithmic logic of platforms, visual communication formats, and the impact of influencers enhance the mosaic of perception, forming a more flexible and individualized subjective identity. The key impact factors are digital platform algorithms, blogging, visual culture, and soft power 2.0 practices, where political meanings are integrated into entertainment content. It has been proved that the state youth policy is developing today between tradition and innovation, and this requires forming a hybrid model. Such a model should combine value bases with modern digital engagement formats, critical thinking development and participatory platforms creation for dialogue with young people. This is what will make it possible to adapt youth policy to the challenges of the digital age and contribute to a consolidating social ideology formation.

Keywords: State youth policy, political identity, digital environment, youth socialization, values and traditions, soft power, imagined communities

For citation: Goncharova I.V., Nitsevich V.F., Cherepov V.M. (2025). State youth policy and political identity formation: between tradition and innovation. *Upravlenie / Management (Russia)*, 13 (4), pp. 81–91. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-4-81-91

© Goncharova I.V., Nitsevich V.F., Cherepov V.M., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение / Introduction

Современная российская молодежная политика развивается в условиях поиска эффективных инструментов формирования консолидирующей общество идеологии. В официальных документах подчеркивается необходимость выявления ключевых ценностных трендов, анализа традиций и практик, влияющих на формирование политической идентичности нового поколения. В связи с этим внимание исследователей сосредоточено на том, каким образом молодежь усваивает и трансформирует политические ценности и какие факторы обеспечивают солидарность с ними в условиях цифровизации.

Формирование политической идентичности является одной из целей символической политики как особого рода политической коммуникации, поскольку именно трансляция ключевых ценностей, лежащих в основе определенного сообщества, формирует чувство сопричастности и способствует консолидации власти и общества. В философской мысли этот процесс связывается с кризисом постмодерна. Так, А.Г. Дугин пишет: «Человек модерна был нерасчленимой цельностью, как до него этой цельностью был Бог монотеистических религий и сакральные силы домонотеистических традиций. В постмодерне эта цельность и центральность человека отменяются. Значит, старого знакомого человека больше нет. На смену ему приходят пучки импульсов, случайные агломерации биостратегий, хитросплетения механизма желаний. Пост-человек постмодерна принципиально дивидуален, то есть этимологически “делим”. Он может произвольно перекомпоновывать свою идентичность психологически и физиологически, меняя характер, убеждения, органы и пол. В нем не остается ничего константного, он сборная конструкция, в которой большинство элементов могут быть заменены»[1]. Мысль философа указывает на переход от стабильных и институционализированных форм идентичности к фрагментарным и гибридным.

Актуальность темы исследования определяется необходимостью сопоставления традиционных моделей формирования политической идентичности (советский опыт институционализации) и современных инновационных практик (цифровые коммуникации, влияние блогеров, алгоритмические платформы). Такой сравнительный анализ позволяет выявить особенности трансформации идентичности молодежи и определить стратегические направления государственной политики в этой сфере.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении особенностей формирования политической идентичности молодежи в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) в условиях цифровизации с учетом традиционных практик и современных инноваций, а также в определении роли государства в данном процессе.

Методологическую основу исследования составляют междисциплинарный подход, соединяющий политологический и социологический анализ, элементы институциональной и коммуникативной теории, психологические концепции идентичности, а также историко-сравнительный метод для сопоставления советской и современной моделей молодежной политики.

Теоретические подходы к понятию идентичности / Theoretical approaches to the identity concept

В современном научном дискурсе понятие идентичности применяется довольно широко представителями разных направлений социогуманитарного знания, в том числе политологами. Концептуальные подходы той или иной сферы научного знания накладывают особенности данного феномена, интерес к которому обусловливается трендами на глобализацию и цифровизацию. В междисциплинарном контексте чаще всего встречается трактовка идентичности как процесса осмысления человеком своей принадлежности и различий, включающий устойчивые характеристики, ценности и модели поведения. Так, в Большой российской энциклопедии она определяется как «тождественность, одинаковость, совпадение чего-нибудь с чем-нибудь», как «осознание человеком самого себя через набор устойчивых характеристик»[2]. Идентичность в данном случае классифицируется не как статичная категория, а как динамический процесс самоопределения. Чтобы приблизиться к понятию политической идентичности, необходимо рассмотреть ключевые исследовательские подходы к понятию идентичности в научной литературе.

В нормативно-правовых актах при упоминании аспектов «идентичности» внимание акцентируют на роли институтов и норм. Как система духовно-нравственных и политико-правовых ценностей, присущая нации, идентичность нашла отражение и в тексте Конституции РФ, где она упоминается в контексте защиты культурной самобытности народов и этнических общностей страны (ст. 69) [Бердникова, Куликова, 2023][3]. В Указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» упоминается защита традиционных российских духовно-нравственных

[1] Дугин А.Г. Радикальный субъект и его дубль. Режим доступа: https://proza.ru/2012/08/23/601 (дата обращения: 03.10.2025).

[2] Большая российская энциклопедия. Режим доступа: https://bigenc.ru/s?q=идентичность&p=1 (дата обращения: 03.10.2025).

[3] Конституция Российской Федерации. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item (дата обращения: 03.10.2025).

ценностей, культуры и исторической памяти, непосредственно влияющих на идентичность, как один из стратегических национальных приоритетов[4].

В рамках психологического подхода Э. Эриксон, заложивший основы концепции идентичности, трактовал ее как «чувство личного тождества и исторической непрерывности личности» и различал групповую идентичность, основанную на коллективных целях и культурных различиях, и индивидуальную эго-идентичность как динамический процесс объединения социального и личностного опыта [Эриксон, 1996].

Концепт воображаемого сообщества Б. Андерсона показывает, что национальная и политическая идентичность конструируются не только через реальные социальные связи, но и посредством символических образов, поддерживаемых медиа и институтами. «Национальность, ...а вместе с ней и национализм являются особого рода культурными артефактами. Чтобы надлежащим образом их понять, мы должны внимательно рассмотреть, как они обрели свое историческое бытие, какими путями изменялись во времени их смыслы и почему сегодня они обладают такой глубокой эмоциональной легитимностью», – пишет автор [Андерсон, 2001, с. 44]. В условиях цифровой среды это проявляется особенно ярко в формировании «онлайн-сообществ» как новых форм воображаемого единства. По А. Гидденсу, современная идентичность строится через постоянное переосмысление и «рефлексивный проект» личности [Giddens, 1990].

Отечественные исследователи трактуют идентичность как ценностно-нормативный конструкт и инструмент национальной консолидации. В.А. Тишков акцентирует внимание на ее институциональном измерении, а Н.И. Лапин – на роли ценностей и социальных ориентаций в обеспечении устойчивости политической системы [Тишков, 2019; Лапин, 2011]. В.П. Зинченко и Б.Г. Мещеряков подчеркивают, что идентичность выражает то, как человек представляет себе свою принадлежность к различным социальным, политическим, религиозным и культурным группам [Зинченко, Мещеряков, 1999]. Культурно-языковой подход связывает идентичность с традициями, ценностями и языком. По мнению Л.Н. Евсеевой, язык играет ключевую роль в этнической и национальной дифференциации, обеспечивая чувство принадлежности и отличия от других сообществ [Евсеева, 2009].

Идентичность предстает как многомерное явление, объединяющее психологическое самоопределение личности, правовые и культурные основы, символические и коммуникативные конструкции, а также сетевые практики. Для исследования политической идентичности молодежи в условиях цифровизации важно учитывать синтез этих подходов, поскольку именно в их взаимодействии проявляется динамика между традицией, зафиксированной в институтах, культуре и праве, и инновацией, отражающейся в медиа, сетевых сообществах и гибридных формах участия.

Рассмотрим теоретические подходы к исследованию политической идентичности молодежи, которые можно использовать для ее изучения в условиях цифровизации. Термин «политическая идентичность» относительно новый, используется в академическом дискурсе с 1970-х гг., что определяет множественность его трактовок. «В политической науке», – пишет Т.Б. Легенина, – «до сих пор нет единого мнения в определении понятия идентичности, но ясно одно, что идентичность – это основной и ключевой регулятор сознания и поведения личности, групп, классов и властвующих элит» [Легенина, 2017].

Вместе с тем в научной литературе выделяется несколько ключевых подходов к исследованию политической идентичности молодежи, которые позволяют раскрыть специфику ее формирования применительно к цифровой эпохе. Разработанный П. Бергером и Т. Лукманом социально-конструктивистский подход трактует идентичность как продукт социального взаимодействия, формируемый в процессе коммуникации и усвоения символических систем [Бергер, Лукман, 1995]. В условиях цифровизации социальные сети, мессенджеры и видеохостинги становятся «агентами конструирования реальности», транслируя молодежи политические смыслы через визуальные форматы (мемы, клипы, короткие видео). Это приводит к возможности сосуществования у молодых людей противоречивых ценностных ориентаций и создает ситуацию множественных идентичностей.

Психологический подход, опирающийся на теорию социальной идентичности Г. Тэджфела, выделяет три компонента [Тэджфэл, 1984]:

- когнитивный (осознание принадлежности к политической группе);
- эмоциональный (гордость или стыд за политическую позицию, реакция на политический контент);
- ценностный (идеологическая основа идентичности).

Важным на сегодняшний день остается положение Э. Эриксона о кризисе идентичности юношеского возраста, проявляющемся в политическом экспериментировании, быстрой смене предпочтений и зависимости от лидеров мнений в цифровой среде [Эриксон, 1996]. В цифровую эпоху идентификация ускоряется за счет алгоритмического подбора контента, что усиливает эмоциональность и поверхностность политической самоидентификации.

Коммуникативный подход, связанный с теориями Ю. Хабермаса и М. Кастельса, рассматривает трансформацию публичной сферы в условиях цифровизации [Хабермас, 2001; Кастельс, 2020]. Вместо единого

[4] Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 03.10.2025).

пространства дискуссии формируются фрагментированные «микросферы» (паблики, чаты), где коммуникация строится на эмоционально-насыщенных визуальных форматах. Виральный контент распространяется быстрее рациональных аргументов, что усиливает роль эмоций и снижает потенциал для системного политического диалога.

Дж. Марч и Й. Олсен в рамках институционального подхода акцентируют внимание на взаимодействии индивидов с политическими институтами [March, Olsen, 1984]. Применительно к современным реалиям это важная составляющая адаптации цифровых платформ для социализации молодежи. Использование государственными структурами социальных сетей для трансляции официальных ценностей, создание партиями и общественными движениями цифровых пространств в Telegram, VK, MAX демонстрируют, как традиционные механизмы политической социализации переформатируются под новые цифровые реалии.

Выявить особенности политической идентичности поколения Z позволяет поколенческий подход, представленный в работах К. Маннгейма, Н. Хоува, У. Штрауса [Маннгейм, 2020; Хоув, Штраус, 2005]. Для него характерны цифровая социализация с раннего возраста, клиповое мышление, низкий уровень доверия к традиционным институтам и высокая роль инфлюенсеров как источников политических смыслов. Политическая идентичность этой демографической группы формируется через визуальные и игровые форматы коммуникации, в том числе через механизмы «мягкой силы 2.0», когда политические месседжи маскируются под развлекательный контент [Смирнов, Кохтюлина, 2012]. Несмотря на разнообразие подходов, «основными признаками, которыми исследователи наделяют политическую идентичность, являются наличие комплекса идейных ориентаций и ценностных предпочтений индивидов, которые вступают в коммуникативное взаимодействие, а также сознательное соотнесение носителя данного типа идентичности с конкретным политическим сообществом» [Легенина, 2017]. Что касается политических институтов, то они в данной контексте транслируют способы формирования идентичности [Семененко, 2012].

Советский опыт формирования политической идентичности молодежи / The Soviet experience of shaping the political identity of youth

Обращение к советскому опыту формирования политической идентичности молодежи продиктовано не идеализацией советского периода, а попыткой проанализировать эффективные механизмы государственной молодежной политики. При этом, несмотря на внешние различия современной российской и советской государственности, сохраняется преемственность культурного поля и политических практик.

Формирование политической идентичности молодежи в советский период происходило в условиях тотальной мобилизации и жесткой институционализации послереволюционного периода. Молодежь рассматривалась большевиками как главная социальная база новой власти и носитель «революционного будущего» уже в 1920-е гг.: «Молодые люди рассматривались в качестве основной опоры новой власти, ее союзниками в формировании и реализации новых политических и культурных принципов» [Гончарова, Чувардин, Судоргин, 2024].

Ключевым институтом политической социализации стал созданный в первый год после революции комсомол. Его структура копировала партийную, а система воспитания выстраивалась по линии «октябрята – пионеры – комсомольцы», обеспечивая преемственность и постепенную интеграцию молодежи во «взрослую» политику: «Комсомол стал одновременно последней ступенью в этом процессе и важным этапом в воспитании “коммунистического” человека накануне вступления его в партию» [Гончарова, Чувардин, Судоргин, 2024, с. 27].

Советский опыт формирования политической идентичности неразрывно связан с образованием как грандиозным социальным проектом в рамках культурной революции и важнейшим лифтом социальной мобильности. Рабфаки, кружки, курсы и партийные школы наполняли университеты рабоче-крестьянской молодежью, создавая канал продвижения «снизу-вверх». Не случайно в письмах во власть молодые крестьяне подчеркивали стремление «только учиться и учиться»: так можно было попасть в партийные ряды, что в перспективе обеспечивало административную должность в советской системе.

В постреволюционный период начинается активное сращивание партийного и государственного аппарата. Пребывание в административной среде было одной из альтернатив преодоления тягот сельской жизни в условиях полной противоречий и кризисов нэповской действительности. Большевики допустили частичное восстановление рыночных отношений в условиях нелегитимности частной собственности, что делало любое минимальное накопление прибавочного продукта потенциально опасным для крестьянства. Это проявилось с 1927 г., во время спровоцированного кризиса хлебозаготовок. Принятие партийно-государственных ценностей было своего рода «выходом из тупика», то есть политическая идентичность молодежи не только означала принятие этих ценностей, но и, по сути, осмыслялась как жизненная стратегия выхода из традиционной социальной среды.

Молодежь стала ключевым проводником культурной революции, направленной на разрушение традиционных символических систем и формирование

новых ценностных ориентиров. В источниках фиксируются многочисленные примеры замещения обрядов («октябрины», «красные Рождества») и антирелигиозных кампаний: «Наступление на “старую” в моральном плане деревню легче было проводить через молодых людей» [Гончарова, Чувардин, Судоргин, 2024, с. 28].

Особая роль отводилась молодежи в масштабных государственных кампаниях конца 1920-х – начала 1930-х гг.: в хлебозаготовках, коллективизации, борьбе с религиозными пережитками. Партийные лидеры сознательно апеллировали к эмоциональности и радикализму юношества, формируя идентичность через участие в насильственных преобразованиях деревни. Таким образом, советская молодежная политика демонстрирует, как через институционализацию, политическое образование и массовую мобилизацию создавалась новая политическая идентичность, обеспечивавшая преемственность режима: «Партийные кампании обеспечивали политическую социализацию будущих управленцев. Для многих молодых людей они формировали сценарии их собственной жизни» [Гончарова, Чувардин, Судоргин, 2024, с. 30].

В предвоенные десятилетия в Советском Союзе складывалась целостная система формирования политической идентичности молодежи, основанная на жесткой институционализации и культурно-идеологическом контроле. Государство стремилось не только к социализации нового поколения, но и к его мобилизации на защиту социалистического строя, что предопределило особый характер работы с молодежью.

Центральным элементом выступала культурная революция с ее стержневой основой – социалистическим реализмом, в рамках которой литература, кино и искусство подчинялись задачам идеологического воздействия. Основой патриотического воспитания стал культ героизма: образы Чапаева, Щорса, Котовского и других «героев новой жизни» романтизировались и идеализировались, превращаясь в символы мужества и самопожертвования. Кинематограф, в частности фильм «Чапаев» (1934), выполнял функцию своеобразной «школы патриотизма», транслируя обществу модели поведения, основанные на преданности Родине и оптимизме даже в трагических обстоятельствах.

Особое внимание уделялось созданию образа внешнего врага. Пропагандистские фильмы («Родина зовет» (1936, режиссер А. Мачерет), «Танкисты» (1939, режиссеры З. Драпкин, Р. Майман), плакаты («Будь героем!», 1941), песни («Марш советских танкистов», 1938) формировали представление о неизбежности конфликта с капиталистическим окружением и необходимости готовности к защите социалистического Отечества. Идентичность молодежи, таким образом, конструировалась в логике противопоставления: «мы» – защитники Родины против «них» – врагов социализма.

Значительную роль в формировании идентичности играла система образования. В школьных программах вводилась обязательная начальная военная подготовка: строевая подготовка, стрелковая практика, противогазовые учения. Важное место занимала программа ГТО («Готов к труду и обороне»), ставшая массовым инструментом вовлечения молодежи в военную и спортивную подготовку (к 1941 г. более 6 млн награжденных значками) [Истягина-Елисеева, 2015]. Закрепляли героизированные образы прошлого и подчеркивали историческую миссию России учебники, в первую очередь идеологический флагман «Краткий курс истории ВКП(б)» 1938 г. [Ярославский, Поспелов, 1938].

При этом комсомол играл ключевую роль в организации молодежных практик: военизированные игры, походы по местам боевой славы, кружки, а также массовая шефская работа с армией. Так, в 1939–1941 гг. было отправлено 2 млн посылок для бойцов, в 1940 г. только пограничникам было написано 400 тыс. писем [Цыбульский и др., 1970]. Эти формы работы приобщали молодежь к патриотическим практикам, формировали у нее ощущение сопричастности к делу государства. С.Г. Кара-Мурза считает, что «сталинская пропаганда соединила советский проект с имперским наследием. Это дало мощный мобилизационный эффект» [Кара-Мурза, 2007].

В 1930-е гг. в стране была создана уникальная система «предмобилизации», которая объединила культурные, образовательные и военные практики в единый комплекс воспитания молодежи. Она обеспечивала массовую мобилизационную готовность и стала одним из ключевых факторов героизма первых месяцев Великой Отечественной войны.

Важной особенностью советской традиции являлся патернализм: молодежь рассматривалась как объект воздействия со стороны старших поколений, которые стремились воспроизвести собственный социальный и культурный образ. По словам видного исследователя государственного-молодежной политики И.М. Ильинского, «молодежь была в полной власти у старших поколений, которые формировали из нее подобие своего образа» [Ильинский, 2017, с. 24]. Это обеспечивало преемственность, но ограничивало возможность для инновационного и критического осмысления ценностей. Советский опыт государственной молодежной политики демонстрирует специфику формирования идентичности в условиях жесткой институционализации и идеологизации. В центре находилась задача воспитания «нового человека», преданного идеалам партии и государства. Идеологический фундамент этой политики основывался на тезисе о том, что «главное в работе с молодежью – усилить коммунистическое воспитание» [Ильинский, 2017, с. 21]. Идентичность конструировалась как коллективная и нормативно заданная в отличие от современной модели, где она носит многослойный и конкурентный характер.

И.М. Ильинский считает ключевым институтом социализации Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи на протяжении всего советского периода. Он был не только массовой молодежной организацией, но и инструментом трансляции ценностей и кадровой подготовки для партийно-государственной системы. Комсомол участвовал в разработке и продвижении первых нормативных актов в сфере молодежной политики, включая Закон Союза Советских Социалистических Республик «Об общих началах государственной молодежной политики» 1991 г.[5]. Данный факт свидетельствует о том, что молодежные объединения в советский период являлись частью государственной системы, а не автономными акторами.

Важную роль в конструировании идентичности играла мифологизация. В официальном дискурсе закреплялись устойчивые образы «все пути открыты молодым», «молодежь согрета вниманием и заботой партии и государства», «молодежь беззаветно предана идеалам партии» [Ильинский, 2017]. Эти мифы выполняли функцию мобилизационного ресурса, укрепляя чувство принадлежности и единства, но при этом скрывали реальные противоречия и ограниченность социального участия молодежи.

Традиционная модель имела серьезные ограничения: идеологизация и патернализм «вытесняли молодежь на задворки политической власти» и «подавляли культурно-творческую функцию» [Ильинский, 2017, с. 25]. Несмотря на декларации о ведущей роли молодежи, на практике она была объектом управления, а не субъектом политики. Советский опыт показывает, что традиция жесткой институционализации идентичности обеспечивала стабильность и преемственность, но одновременно блокировала возможности для самореализации и самостоятельного участия молодежи в политике.

Инновации в формировании политической идентичности молодежи в цифровой среде / Innovations in shaping the political identity of youth in the digital environment

В условиях цифровизации политическая идентичность молодежи представляет собой динамичное и изменчивое явление, формирующееся под воздействием цифровых медиа и алгоритмически отбираемого контента. В отличие от традиционных форм социализации цифровая среда усиливает фрагментарность, ситуативность и гибридность идентичности, создавая новые механизмы ее формирования, от официальных государственных каналов до альтернативных нарративов блогеров и инфлюенсеров.

Политическая идентичность современной молодежи формируется на пересечении цифровых коммуникативных практик, психологических особенностей юношеского возраста и институциональных стратегий государства. Современный этап молодежной политики принципиально отличается от советской модели. Если ранее идентичность задавалась через жесткую институционализацию и патернализм, то сегодня она формируется в условиях цифровой среды, где молодежь обладает множеством каналов для самовыражения и выбора. К традиционным акторам социализации (семья и образовательные институты) добавляются цифровые масс-медиа [Дунас, 2022].

Цифровая трансформация приводит к радикальным изменениям в структуре идентичности. Как отмечает Е.А. Пеннер, в цифровых условиях «социальная идентичность человека значительно корректируется. Субъект уступил место агенту, актору, актанту социальных практик, идентичность которых, как правило, подвижная и текучая» [Пеннер, 2023, с. 11]. Для молодежи это означает, что традиционные устойчивые формы идентификации заменяются гибридными и множественными идентичностями, существующими одновременно в офлайн- и онлайн-пространствах. Медиатехнологии в этих условиях формируют новые механизмы социализации, «оказывают комплексное влияние на человека как субъекта социальных практик; через человека медиатехнологии перекраивают социальную ткань, внося изменения в темпоральные практики, практики коммуникации, памяти и власти» [Пеннер, 2023, с. 12]. Для молодежи это выражается в ускорении ритма жизни, клиповом восприятии информации, а также в трансформации механизмов памяти и доверия к источникам.

Рассмотрим ключевые особенности цифровой среды как актора политической социализации молодежи, влияние которой проявляется в нескольких взаимосвязанных аспектах.

1. Мультимедийность и клиповое восприятие контента. Цифровой контент отличается высокой привлекательностью для молодежи за счет мультимедийных форматов, соответствующих особенностям «клипового мышления» [Фрумкин, 2010]. Увеличение объема информационного потока вкупе с возросшими требованиями к скорости его потребления ускоряют темп жизни, формируют многозадачность и способствуют доминированию визуально-динамичных форматов.

2. Интерактивность и гиперреальность. Цифровая среда предполагает высокую вовлеченность пользователей: они не только потребляют, но и активно создают контент, медиапотребление становится «социальным индикатором медиасреды» [Никитина, Никитин, 2023, с. 38]. Однако, как считает Ж. Бодрийяр, вместе с этим возрастает риск утраты подлинной реальности [Бодрийяр, 2015]. Поток обрабатываемых алгоритмами

[5] Закон Союза Советских Социалистических Республик от 16 апреля 1991 г. № 2114-1 «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР». Режим доступа: https://youthlib.mirea.ru/ru/resource/268 (дата обращения: 03.10.2025).

новостей создает упрощенные нарративы, которые подменяют сложность реальных событий, формируя пространство симулякров и гиперреальности.

3. Трансформация производства контента. В цифровую эпоху изменился процесс производства информации. Конкуренция профессиональных средств массовой информации (далее – СМИ) и любительских площадок приводит к тому, что политические обзоры и комментарии массово создаются непрофессиональными авторами. По меткому выражению А. Дугина, каждый становится «сам себе СМИ» [Дугин, 2015, с. 233]. Это повышает демократичность коммуникации, но одновременно снижает качество экспертного анализа и увеличивает риск распространения искаженной информации.

4. Утрата экспертной позиции и роль алгоритмов. Алгоритмы управления контентом ориентируются прежде всего на эмоциональную реакцию аудитории. В результате эмоционально окрашенное мнение рядового пользователя может восприниматься как более значимое, чем профессиональная экспертиза. Это усиливает феномены «пузырей фильтров» и «эхо-камер», когда молодежь оказывается замкнутой в информационных сообществах, подтверждающих уже имеющиеся взгляды.

5. Префигуративная культура и межпоколенческий разрыв. Цифровизация способствует формированию у молодежи новой культурной установки, которую М. Мид определила как «префигуративную» [Мид, 1988]. В рамках этой культуры молодежь не только перенимает опыт старших, но и сама создает тренды, обучая старшие поколения. Такая инверсия межпоколенческого обмена приводит к коммуникативному разрыву. В итоге цифровое пространство становится сферой преимущественно молодежных практик, осложняя диалог между поколениями и укрепляя новые модели идентичности.

6. Информационная перегруженность и политическая социализация. По данным анализа медиапотребления, увеличивается рост времени, проводимого в сети: с 4,09 ч в 2023 г. до 4,57 ч в 2024 г.[6]. Согласно отчету DataReportal, в 2025 г. россияне проводят в сети «Интернет» в среднем 8,38 ч[7]. Молодежь оказывается под постоянным воздействием информационного фона, часто переходящего в «информационный шум». При этом на мировоззрение сильнее влияет негативный контент, он вызывает больший интерес, чем позитивные сообщения. Отсюда вытекает риск манипуляции: «политические баллы» легче набирать на негативных нарративах.

Цифровая среда предоставляет молодежи новые возможности для участия в политике, однако одновременно делает ее уязвимой перед манипуляцией со стороны оппозиции и деструктивных политических сил, использующих молодежь как «вторичный» и малозатратный ресурс [Судоргин, Агафонов, 2024]. В этой ситуации ключевая роль в формировании ценностей и идеалов принадлежит государству. Оно должно не ограничиваться традиционной трансляцией официальной информации, а активно структурировать информационные потоки, формируя условия для критического восприятия и осознанного участия молодежи в политической жизни.

Цифровизация не только изменила механизмы коммуникации, но и трансформировала саму структуру политической идентичности, сделав ее динамичной, фрагментарной и многослойной. В отличие от советского опыта, где комсомол и партийные структуры контролировали политическую социализацию, сегодня государственные институты конкурируют с множеством альтернативных нарративов. Платформы Telegram, VK, TikTok становятся пространствами для распространения не только официальной информации, но и оппозиционных или протестных интерпретаций. Это делает идентичность молодежи предметом постоянной борьбы за внимание и лояльность.

Особое значение в данной ситуации приобретают формы «мягкой силы 2.0», когда политические послания маскируются под развлекательный контент: блогеры интегрируют социальные и политические месседжи в челленджи, подкасты и игровые стримы. Идентичность формируется через гибридные форматы, соединяющие информационное и развлекательное измерение.

Наконец, цифровая среда способствует росту субъектности молодежи. В условиях фрагментированных публичных сфер, о которых писали Ю. Хабермас и М. Кастельс, молодежные сообщества могут самостоятельно конструировать смыслы, создавать, согласно терминологии Б. Андерсона, «воображаемые сообщества» и вырабатывать новые формы гражданской идентичности. Этот процесс сопровождается рисками поверхностности и символической фрагментации, но одновременно открывает возможности для более гибкой модели идентичности.

Инновации в формировании политической идентичности заключаются в переходе от институционального патернализма к цифровой полицентричности, от жестких нормативных рамок к множественным и конкурентным нарративам, от идеологического внушения к эмоционально насыщенной визуальной коммуникации.

В системе государственного управления для обеспечения устойчивого формирования политической идентичности молодежи в условиях цифровой трансформации целесообразно:

• систематизировать цифровые формы вовлечения – создать системы мониторинга ценностей и политических установок молодежи на базе форумных

[6] Медиапотребление 2024. Режим доступа: https://mediascope.net/upload/iblock/f33/ (дата обращения: 03.10.2025).

[7] Digital 2025: Key Data. Режим доступа: https://www.byyd.me/ru/blog/2025/03/digital-2025-key-data-datareportal (дата обращения: 03.10.2025).

кампаний, проектных сессий, а также цифровых платформ, способных фиксировать изменения в молодежной среде в режиме реального времени;

• развивать партисипативные форматы – поддерживать молодежные инициативы, краудсорсинговые проекты и онлайн-платформы, где ценности и смыслы конструируются в диалоге государства и молодежных сообществ;

• создать «банк трактовок ценностей» – аккумулировать цифровые нарративы, вырабатываемые молодежью, фиксировать их в доступных формах (цифровые архивы, платформы «цифровой памяти»), чтобы использовать как ресурс культурной и политической политики (в качестве примера можно привести канал Центра социологических исследований «14-35» Государственного университета управления)[8];

• использовать логику «мягкой силы 2.0» – интегрировать традиционные ценности в цифровую культуру молодежных сообществ через визуальные форматы, избегая прямолинейной идеологизации;

• укреплять компетенции критического мышления и медиаграмотности – включать эти направления в образовательные программы, поскольку именно они позволяют молодежи противостоять манипулятивным алгоритмам и информационным искажениям.

Заключение / Conclusion

В советский период политическая идентичность молодежи формировалась через жестко институционализированные механизмы социализации. Ключевыми акторами выступали школа, комсомол, система пионерских организаций и молодежные лагеря. Они задавали единый идеологический дискурс, обеспечивая интеграцию молодого поколения в политическую систему. Основной задачей было формирование «нового человека», соединяющего индивидуальные стремления с коллективными целями общества и государства. Идентичность строилась на патерналистской основе: государство выступало главным и практически единственным агентом социализации. Воспитание проходило в формах массовых мероприятий, коллективных ритуалов, идеологических кампаний, где индивидуальные особенности нивелировались в пользу общей цел. В результате создавалась устойчивая модель идентичности, основанная на принципах коллективизма, служения Родине и политической лояльности.

Современный этап отличается принципиально иными условиями. Цифровизация радикально изменила механизмы формирования идентичности, сделав ее динамичной, фрагментарной и многослойной. Сегодня молодежь получает политические смыслы не только из государственных источников, но и через социальные сети, мессенджеры, видеохостинги, где доминируют блогеры и инфлюенсеры. Политическая социализация осуществляется через визуальные форматы – мемы, клипы, стримы, челленджи. Алгоритмический отбор контента усиливает эмоциональность и ситуативность идентичности, формируя «мозаичное сознание», в котором легко сосуществуют противоречивые ценности.

В отличие от советского опыта, где государство монополизировало процесс воспитания, современные институты конкурируют с множеством альтернативных нарративов. Telegram, VK и TikTok становятся аренами соперничества за внимание молодежи. Особое значение приобретают формы «мягкой силы 2.0», когда политические послания подаются через развлекательный контент, интегрируясь в цифровую культуру молодежных сообществ.

Цифровая среда способствует и росту субъектности молодежи. В условиях фрагментированных публичных сфер молодежные сообщества сами создают «воображаемые сообщества», вырабатывая новые формы гражданской и политической идентичности. Это порождает риски поверхностности и символической фрагментации, но одновременно открывает возможности для гибкой идентичности.

Современная государственная молодежная политика развивается «между традицией и инновацией». Советский опыт демонстрирует потенциал институционализированной модели, цифровая эпоха – динамику сетевых и партисипативных практик. Их сопоставление позволяет сделать вывод: ключевой задачей государства является поиск «гибридной модели», соединяющей ценностные основания и традиции с инновационными цифровыми форматами, что отвечает запросу на формирование консолидирующей общество идеологии и укрепление политической идентичности молодежи.

[8] Центр социологических исследований «14-35». Режим доступа: https://t.me/soc1435 (дата обращения: 03.10.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц; 2001. 286 с.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум; 1995. 323 с.

REFERENCES

Anderson B. Imaginary communities: reflections on the origins and spread of nationalism. Moscow: Canon-Press-C; 2001. 286 p. (In Russian).

Baudrillard J. Simulacra and simulations. Moscow: Postum; 2015. 238 p. (In Russian).

Бердникова Е.В., Куликова С.А. Политико-правовые механизмы формирования российской конституционной идентичности в условиях информационного общества. Известия Саратовского университета. Экономика. Управление. Право. 2023;4(23):460–470. https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-460-470

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Постум; 2015. 238 с.

Гончарова И.В., Чувардин Г.С., Судоргин О.А. Молодежь как социальная база аграрной трансформации Советской России в 1920-е – начале 1930-х гг.: постановка проблемы. Ученые записки ОГУ. 2024;2:26–31. https://10.33979/1998270202410222630

Дугин А.Г. Война континентов. Современный мир в геополитической системе координат. 2е изд. М.: Академический проект; 2015. 359 с.

Дунас Д.В. Медиа и социализация: первичная, вторичная или самосоциализация? Опыт изучения медиапотребления «цифровой молодежи» России. Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022;78:200–224. https://10.17223/19986645/78/12

Евсеева Л.Н. Роль языка в формировании национальной идентичности. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Архангельск; 2009. 21 с.

Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г. Психологический словарь. М.: Педагогика-Пресс; 1999. 440 с.

Ильинский И.М. Государственная молодежная политика в СССР. М.: Издательство Московского гуманитарного университета; 2017. 432 с.

Истягина-Елисеева Е.А. Военно-патриотическое воспитание молодежи средствами спорта и комплекса ГТО в период 1917–1940 гг. Историческая и социально-образовательная мысль. 2015;6(7):49–51.

Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Т. 1. М.: Алгоритм; 2007. 544 с.

Кастельс М. Власть коммуникации. 3е изд. М.: Издательский дом Высшей школы экономики; 2020. 591 с.

Лапин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации. Социологические исследования. 2011;9:3–18.

Легенина Т.Б. Формирование политической идентичности. Современная наука и инновации. 2017;1:235–238.

Мангейм К. Проблема поколений. В кн.: Очерки социологии знания: Проблема поколений — состязательность — экономические амбиции. М.: ИНИОН РАН; 2000. С. 8–63.

Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука; 1988. 429 с.

Никитина Т.И., Никитин А.А. Основные аспекты влияния трансформации медиасреды на медиапотребление российской молодежи. Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023;3(60):38–43.

Пеннер Р.В. Цифровая идентичность как новая форма социального признания. Автореф. дис. ... д-р филос. наук. Саратов; 2023. 38 с.

Семененко И.С. (ред.) Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. М.: РОССПЭН; 2012. 208 с.

Смирнов А.И., Кохтюлина И.Н. Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России. М.: ВНИИгеосистем; 2012. 252 с.

Судоргин О.А., Агафонов А.В. Влияние цифровизации на формирование современного молодежного политического лидерства. Управление. 2024;2(12):99–108.

Berdnikova E.V., Kulikova S.A. Political and legal mechanisms of formation of the Russian constitutional identity in the information society. Proceedings of the Saratov University. Economy. Management. Law. 2023;4(23):460–470. (In Russian). https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-4-460-470

Berger P., Lukman T. Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge. Moscow: Medium; 1995. 323 p. (In Russian).

Castells M. The power of communication. 3rd ed. Moscow: Higher School of Economics Publ. House; 2020. 591 p. (In Russian).

Dugin A.G. The War of the Continents. The modern world in the geopolitical coordinate system. 2nd ed. Moscow: Academic Project; 2015. 359 p. (In Russian).

Dunas D.V. Media and socialization: primary, secondary or self-socialization? The experience of studying the media consumption of the digital youth of Russia. Bulletin of Tomsk State University. Philology. 2022;78:200–224. (In Russian). https://10.17223/19986645/78/12

Erickson E. Identity: youth and crisis. Moscow: Progress; 1996. 344 p. (In Russian).

Evseeva L.N. The role of language in the formation of national identity. Abstr. Dis. ... Cand. Sci. (Philos.). Arkhangelsk; 2009. 21 p. (In Russian).

Frumkin K.G. Global changes in thinking and the fate of textual culture. Ineternum. 2010;1:26–36. (In Russian).

Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford: Stanford Univ. Press; 1990. 188 p.

Goncharova I.V., Chuvardin G.S., Sudorgin O.A. Youth as the social base of the agrarian transformation of Soviet Russia in the 1920s – early 1930s: problem statement. Scientific notes of OSU. 2024;2:26–31. (In Russian). https://10.33979/1998270202410222630

Habermas Yu. Moral consciousness and communicative action. St. Petersburg: Nauka; 2001. 380 p. (In Russian).

Howe N., Strauss V. The fourth transformation: how American generations shape the future of the nation. Moscow: AST; 2005. 445 p. (In Russian).

Ilyinsky I.M. State youth policy in the USSR. Moscow: Moscow University for the Humanities Publ. House; 2017. 432 p. (In Russian).

Istyagina-Eliseeva E.A. Military-patriotic education of youth by means of sports and the GTO complex in the period 1917–1940. Historical and socio-educational thought. 2015;6(7):49–51. (In Russian).

Kara-Murza S.G. Soviet civilization. Vol. 1. Moscow: Algorithm; 2007. 544 p. (In Russian).

Lapin N.I. Socio-cultural factors of Russian stagnation and modernization. Sociological research. 2011;9:3–18. (In Russian).

Legenina T.B. Formation of political identity. Modern science and innovation. 2017;1:235–238. (In Russian).

Mannheim K. The problem of generations. In: Essays on the Sociology of Knowledge: The problem of generations – competitiveness – economic ambitions. Moscow: INION RAS; 2000. Pp. 8–63. (In Russian).

March J.G., Olsen J.P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life. American Political Science Review. 1984;3(78):734–749.

Mead M. Culture and the world of childhood. Moscow: Nauka; 1988. 429 p. (In Russian).

Nikitina T.I., Nikitin A.A. The main aspects of the impact of media environment transformation on media consumption

Тишков В.А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы. Вестник Российской академии наук. 2019;4(89):408–412.

Тэджфэл Г. Социальная идентичность и межгрупповые отношения. В кн.: Современная зарубежная социальная психология. М.: МГУ; 1984. С. 227–231.

Фрумкин К.Г. Глобальные изменения в мышлении и судьба текстовой культуры. Ineternum. 2010;1:26–36.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб: Наука; 2001. 380 с.

Хоув Н., Штраус В. Четвертое превращение: как американские поколения формируют будущее нации. М.: АСТ; 2005. 445 с.

Цыбульский Е.В., Чугунов А.И., Юхт А.И. Пограничные войска СССР. 1939 – июнь 1941. М.: Наука; 1970. 822 с.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс; 1996. 344 с.

Ярославский Е.М., Поспелов П.Н. Краткий курс истории ВКП(б). М.: Госполитиздат; 1938. 352 с.

Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford: Stanford Univ. Press; 1990. 188 p.

March J.G., Olsen J.P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life. American Political Science Review. 1984;3(78):734–749.

of Russian youth. Kazan Social and Humanitarian Bulletin. 2023;3(60):38–43. (In Russian).

Penner R.V. Digital identity as a new form of social recognition. Abstr. Dis. ... Dr. Sci. (Philos.). Saratov; 2023. 38 p. (In Russian).

Semenenko I.S. (ed.) Political identity and identity politics. Vol. 1. Identity as a category of political science: dictionary of terms and concepts. Moscow: ROSSPEN; 2012. 208 p. (In Russian).

Smirnov A.I., Kokhtyulina I.N. Global security and Soft Power 2.0: challenges and opportunities for Russia. Moscow: VNIIgeosystem; 2012. 252 p. (In Russian).

Sudorgin O.A., Agafonov A.V. The impact of digitalization on the formation of modern youth political leadership. Upravlenie / Management (Russia). 2024;2(12):99–108. (In Russian).

Tajfal G. Social identity and intergroup relations. In: Modern foreign Social Psychology. Moscow: MSU Publ. House; 1984. Pp. 227–231. (In Russian).

Tishkov V.A. Russian identity: internal and external challenges. Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2019;4(89):408–412. (In Russian).

Tsybulsky E.V., Chugunov A.I., Yukht A.I. Border troops of the USSR. 1939 – June 1941. Moscow: Nauka; 1970. 822 p. (In Russian).

Yaroslavsky E.M., Pospelov P.N. A short course in the history of the CPSU(b). Moscow: Gospolitizdat; 1938. 352 p. (In Russian).

Zinchenko V.P., Meshcheryakov B.G. Psychological dictionary. Moscow: Pedagogika-Press; 1999. 440 p. (In Russian).

УДК 32.019.5, 323.21 DOI https://doi.org/10.26425/2309-3633-2025-13-4-92-105
Получено: 22.09.2025 Статья доработана после рецензирования: : 28.11.2025 Принято: 05.12.2025

Особенности государственного управления коллективными политическими предпочтениями в Российской Федерации

Злотникова Елена Вячеславовна[1]
Канд. полит. наук, доц. каф. информационной аналитики и политических технологий
ORCID: 0000-0002-4550-1330, e-mail: zlotnikova@bmstu.ru

Неволин Борис Сергеевич[2]
Проректор по развитию
ORCID: 0009-0009-6944-3487, e-mail: b.nevolin@ya.ru

Ницевич Виктор Францевич[3]
Д-р полит. наук, ведущий научю сотр.
ORCID: 0000-0002-1668-3067, e-mail: dr.nitsevich@mail.ru

[1]Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана, 105005, 2-я Бауманская ул., 5с1, г. Москва, Россия

[2]Государственный музыкально-педагогический институт имени М.М. Ипполитова-Иванова, 109147, Марксистская ул., 36, г. Москва, Россия

[3]Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия

Аннотация

Актуальность темы исследования обусловлена тем обстоятельством, что в период политической турбулентности, а также увеличения информационного воздействия со стороны «недружественных» стран перед правительством любого государства встает задача усиления контроля над обеспечением политической безопасности. Одним из наиболее значимых механизмов обеспечения политической безопасности является управление политическими предпочтениями граждан. В рамках своего функционала управление политическими предпочтениями использует нормативные, информационные, финансовые и иные методы, позволяющие регулировать порядок доступа акторов к политической деятельности, определять круг вопросов, выносимых и решаемых путем общественного обсуждения, а также формировать паттерны политического поведения, основанные на одобряемых властью политических ценностях, и нужное общественное мнение по наиболее актуальным проблемам при помощи целенаправленного информационного воздействия, в том числе с применением суггестивных технологий и использованием практики клиентелизма. Целью настоящего исследования выступает выявление особенностей государственного управления коллективными политическими предпочтениями в Российской Федерации. Задачи исследования заключаются в раскрытии понятия государственного управления политическим предпочтением, выявлении правового, политического и социокультурного аспекта, оказывающего влияние на формирование политических предпочтений граждан Российской Федерации, и особенностей политических предпочтений граждан в период проведения избирательных кампаний. Установлено, что проблема государственного управления политическими предпочтениями в научном дискурсе до настоящего времени не рассматривалась, но опосредованно затронута исследователями, изучающими социально-политические отношения. Под «государственным управлением политическими предпочтениями» следует понимать устойчивую и целенаправленную систему воздействия на граждан, осуществляемую с целью формирования в их сознании поощряемых властью политических ценностей и моделей политического, в том числе электорального, поведения. Основной целью государственного управления политическими предпочтениями является снижение политических рисков, связанных с последствиями выражения иррациональных политических предпочтений граждан.

Ключевые слова: выборы, государственное управление политическими предпочтениями, лидеры, предпочтения, политические акторы, самовыдвиженцы, электоральные мероприятия, электоральные предпочтения

Для цитирования: Злотникова Е.В., Неволин Б.С., Ницевич В.Ф. Особенности государственного управления коллективными политическими предпочтениями в Российской Федерации//Управление. 2025. Т. 13. № 4. С. 92–105. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-4-92-105

© Злотникова Е.В., Неволин Б.С., Ницевич В.Ф., 2025.
Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная
http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Received 22.09.2025 Revised 28.11.2025 Accepted 05.12.2025

Peculiarities of state management of collective political preferences in Russia

Elena V. Zlotnikova[1]
Cand. Sci. (Polit.), Assoc. Prof. at the Information Analytics and Political Technologies Department
ORCID: 0000-0002-4550-1330, e-mail: zlotnikova@bmstu.ru

Boris S. Nevolin[2]
Vice-Rector for Development
ORCID: 0009-0009-6944-3487, e-mail: b.nevolin@ya.ru

Victor F. Nitsevich[3]
Dr. Sci. (Polit.), Leading Researcher
ORCID: 0000-0002-1668-3067, e-mail: dr.nitsevich@mail.ru

[1]Bauman Moscow State Technical University, 5b1, 2nd Baumanskaya ulitsa, Moscow 105005, Russia
[2]M.M. Ippolitov-Ivanov State Music and Pedagogical Institute, 36, Marksistskaya ulitsa, Moscow 109147, Russia
[3]State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia

Abstract

The relevance of the research topic is due to the fact that in a period of political turbulence, as well as an increase in information influence from "unfriendly" countries, the government of any state faces the task of strengthening control over ensuring political security. One of the most significant mechanisms for ensuring political security is citizens' political preferences management. Within the framework of its functionality, political preferences management uses regulatory, informational, financial, and other methods to regulate the order of actors' access to political activities, to determine the range of issues raised and resolved through public discussion, as well as to form patterns of political behavior based on political values approved by the authorities and the necessary public opinion on the most pressing issues through targeted information impact, including through the use of suggestive technologies and clientelism practices. The purpose of the study is to identify the features of public administration of collective political preferences in Russia. The objectives of the study are to reveal the concept of public administration of political preference, to identify the legal, political, and socio-cultural aspects that influence forming political preferences of Russians and the specifics of the citizens' political preferences during election campaigns. It has been established that the issue of public administration of political preferences has not been considered in scientific discourse to date, but it has been indirectly affected by researchers studying socio-political relations. State management of political preferences should be understood as a stable and purposeful system of influencing citizens, carried out with the aim of forming in their minds political values and models of political behavior, including electoral behavior, encouraged by the authorities. The main goal of public administration of political preferences is to reduce the political risks associated with the consequences of expressing irrational political preferences of citizens.

Keywords: elections, public management of political preferences, leaders, preferences, political actors, self-nominated, electoral events, electoral preferences

For citation: Zlotnikova E.V., Nevolin B.S., Nitsevich V.F. (2025). Peculiarities of state management of collective political preferences in Russia. *Upravlenie / Management (Russia)*, 13 (4), pp. 92–105. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-4-92-105

© Zlotnikova E.V., Nevolin B.S., Nitsevich V.F., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение / Introduction

Особенности формирования, выражения и отстаивания коллективных политических предпочтений были затронуты еще в трактатах античных философов, однако широкую известность данная проблематика приобрела только во второй половине XX в. Активизации исследований политических предпочтений способствовало развитие демократических процессов, спровоцированных сломом колониальной системы, падением многих автократических режимов, повышением доступности образования для широких слоев населения и расширением контингента, наделенного политическими правами [Хантингтон, 2003]. К этому моменту уже успела сформироваться солидная теоретическая база, основу которой составили научные труды Э. Гуссерля, К. Менгера, Г.Х. фон Вригта, А.А. Ивина, Е. Калиновского, М. Вебера, Дж. фон Неймана, О. Моргенштерна, А. Тверски, Д. Канемана, Ю. Козельского [Гуссерль, 2019; Чуев, 2024; Вригт, 1986; Ивин, 2010; Вебер, 1990; Нейман, Моргенштерн, 2013; Канеман, 2014; Козельский, 1979]. В дальнейшем идеи рационального выбора, разработанные для решения экономических задач, были восприняты Э. Даунсом, Д. Блэком, К. Эрроу и Г. Симоном, а затем успешно перенесены в политическую науку.

Несмотря на многочисленность исследований, посвященных указанной проблеме, многие ее аспекты остаются практически не раскрытыми. Так, до настоящего времени, слабо освещалась роль государственного управления коллективными политическими предпочтениями, в том числе в электоральном процессе. Поднятую проблему авторы попытаются раскрыть в настоящем исследовании.

Методы исследования / Research methods

В целях исследования авторами применены исторический метод, аналитические, эмпирические и сравнительный методы для выявления особенностей государственного управления коллективными политическими предпочтениями в России.

Аналитический подход в основном применялся для обоснования понятия государственного управления политическими предпочтениями, систематизации нормативных правовых актов, данных социологических опросов и официальных статистических данных. Исторический метод использовался для раскрытия причинно-следственных связей в возникновении и развитии научных представлений о понятии политических предпочтений. Контент-анализ применялся для изучения источников и литературы по политическим предпочтениям, программ и иных документов кандидатов с целью выявления особенностей коллективных предпочтений.

Эмпирические методы включали обработку и интерпретацию количественных показателей, представленных на официальном сайте Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (далее – ЦИК РФ), информации, размещенной на официальных сайтах предвыборных штабов кандидатов[1,2,3,4].

Сравнительно-сопоставительный метод использован для выявления схожести и различий норм избирательного права в Российской Федерации (далее – РФ, Россия), самих политических предпочтений, а также изменений в государственном управлении коллективными политическими предпочтениями в стране.

Постановка проблемы / Statement of the problem

Слово «предпочтение» представляет собой видоизмененную форму старославянского слова «чести», означающее «почитание», или более привычное для современных людей слово «почтение». Почтение было принято выражать святыням, духам предков, а также людям старшим по возрасту и социальному положению. Следовательно, понятие предпочтения изначально обладало иррациональной направленностью, обусловленной приписываемой позитивной ценностью.

Популяризация данного понятия привела к увеличению диапазона его использования и смыслового наполнения. Так, толковые словари, а затем и справочные издания психологического и социологического профиля стали предлагать употреблять его для обозначения действия, направленного на признание или подтверждение превосходства одного индивида перед другими, например, в целях демонстрации особого отношения к конкретному лицу[5]. Таким образом, в процессе изменения понятие предпочтения сохранило свою иррациональную основу, однако его содержательное наполнение постепенно расширилось и стало отражать не только коммуникативные особенности патриархального общества, но и современные культурные и общественные нормы.

[1] Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Режим доступа: http://www.cikrf.ru (дата обращения: 19.09.2025).

[2] Сведения и программа кандидата в Президенты РФ. Надеждин. Режим доступа: https://nadezhdin2024.ru/regions (дата обращения: 19.09.2025).

[3] Сведения и программа кандидата в Президенты РФ. Даванков. Режим доступа: https://davankov2024.ru (дата обращения: 19.09.2025).

[4] Сведения и программа кандидата в Президенты РФ. Слуцкий. Режим доступа: https://слуцкий2024.рф (дата обращения: 19.09.2025).

[5] Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Режим доступа: https://clck.ru/3RX6U3 (дата обращения: 19.09.2025).

Проблема государственного управления политическими предпочтениями в научном дискурсе до настоящего времени не рассматривалась, но опосредованно была затронута большинством исследователей, специализирующихся на изучении социально-политических отношений. Речь идет об идеях, связанных с выстраиванием централизованной системы политической социализации индивидов, формированием наиболее приемлемых для власти политических ценностей, разработкой правовых норм, регулирующих формы и способы политического участия граждан, установлением норм социального контроля над политическим поведением граждан и т.д.

Теория рационального выбора для политологии открыла новые возможности, в частности позволила Д. Линдону рассматривать управление политическими предпочтениями в качестве одного из направлений политического маркетинга [Чуев, 2023]. Отметим, что основной задачей политического маркетинга является обеспечение действующих политических институтов результатами прикладных исследований, которые затем используются для формулирования актуальных политических программ и выработки стратегий в избирательных кампаниях. Таким образом, в очень ограниченном виде государственное управление политическими предпочтениями находит отражение в политическом маркетинге.

В трудах Д.В. Ольшанского и Г.В. Пушкаревой управление политическими предпочтениями рассматривается в качестве вида политического менеджмента, целью которого является минимизация использования государственно-властного и принудительного воздействия на граждан [Ольшанский, 2003; Пушкарева, 2023]. Однако при ближайшем рассмотрении становится понятно, что речь в данных работах идет лишь об использовании в государственном управлении политических технологий, направленных на решение конкретных задач, например, организации политической акции, подготовки и проведения избирательной кампании, формирования общественного мнения по конкретным вопросам и т.д. Таким образом, политический менеджмент лишь поверхностно затрагивает поднятую авторами проблему. Сущность понятия государственного управления политическими предпочтениями следует рассматривать как устойчивую и целенаправленную систему воздействия на граждан государства, осуществляемого с целью формирования в их сознании поощряемых властью политических ценностей и моделей политического, в том числе электорального, поведения.

В Древней Греции коллективные предпочтения отдельных жителей полиса успешно использовались в целях принятия и утверждения управленческих решений по самым актуальным социально-политическим вопросам. Так, по мнению Аристотеля, гражданином полиса мог считаться лишь индивид, принимающий участие в законосовещательном или судебном органе власти [Чанышев, 2005]. Письменные источники подтверждают, что прямая демократия позволяла каждому гражданину, участвующему в деятельности Народного собрания, нести персональную ответственность за принимаемые управленческие решения. В частности, решение о проведении военной кампании возлагало на членов Народного собрания не только обязанность личного участия в ополчении, но и оплату своего обмундирования.

Следует отметить, что иррациональную основу формирования политических предпочтений исследователи отмечали и в более позднее время. Например, с точки зрения Н. Макиавелли, люди подвержены различным страстям, потому легко внушаемы [Чанышев, 2005]. Эти особенности человеческого мышления мыслитель предлагал правителю учитывать и использовать в наиболее выгодном для себя русле. В частности, он советовал государю поддерживать позиции многочисленного народа в конфликте со знатью и тем самым создавать условия для своей многолетней и устойчивой власти. При этом, поддерживая малочисленную, но неуемную в своих корыстных желаниях элиту, правитель может власть утратить.

Современные ученые, в частности психологи А. Тверски, Д. Канеман и И. Козельский, доказали, что значительная часть предпочтений людей действительно определяется не рациональностью выводов индивида, а эвристикой доступности, что позволяет манипулировать общественным мнением [Канеман, 2014; Козельский, 1979]. К аналогичному мнению пришли и социологи Н.В. Дергунова и М.Ю. Завгородняя, установив, что респонденты, участвующие в избирательных кампаниях, определились со своими политическими предпочтениями задолго до официального начала избирательной кампании и даже не читали предвыборные программы зарегистрированных кандидатов [Дергунова, Завгородняя, 2012].

Большинство античных и средневековых философов, а затем и мыслителей современности политическими правами стремились наделять лишь наиболее родовитых, образованных, опытных, зрелых и состоятельных людей мужского пола, обладающих высокими моральными качествами. В настоящее время доступ к политической деятельности стал более открытым, однако остались ограничения активного и пассивного избирательного права, связанные с наличием гражданства, где планируется конвенциональная политическая деятельность, возрастом гражданина, желающего реализовать свои политические права, его дееспособностью, а также социальной и политической благонадежностью [Беликова, Злотникова, Ницевич, Строев, 2023]

Некоторые исследователи полагали, что граждан следует наделять лишь формальными политическими правами, тем самым воплощая плебисцитарную

модель демократии. Например, Р. Берендт полагал, что человек по природе аполитичен, следовательно, замена фактического политического участия на формальное позволяет поддерживать общественный порядок и создает иллюзию участия, потому удовлетворяет все заинтересованные стороны [Берендт, 1932]. В современном виде плебисцитарная модель демократии проявляется в фактическом лишении граждан права на альтернативную основу выборов. Такая система предполагает проведение процедуры голосования с участием единственного кандидата или нескольких кандидатов, которые выступают с единообразной политической повесткой и/или однотипными предложениями по их реализации. Наиболее популярной моделью плебисцитарной демократии для большинства государств Африки и многих стран постсоветского пространства является организация голосования с использованием одного сильного и нескольких слабых кандидатов [Гасанов, 2017].

В настоящее время в политической практике также широко распространена представительная модель демократии, которая позволяет гражданам в большей степени оказывать влияние на политические процессы. Однако при низком уровне политической открытости общества электорат утрачивает контроль над реализацией политических решений избранного представителя власти сразу после окончания избирательной кампании, что нивелирует смысл политической деятельности избирателей, заложенный в данной модели.

При рассмотрении вопросов, которые могли входить в компетенцию решения народных масс, мнения мыслителей также разделялись. Например, Полибий описал систему политического равновесия, позволяющую включить граждан в число политических акторов и предоставить им широкий спектр политических прав [Чанышев, 2005]. Народ наделялся правом награждать достойных и наказывать недостойных соотечественников и правом окончательного утверждения начала и завершения военных действий, но самым важным являлось право утверждения новых законов. Следует отметить, что указанные предложения не отменяли деградацию конкретной политической власти. Так, по распространенному мнению того времени, деградация была неотвратима, но позволяла снизить негативные последствия данного процесса и внести качественные изменения в политическое устройство общества. С точки зрения Полибия, коллективные политические предпочтения рационального характера должны были способствовать созданию гибридного режима правления, более справедливого и устойчивого к политической деградации.

М. Падуанский также проявлял лояльное отношение к выражению политических предпочтений со стороны широких масс населения [Чанышев, 2005]. По мнению философа, граждане в своей совокупности лучше понимают цели государства, чем один конкретный человек или ограниченная группа лиц. В его трудах описывается механизм, при котором правотворчество было предоставлено ограниченной группе лиц, однако подготовленные законопроекты должны быть одобрены народом. Кроме того, народ наделялся правом участия в избрании монарха и его смещения в случае превышения полномочий.

Наиболее широкие полномочия народу предлагали передать Ж.-Ж. Руссо, К. Маркс, В. Ленин и К. Шмитт. Власть, по их мнению, должна принадлежать народу целиком. Однако народ в данном случае рассматривается не как обобщение отдельно взятых индивидов, а как единая и неделимая группа, обладающая общими потребностями и интересами. Согласно данной концепции, становясь частичкой коллектива, индивид утрачивает личную свободу, собственность и право на свою точку зрения. Ж.-Ж. Руссо настаивал на том, что подобное общество будет лишено конфликтов, бытовых неурядиц, связанных с осуществлением личных предпочтений, и, следовательно, подарит людям счастье. Если кто-то станет противиться общей воле, его силой принудят стать «свободным» и «счастливым» [Руссо, 1998]. Осуществление власти в данном обществе происходит на собраниях, где народу предоставляется право голосовать за новые законы, естественно, в едином порыве и без возможности вступать в конструктивные прения. Формально правительство не несет властных полномочий, а лишь выполняет технические функции, поэтому не выбирается, но фактически формулирование законов и использование аккламационной формы одобрения значительно расширяют его властные полномочия. Таким образом, граждане воплощают лишь псевдоактивные формы политического участия, так как их политические предпочтения продиктованы привычкой подчиняться или иным мотивам, возникающим на фоне подавления способности размышлять и выражать свою позицию.

Исследовав псевдоактивные формы политического предпочтения, Л. Бофф, Г. Крингс, Г. Коенен пришли к выводу о том, что они выражаются лишь в молчаливом принятии любых политических решений власти, в том числе тех, которые непосредственно направлены против интересов отдельных людей, социальных групп или общества в целом [Крингс, 2005].

Кроме законодательных норм и различных ограничений, философы и исследователи, работавшие в более позднее время, огромное значение придавали формированию наиболее желательных политических ценностей и предпочтений. Например, Ч. Кули заявлял о том, что политическая социализация позволяет стандартизировать представления, процедуры, паттерны мышления и поведения, которых придерживается человеческая общность [Чазов, 2001].

Идею о необходимости введения единообразной системы образования, контролируемой на государственном уровне, продвигали еще древнегреческие, китайские, японские мыслители, которые рассматривали ее в качестве способа повысить моральные качества людей, снизить уровень социальных и политических конфликтов, обеспечить лояльность правителю и тем самым создать условия для повышения устойчивости действующего политического режима.

Рассмотрев лишь теоретические аспекты государственного управления политическими предпочтениями, мы пришли к выводу о том, что данная тематика предполагает целый комплекс различных исследовательских проблем, решение которых актуально в настоящее время.

Эмпирическое исследование и его результаты / Empirical research and its results

Избирательная кампания главы государства в любой республике президентского или смешанного типа является наиболее ожидаемым и значимым политическим событием, позволяющим определить не только лидера, но и актуальную концепцию развития государства и общества на несколько последующих лет. В этот период принято акцентировать внимание на существующих социально-экономических и политических проблемах государства, открывать дискуссию об их значимости, предлагать для их решения новые управленческие подходы [Злотникова, 2017]. Указанное событие позволяет выяснить политические предпочтения граждан в данный момент времени, подтверждая тем самым легитимность власти.

Ранее мы уже отметили тот факт, что граждане, выражая свои предпочтения, могут поддаться эмоциональным порывам или негативному информационному воздействию, поэтому в каждой стране существуют многочисленные механизмы государственного управления политическими предпочтениями, целью которых является снижение указанных политических рисков. Далее мы рассмотрим некоторые механизмы, которые используются в электоральном процессе РФ.

1. Законодательные ограничения, связанные с реализацией избирательных прав[6]. Законодательные ограничения в России распространяются как на активные, так и пассивные избирательные права и могут носить временный, долгосрочный и постоянный характер. В частности, на должность Президента РФ может претендовать только дееспособный гражданин РФ, рожденный в этом государстве и постоянно проживающий в нем не менее 25 лет. Кроме ценза оседлости, законодательные ограничения распространяются на возраст потенциального кандидата. К моменту выдвижения своей кандидатуры претенденту должно исполниться 35 лет, при этом максимального возраста, допустимого для подачи документов в ЦИК РФ, не установлено, как и ограничений по национальному, гендерному, образовательному и профессиональному принципу.

В последние годы реализация избирательного права сильно ужесточилась. Так, в законодательство были внесены положения, содержащие запрет потенциальных кандидатов в президенты иметь второе гражданство или вид на жительство иностранного государства. Самые жесткие запреты в настоящее время обусловлены наличием у возможного кандидата судимости по статьям Уголовного кодекса РФ, связанным с посягательством на безопасность государства. В законе о выборах Президента РФ приводится перечень из ст. 41 Уголовного кодекса РФ, где содержится прямой запрет осужденным гражданам, а также лицам, имеющим неснятую или непогашенную судимость, реализовывать свое пассивное избирательное право на долгосрочной основе.

Ограничения активных прав носят постоянный и временный характер. Наиболее распространенным ограничением является возрастной ценз избирателя, который прекращает свое действие с момента достижения гражданином РФ возраста 18 лет. Другим распространенным ограничением активного избирательного права в последние годы стало нарушение закона. Так, лица, подвергнутые наказанию по двум статьям Административного кодекса РФ, временно утрачивают право участвовать в голосовании. Постоянным ограничением считается утрата дееспособности гражданина.

Отметив внесение большого количества дополнений в закон об избирательной деятельности России, мы решили выяснить, как законодательные ограничения влияют на реализацию избирательных прав граждан, и проанализировали результаты социального опроса, проводимого исследовательской группы В.К. Левашова (рис. 1) [Левашов, Великая, Шушпанова, Гребняк, Новоженина, 2023].

Приведенные данные показывают, что, несмотря на настойчивые призывы правящей элиты участвовать в политических выборах, подавляющее большинство опрошенных россиян скептически оценивают свою возможность оказывать влияние на политические процессы в обществе. Инертность и устойчивая оценка своей политической беспомощности значительной части социума создают благоприятные условия для сохранения консервативного политического курса, позволяя эффективно поддерживать устойчивость существующей политической власти. Законодательные ограничения в настоящее время позволяют одинаково эффективно исключить и нежелательное иностранное

[6] Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. №19 ФЗ «О выборах Президента РФ» Режим доступа: https://base.garant.ru/185413/ (дата обращения 19.09.2025).

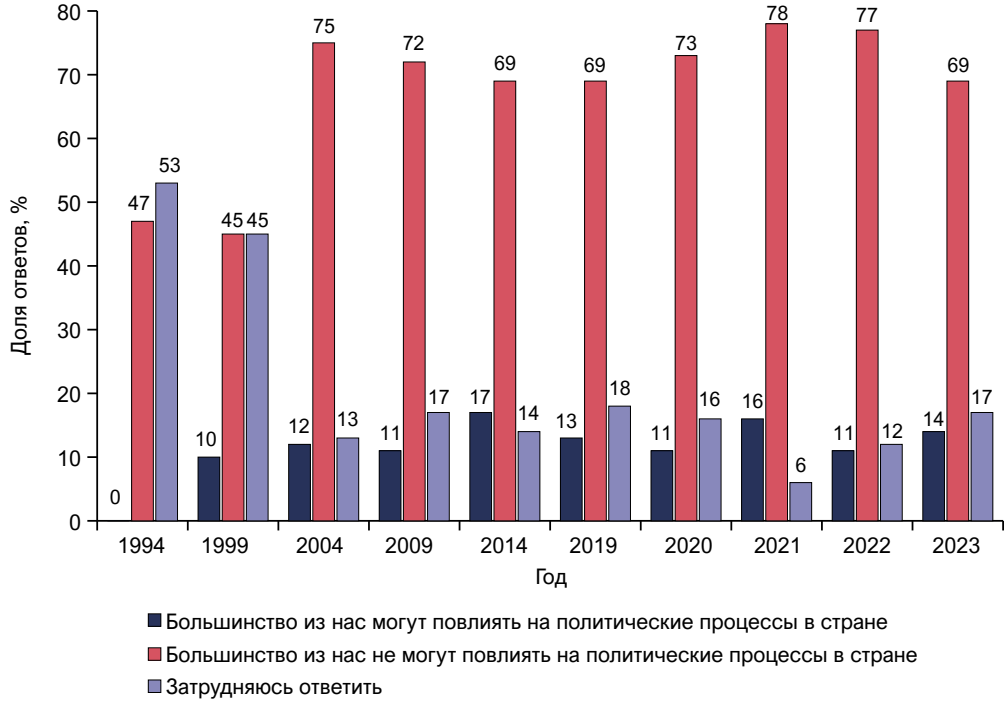
влияние на политический процесс и влияние тех граждан страны, которые пытаются конвенциональным способом выражать свое несогласие с политическими решениями власти, затрагивающими или ущемляющими их интересы.

Изучив личные данные кандидатов, авторы настоящего исследования пришли к выводу о том, что, несмотря на отсутствие соответствующих законодательных запретов, политика в России остается преимущественно мужским занятием (табл. 1). Так, из 11 изначально выдвинутых кандидатур только две персоналии являлись женщинами.

Подавляющее большинство выдвиженцев обладали хорошим уровнем образования, многие имели ученую степень, а также отличались высоким общественным статусом и богатым опытом политической деятельности. Согласно сведениям, представленным в биографиях кандидатов, четверо из них в данный момент являются депутатами представительных органов власти. Четверо из заявленного списка ранее баллотировались на пост Президента РФ, при этом один из них является действующим Президентом РФ.

Возрастные характеристики кандидатов изначально отличались богатым разнообразием. В первоначальный состав претендентов на руководство государством входили три кандидата в возрасте до 40 лет, два – до 50 лет, три – до 60 лет, один – до 70 лет, два – до 80 лет. В перечень самых молодых кандидатов входили И.В. Свиридова и В.А. Даванков, а самыми возрастными являлись В.В. Путин и Н.В. Харитонов. Окончательно сформированный состав претендентов на должность Президента РФ представлен преимущественно опытными и возрастными политиками, которые позиционируют себя как консервативно настроенные люди и уровень этого консерватизма с каждым годом все возрастает. Исключение составляет В.А. Даванков, стремящийся продемонстрировать прогрессивные взгляды и свою принципиальную позицию по многим актуальным проблемам. Приведенные данные уже позволяют сделать вывод о том, что, какими бы ни были предпочтения граждан, страну с высокой степенью вероятности ожидает сохранение консервативного политического курса в следующие 6 лет.

Сформулировав пессимистичный прогноз, мы решили выяснить, как сами россияне оценивают политические перемены, произошедшие в стране за последние 30 лет, и насколько эти перемены их устраивают (рис. 2). Для этих целей мы проанализировали результаты социологического исследования, проведенного группой В.К. Левашова [Левашов, Великая, Шушпанова, Гребняк, Новоженина, 2023].



Составлено авторами по материалам источника [Левашов, Великая, Шушпанова, Гребняк, Новоженина, 2023] / *Compiled by the authors on the materials of the source [Levashov, Velikaya, Shushpanova, Grebnyak, Novozhenina, 2023]*

Рис.1. Мнения респондентов о том, насколько граждане РФ могут оказывать влияние на политические процессы в стране

Fig. 1. Distribution of respondents' answers about the extent to which Russian citizens can influence political processes in the country

Таблица 1

Характеристика кандидатов в Президенты РФ, участвующих в избирательной кампании 2024 г.

Table 1. Characteristics of presidential candidates participating in the 2024 election campaign

ФИО	Возраст	Образование/ ученая степень	Основной вид деятельности/опыт управленческой деятельности	Политическая позиция кандидатов
Кандидатуры, выдвинутые парламентскими партиями				
В.А. Даванков[7]	39 лет	Высшее, канд. социол. наук	Депутат Государственной Думы РФ VIII созыва, основал пять крупных бизнесов в сферах финансов и производства, информационных технологий, а также малой авиации	Борьба против ужесточения законов, ограничивающих личные свободы граждан и ведения бизнеса, акцентирование внимание на проблеме увеличения финансирования медицинского обслуживания и образования
Л.Э. Слуцкий[8]	56 лет	Высшее, д-р экон. наук	Депутат Государственной Думы РФ VIII созыва, с 2015 г. заведует кафедрой международных отношений и интеграционных процессов на факультете политологии Московского государственного университета М.В. Ломоносова, с 2022 г. – председатель партии Либерально-демократической партии России	Планирует сформировать программу на основе результатов онлайн-опроса, проводимого на странице своего сайта
Н.М. Харитонов[9]	75 лет	Высшее, канд. экон. наук	Депутат Государственной Думы РФ I–VIII созывов, с 1976 г. по 1994 г. работал директором совхоза «Галинский», в 2004 г. баллотировался на пост Президента РФ	На официальном сайте нет информации. Сайт до настоящего времени находится в разработке
Кандидатуры, выдвинутые внепарламентскими партиями				
С.А. Малинкович[10]	48 лет	Среднее профессиональное	С 2022 г. возглавляет партию «Коммунисты России», в 2000-х гг. работал заместителем генерального директора общества с ограниченной ответственностью «Юридическая фирма “Кун”», в 2010-х гг. возглавлял цех заготовки на предприятии «Деави»	На официальном сайте нет информации
Б.Б. Надеждин[11]	60 лет	Высшее, канд. физ.-мат. наук	Депутат городского округа Долгопрудный Московской области, в 1999 г. организовал кафедру права Московского физико-технического института и возглавил ее, в 1997–1998 гг. был советником первого вице-премьера Б. Немцова, помощником премьер-министра С. Кириенко	Восстановление политических институтов: • либерализация механизма проведения избирательных кампаний; • сокращение военных расходов; • пересмотр и отмена неправомерных судебных решений; • ревизия законодательства и отмена «карательных законов»; • принятие мер налогового стимулирования развития высокотехнологичных производств и углубления переработки сырья; • изменение бюджетной политики; • политика открытости
И.В. Свиридова	36 лет	Высшее	На официальном сайте нет информации	На официальном сайте нет информации

[7] Сведения и программа кандидата в Президенты РФ. Даванков. Режим доступа: https://davankov2024.ru/ (дата обращения: 19.09.2025).

[8] Сведения и программа кандидата в Президенты РФ. Слуцкий. Режим доступа: https://xn--2024-94dgfh7cva7a.xn--p1ai/#survey (дата обращения: 19.09.2025).

[9] Сведения о кандидате в Президенты РФ. Харитонов. Режим доступа: https://asafov.ru/person/haritonov-nikolaj-mihajlovich(дата обращения: 19.09.2025).

[10] Сведения о кандидате в Президенты РФ. Малинкович. Режим доступа: https://asafov.ru/person/malinkovich-sergey(дата обращения: 19.09.2025).

[11] Сведения о кандидате в Президенты РФ. Надеждин. Режим доступа: https://news.mail.ru/card/642/#card-51389 (дата обращения: 19.09.2025).

Окончание табл. 1

ФИО	Возраст	Образование/ ученая степень	Основной вид деятельности/опыт управленческой деятельности	Политическая позиция кандидатов
С.Н. Бабурин[12]	65 лет	Высшее, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ	Нет актуальной информации о роде деятельности в настоящее время. С 2002 г. по 2012 г. – ректор Российского государственного торгово-экономического университета, с 2015 г. – Президент Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры, в 2018 г. баллотировался на пост Президента РФ, депутат Государственной Думы РФ I–III созывов	На официальном сайте нет информации
А.В. Богданов[13]	54 года	Высшее, канд. полит. наук	Занимает пост исполнительного директора общероссийской общественной организации болельщиков спортивных команд «Красно-белая гвардия», в 2008 г. баллотировался в президенты РФ	На официальном сайте нет информации
Кандидатуры, выдвинутые в порядке самовыдвижения				
В.В. Путин[14]	71 год	Высшее, канд. экон. наук	Действующий Президент РФ	На официальном сайте нет информации
Р.Л. Русских	39 лет	На официальном сайте нет информации	Блогер, визажист, предприниматель	На официальном сайте нет информации
А.Г. Баташев	48 лет	Высшее	В 2005 г. основал агентство «Международник»	На официальном сайте нет информации

Составлено авторами по материалам исследования / *Compiled by the authors on the materials of the study*

Следует сказать, что мнения граждан сильно разделились: часть респондентов считают, что жизнь по многим направлениям изменилась в лучшую сторону. Среди улучшений они отмечают повышение уровня науки (42 %) и технического прогресса (62 %), рост экономического потенциала страны (44 %), а также экономической независимости (43 %). Изменения в худшую сторону, по мнению респондентов, связаны со снижением качества образования (53 %) и доступностью медицинского обслуживания (38 %). Следовательно, общая оценка политических изменений носит позитивный характер.

Авторов исследования интересовали оценки результатов проводимой политики, выраженных на бытовом уровне. Данный вопрос оказался дискуссионным: 36 % респондентов указали, что их уровень и качество жизни за последние 30 лет улучшились, что, по их мнению, является примером положительных изменений в стране, при этом 38 % отметили ухудшение уровня и качества своей жизни, потому стали рассматривать данный показатель в качестве примера отрицательных политических изменений.

Нас интересовал вопрос о том, как респонденты оценивают уровень реализации политических свобод, закрепленных в Конституции РФ, и уровень безопасности, рассматриваемый в широком смысле этого слова. Для примера мы решили оценить только две основополагающие свободы: свободу слова и свободу совести. Большинство респондентов (34 и 32 % соответственно) полагают, что данные права в России систематически нарушаются, но многие опрошенные считают, что никаких изменений в реализации указанных прав за последние годы не произошло. Оценка уровня безопасности также вызывает противоречие среди респондентов: 31 % из них считают, что изменения произошли в худшую сторону, 34 % – видят улучшение данного показателя.

Консервативный политический курс отражает интересы лишь половины населения России, тогда как интересы второй ее половины остаются не в полной мере реализованными.

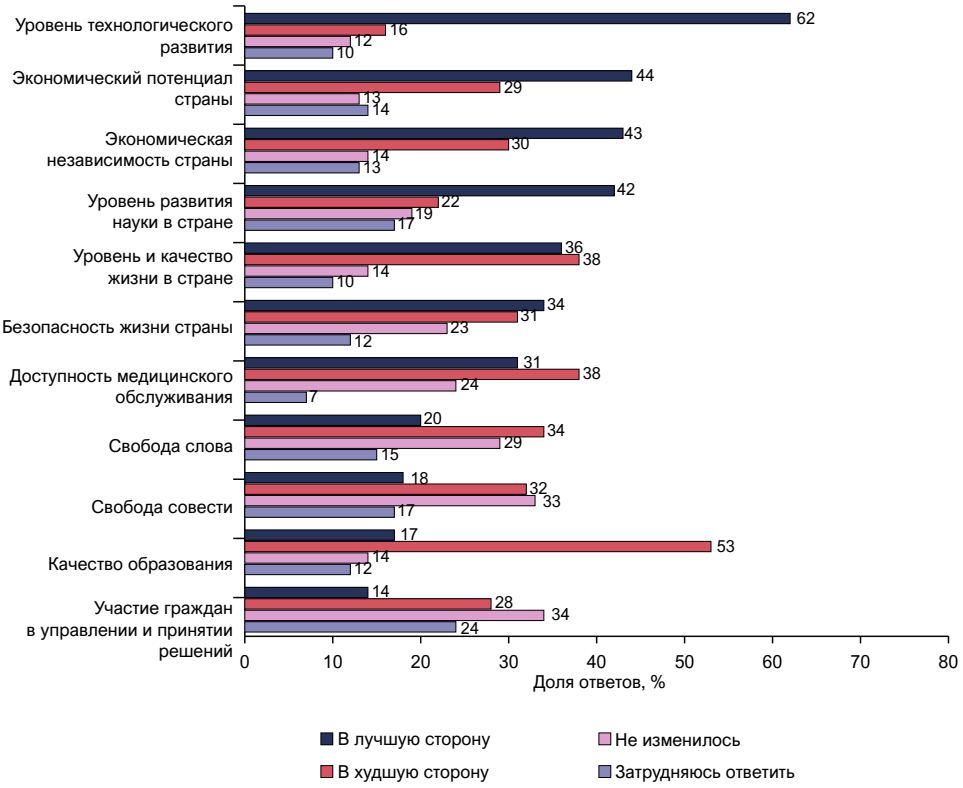
2. Законодательные ограничения, связанные с осуществлением избирательного процесса[15]. Участие в президентских выборах предполагает прохождение нескольких этапов, цель которых заключается в ограничении доступа к избирательной кампании лицам,

[12] Сведения о кандидате в Президенты РФ. Бабурин. Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2024/01/24/kto-takoy-sergey-baburin/ (дата обращения: 19.09.2025).

[13] Сведения о кандидате в Президенты РФ. Богданов. Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2024/01/24/kto-takoy-andrey-bogdanov/ (дата обращения: 19.09.2025).

[14] Сведения и программа кандидата в Президенты РФ. Путин. Режим доступа: https://news.mail.ru/politics/59633040/(дата обращения: 19.09.2025).

[15] Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 19 ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации». Режим доступа: https://base.garant.ru/185413/ (дата обращения: 19.09.2025).



Составлено авторами по материалам источника [Левашов, Великая, Шушпанова, Гребняк, Новоженина, 2023] / *Compiled by the authors on the materials of the source [Levashov, Velikaya, Shushpanova, Grebnyak, Novozhenina, 2023]*

Рис. 2. Ответы на вопрос: «Как Вы считаете, в лучшую или худшую сторону произошли изменения в России за последние 30 лет?»

Fig. 2. Response to the question: “In your opinion, for better or worse have changes in Russia occurred over the last 30 years?”

не соответствующим многочисленным критериям, большинство из которых мы указали ранее. Отметим, что каждый этап изобилует большим количеством бюрократических, организационных и технических сложностей, требующих от команды политика высокого профессионализма, внимательности, опыта и психологической выдержки. Проанализировав данные ЦИК РФ, мы установили, что на предварительном этапе избирательной кампании комиссия отказала в приеме документов трем кандидатам.

После процедуры выдвижения кандидатуры на должность Президента РФ одним из важнейших этапов является процедура его регистрации в указанном статусе. Согласно закону о выборах, в России кандидатами в президенты могут становиться представители парламентских и внепарламентских партий, а также лица, выдвинутые в порядке самовыдвижения. Представители парламентских партий регистрируются в качестве кандидатов без дополнительных условий, тогда как остальным участникам предвыборной кампании для регистрации требуется предоставить в ЦИК РФ от 100 до 300 тыс. подписей избирателей. Так, к участию в предвыборной гонке 2024 г. изначально были допущены три кандидата от парламентских партий, пять – от внепарламентских партий, три самовыдвиженца. Следовательно, из 11 заявленных кандидатов 8 должны были представить установленное количество подписей (табл. 2).

На завершающем этапе сбора подписей от дальнейшего участия в избирательной кампании добровольно отказалась три кандидата, выдвинутые внепарламентскими партиями, один кандидат был зарегистрирован без дополнительных проверочных процедур и замечаний по представленным подписным листам, а четырем кандидатам в регистрации и дальнейшем участии в выборах было отказано. Таким образом, в окончательный список кандидатов вошли представители парламентских партий В.А. Даванков, Л.Э. Слуцкий, Н.М. Харитонов и В.В. Путин.

3. Управление политическими предпочтениями при помощи информационных ресурсов. В идеале политические предпочтения граждан должны формироваться на основе официальной информации о выдвинутых кандидатах. Публичному освещению должны быть преданы их предвыборная программа, которую кандидат намерен реализовывать в случае своей победы, финансовый отчет, а также биографическая справка, содержащая в себе данные о политических взглядах кандидата, опыте политической и управленческой деятельности, уровне образования. Для многих государств знаковой информацией является также заключение врачебной комиссии о состоянии

здоровья кандидата. Так, информация об онкологическом заболевании короля Великобритании Карла II всколыхнула мировую общественность даже при условии, что фактической властью монарх этого государства не обладает, а его состояние не является критическим. Однако в России подобная информация в настоящее время является конфиденциальной.

Таблица 2

Перечень зарегистрированных кандидатов в Президенты РФ, участвующих в избирательной кампании 2024 г., и причины отказа в регистрации

Table 2. List of registered candidates for President of the Russian Federation participating in the 2024 election campaign and reasons for registration refusal

Кандидатуры, выдвинутые парламентскими партиями	Кандидатуры, выдвинутые внепарламентскими партиями	Кандидатуры, выдвинутые в порядке самовыдвижения
Даванков Владислав Андреевич, партия «Новые люди», статус: зарегистрирован в качестве кандидата в Президенты РФ	Сергей Александрович Малинкович, партия «Коммунисты России», статус: в регистрации отказано, причина отказа: из 104,998 тыс. подписей избирателей 8,979 тыс. признаны недействительными[16]	Путин Владимир Владимирович, статус: зарегистрирован в качестве кандидата в Президенты РФ, причина положительного решения: из 315 тыс. предоставленных подписей 91 признана недействительной
Слуцкий Леонид Эдуардович, Либерально-демократическая партия России, статус: зарегистрирован в качестве кандидата в Президенты РФ	Надеждин Борис Борисович, партия «Гражданская инициатива», статус: в регистрации отказано, причина отказа: из 104,734 тыс. подписей избирателей 9,209 тыс. были признаны недействительными[17]	Русских Рада Лизмовна, статус: в регистрации отказано, причина отказа: из 300 тыс. необходимых подписей представлено 476[18]
Харитонов Николай Михайлович, Коммунистическая партия Российской Федерации, статус: зарегистрирован в качестве кандидата в Президенты РФ	Свиридова Ирина Владимировна, Демократическая партия России, статус кандидата в Президенты РФ утрачен[19]	Баташев Анатолий Геннадьевич, статус: в регистрации отказано, причина отказа: из 300 тыс. необходимых подписей представлено 330[20]
–	Бабурин Сергей Николаевич, председатель партии «Российский общенародный союз», статус кандидата в Президенты РФ утрачен[21]	–
–	Богданов Андрей Владимирович, «Российская партия свободы и справедливости», статус кандидата в Президенты РФ утрачен[22]	–

Составлено авторами по материалам источника[23] / *Compiled by the authors on the materials of the source[23]*

[16] Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации «Об отказе в регистрации кандидата на должность Президента Российской Федерации Сергея Александровича Малинковича». Режим доступа: http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/54925/ (дата обращения: 19.09.2025).

[17] Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации «Об отказе в регистрации кандидата на должность Президента Российской Федерации Бориса Борисовича Надеждина». Режим доступа: http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/54926/ (дата обращения: 19.09.2025).

[18] Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации «Об отказе в регистрации кандидата на должность Президента Российской Федерации Рады Лизмовны Русских». Режим доступа: http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/54928/ (дата обращения: 19.09.2025).

[19] Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации «О признании Ирины Владимировны Свиридовой утратившей статус кандидата на должность Президента Российской Федерации». Режим доступа: http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/54917/ (дата обращения: 19.09.2025).

[20] Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации «Об отказе в регистрации кандидата на должность Президента Российской Федерации Анатолия Геннадьевича Баташева». Режим доступа: http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/54927/(дата обращения: 19.09.2025).

[21] Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации «О признании Сергея Николаевича Бабурина утратившим статус кандидата на должность Президента Российской Федерации». Режим доступа: http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/54897/ (дата обращения: 19.09.2025).

[22] Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации «О признании Андрея Владимировича Богданова утратившим статус кандидата на должность Президента Российской Федерации». Режим доступа: http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/54907/ (дата обращения: 19.09.2025).

[23] Список зарегистрированных кандидатов на выборы на должность Президента РФ. Режим доступа: http://www.cikrf.ru/analog/prezidentskiye-vybory-2024/kandidaty/ (дата обращения: 19.09.2025).

Для изучения всей интересующей информации авторы исследования в разгар политической кампании обратились на сайт ЦИК РФ и не смогли там обнаружить списка всех выдвинутых кандидатов, допущенных к процедуре сбора подписей и их биографической справки. Таким образом, полноценно информация о большинстве кандидатов не была предоставлена на информационном ресурсе и лишь лаконично освещалась в средствах массовой информации. Низкая информационная поддержка негативно отразилась на узнаваемости внесистемных кандидатов. В частности, кандидаты А.Г. Баташев и Р.Л. Русских предоставили минимальное количество подписных листов и получили отказ в регистрации. Следовательно, кандидаты, выдвинутые от внепарламентских партий, и большинство «самовыдвиженцев» находятся в значительно худшем положении по сравнению с представителями крупных парламентских партий.

Изучив официальный сайты парламентских партий, авторы пришли к выводу о том, что выборы в президенты не являются для них значимым событием. Об этом свидетельствуют несколько обстоятельств. Во-первых, из трех парламентских партий только партия «Новые люди» выделила первичные финансовые средства на проведение избирательной компании в размере 10 млн руб., однако они в полном объеме оказались на счету, о чем указано в финансовом отчете кандидата В.А. Даванкова (табл. 3). Счета кандидатов Л.Э. Слуцкого и Н.М. Харитонова содержат нулевой баланс. Во-вторых, на официальных сайтах двух партий отсутствуют специальные рубрики, посвященные выдвинутым кандидатам, а новостные посты до начала февраля 2024 г. очень скудно освещали проделанную работу как самих кандидатов, так и их штабов.

У многих кандидатов существуют официальные сайты, освещающие деятельность их предвыборных штабов, но уровень информативности в них сильно разнится. Например, сайт Р.Л. Русских содержал лишь информацию о пунктах приема подписей за данного кандидата, сайт В.В. Путина, кроме биографии, содержит список доверенных лиц и фотоотчеты. Наиболее информативными являлись сайты кандидатов В.А. Даванкова и Б.Б. Надеждина: там представлены тезисы предвыборных программ и обобщенная информация по тем политическим решениям, к которым были причастны данные политики. Сайт Н.М. Харитонова (на 11 февраля 2024 г.) находился в разработке. Таким образом, имея возможность оказывать информационное воздействие на избирателей и используя новейшие политические технологии, многие кандидаты сознательно от него отказались.

Особо хочется отметить отсутствие у кандидатов полноценно сформированных предвыборных программ, что странно, если учесть, что до проведения выборов оставался месяц. Следовательно, основным мотивом для выражения предпочтений избирательная система РФ считает достаточным наличия у избирателей личной симпатии к конкретной персоналии, ее харизме или биографическим обстоятельствам, что, по нашему мнению, противоречит принципу политической рациональности.

4. Финансовое регулирование политических предпочтений. Наличие свободных финансовых ресурсов позволяет кандидатам в президенты широко освещать свою деятельность в средствах массовой информации и пространстве сети «Интернет», оплачивать работу волонтеров и арендовать помещения. Особенно наличие свободных финансовых средств важно для кандидатов, выдвинутых от внепарламентских партий, и самовыдвиженцев, многие из которых пользуются меньшей известностью, чем представители парламентских партий.

[24] Президентские выборы 2024 г. Режим доступа: http://www.cikrf.ru/analog/prezidentskiye-vybory-2024/finansirovaniye-vyborov/first.php (дата обращения: 19.09.2025).

Таблица 3

Источник финансовых средств кандидатов

Table 3. Source of candidates' financial resources

Кандидат	Общая сумма поступивших финансовых средств, руб.	Источник полученных финансовых средств				
		Собственные средства, руб.	Средства выдвинувшей его политической партии, руб.	Добровольные пожертвования Граждан, руб.	Добровольные пожертвования юридических лиц, руб.	Возвращенные средства, поступившие с нарушением закона, руб.
В.В. Путин	472 371 341,93	–	–	269 316,93	472 000 000,00	102 025,00
Б.Б. Надеждин	80 522 448,55	1 102 000,00	–	79 414 048,55	6 400,00	309 205,53
В.А. Даванков	10 000 000,00	–	10 000 000,00	–	–	–
Р.Л. Русских	539 014,01	20 000,00	–	519 014,01	–	–
С.А. Малинкович	369 333,00	250 000,00	119 316,00	17,00	–	–
А.Г. Баташев	211 050,00	20 000,00	–	191 050,00	–	–
Л.Э. Слуцкий	–	–	–	–	–	–
Н.М. Харитонов	–	–	–	–	–	–

Составлено авторами по материалам источника[24] / *Compiled by the authors on the materials of the source[24]*

Изучив официальную информацию, представленную на сайте ЦИК РФ, мы пришли к выводу о том, у кандидатов в самом начале избирательной кампании 2024 г. сформировались кардинально разные стартовые возможности (табл. 4). Так, финансовая поддержка выдвинутых кандидатов от внепарламентских партий распространилась только на С.А. Малинковича. Наибольший вклад собственных средств отмечен у Б.Б. Надеждина и С.А. Малинковича, а пожертвования от юридических лиц были получены лишь В.В. Путиным и Б.Б. Надеждиным.

Еще одним интересным наблюдением является анализ финансовых пожертвований со стороны частных лиц в избирательные фонды кандидатов. По нашему мнению, сумма пожертвований от лица граждан является одним из значимых показателей их лояльности к кандидату и выражением политических предпочтений. Изучив официальную информацию, представленную на сайте ЦИК РФ, мы пришли к выводу о том, что наибольшей поддержкой избирателей пользовался кандидат Б.Б. Надеждин. Также финансовая поддержка граждан, пусть и в значительно меньшем объеме, поступала в избирательный фонд Р.Л. Русских, В.В. Путина и А.Г. Баташева. В результате анализа финансовых отчетов кандидатов в президенты становится очевидным, что скудность финансовых средств большинства кандидатов ограничивает их возможности для полномасштабного политического участия в данном электоральном мероприятии.

[25] Президентские выборы 2024 г. Режим доступа: http://www.cikrf.ru/analog/prezidentskiye-vybory-2024/finansirovaniye-vyborov/first.php (дата обращения: 19.09.2025).

Заключение / Conclusion

Исследование государственного управления политическими предпочтениями базировалось на президентской кампании 2024 г. и позволяет авторам сделать следующие выводы.

1. Понятие предпочтения в процессе исторической трансформации качественно поменялось, однако сохранило преимущественно иррациональную основу.

2. Проблема государственного управления политическими предпочтениями в научном дискурсе до настоящего времени не рассматривалась, но опосредованно была затронута большинством исследователей, специализирующихся на изучении социально-политических отношений.

3. Под «государственным управлением политическими предпочтениями» мы понимаем устойчивую и целенаправленную систему воздействия на граждан страны, осуществляемого с целью формирования в их сознании поощряемых режимом политических ценностей и моделей политического, в том числе электорального, поведения.

4. Одним из наиболее значимых механизмов обеспечения политической безопасности государства является управление политическими предпочтениями граждан. В рамках своего функционала управление политическими предпочтениями использует законодательные, информационные, финансовые и иные методы, позволяющие формировать паттерны политического поведения и прививать одобряемые политические ценности, регулировать порядок доступа акторов к политической деятельности, определять круг вопросов, выносимых и решаемых путем общественного обсуждения, а также формировать нужное общественное мнение по наиболее актуальным проблемам.

Таблица 4

Анализ первичных финансовых расходов кандидатов в Президенты РФ

Table 4. Analysis of the primary financial expenditures of presidential candidates

Статьи расходов	В.В. Путин, руб.	Б.Б. Надеждин, руб.	С.А. Малинкович, руб.	А.Г. Баташев, руб.	Р.Л. Русских, руб.
Организация сбора подписей	11 857 262,20	37 330 881,00	320 853,00	–	53 880,00
Предвыборная агитация через сетевые издания	–	4 483 069,00	–	–	–
Выпуск и распространение печатных, аудиовизуальных и иных агитационных материалов	8 022 627,02	286 450,00	48 480,00	183 050,00	519 000,00
Оплата других работ/услуг, оказанных юридическими или физическим лицами по договорам	20 021 753, 43	2 850 100,00	–	19 800,00	–
Проведение публичных массовых мероприятий	–	119 400,00	–	–	–
Оплата работ информационного и консультационного характера	–	3 566 931,00	–	–	–
Оплата иных расходов связанных с избирательной компанией	50 000,00	3 619 016,00	–	–	–
Сумма израсходованных средств	39 951 642, 65	52 255 847,00	369 333,00	202 850,00	572 880,00
Остаток средств фонда	–	27 342 814,94	–	–	–

Составлено авторами по материалам источника[25] / *Compiled by the authors on the materials of the source*[25]

5. Проанализировав механизмы государственного политического управления государственными предпочтениями, мы увидели, что наиболее активно в России используются законодательные ограничения, связанные как с реализацией избирательных прав, так и с осуществлением избирательного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беликова Е.А., Злотникова Е.В., Ницевич В.Ф., Строев В.В. Политическая активность молодежи в электоральном участии в России. М.: Государственный университет управления; 2023. 185 с.

Берендт Р. Политическая активность. Социальные исследования. Лейпциг; 1932.

Гасанов И.Б. Влияние электоральных стереотипов на голосование избирателей. Гражданин. Выборы. Власть. 2017;1-2:159–169.

Дергунова Н.В., Завгородняя М.Ю. Теория ограниченного влияния СМК Пола Лазарсфельда как методология анализа деятельности средств массовой коммуникации. Власть. 2012;12.

Злотникова Е.В. Влияние социальных факторов на электоральное участие граждан Российской Федерации. ГосРег. 2017;2(20).

Канеман Д. Думай медленно ... решай быстро. М.: АСТ; 2014.

Козельский Ю. Психологическая теория решений. М.: Прогресс; 1979.

Крингс Г. Цена свободы. В кн.: Политическая философия в Германии. М.: Современные тетради; 2005.

Левашов В.К., Великая Н.М., Шушпанова И.С. Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 53 этап социологического мониторинга, июнь 2023 года. М.: ФНИСЦ РАН; 2023. 91 с.

Ольшанский Д.В. Политический PR. СПб: Питер; 2023.

Пушкарева Г.В. Политический менеджмент. 2е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт; 2023.

Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М.: Канон-пресс; 1998. 416 с.

Чазов А.В. Ценности как фактор формирования политических предпочтений. Дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. СПб: СПбГУПТД; 2001. 158 с.

Чанышев А.А. История политических учений: М.: Проспект; 2005.

Чуев С.В. Политический менеджмент. В кн.: Коммуникативные технологии. М.: Юрайт; 2024. С. 55–64.

REFERENCES

Belikova E.A., Zlotnikova E.V., Nitsevich V.F., Stroev V.V. Political activity of youth in electoral participation in Russia. Moscow: State University of Management Publ. House; 2023. 185 p. (In Russian).

Berendt R. Political activism. Social research. Leipzig; 1932. (In Russian).

Chanyshev A.A. History of political doctrines: Moscow: Prospect; 2005. (In Russian).

Chazov A.V. Values as a factor in the formation of political preferences. Dis. ... Cand. Sci. (Polit.): 23.00.02. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design; 2001. 158 p. (In Russian).

Chuev S.V. Political management. In: Communication Technologies. Moscow: Yurait; 2024. Pp. 55–64. (In Russian).

Dergunova N.V., Zavgorodnaya M.Y. Paul Lazarsfeld's theory of limited QMS influence as a methodology for analyzing the activities of mass media. Vlast. 2012;12. (In Russian).

Hasanov I.B. The influence of electoral stereotypes on the voting of voters. Citizen. Elections. Power. 2017;1-2:159–169. (In Russian).

Kahneman D. Think slowly ... decide quickly. Moscow: AST; 2014. (In Russian).

Kozelsky Yu. Psychological theory of solutions. Moscow: Progress; 1979. (In Russian).

Krings G. The price of freedom. In: Political Philosophy in Germany. Moscow: Modern Notebooks; 2005. (In Russian).

Levashov V.K., Velikaya N.M., Shushpanova I.S. How do you live, Russia? Express information. 53rd stage of sociological monitoring, June 2023. Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; 2023. 91 p. (In Russian).

Olshansky D.V. Political PR. St. Petersburg: Piter; 2023. (In Russian).

Pushkareva G.V. Political management. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait; 2023. (In Russian).

Rousseau J.-J. About the social contract. Treatises. Moscow: Canon-press; 1998. 416 p. (In Russian).

Zlotnikova E.V. The influence of social factors on the electoral participation of citizens of the Russian Federation. Public Administration. 2017;2(20). (In Russian).

УДК 323.1 DOI https://doi.org/10.26425/2309-3633-2025-13-4-106-116
Получено: 29.09.2025 Статья доработана после рецензирования: 24.11.2025 Принято: 01.12.2025

Государственная национальная политика Российской Федерации в меняющемся мире: ресурсы, законодательство, мегатренды

Зорин Владимир Юрьевич[1,2]
Д-р полит. наук, вед. науч. сотр.[1], проф. каф. российской политики[2]
ORCID: 0000-0003-1292-1836, e-mail: v.y.zorin@mail.ru

Каменских Михаил Сергеевич[1,3]
Канд. ист. наук, ст. науч. сотр.[1], вед. науч. сотр.[3]
ORCID: 0000-0002-4041-086X, e-mail: mkamenskih27@gmail.com

Волох Владимир Александрович[4]
Д-р полит. наук, проф. каф. государственного управления и политических технологий
ORCID: 0000-0003-1292-7631, e-mail: v.volokh@yandex.ru

[1]Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, 119017, Ленинский пр-т, 32а, г. Москва, Россия

[2]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 119991, Ленинские горы, 1, г. Москва, Россия

[3]Институт гуманитарных исследований – филиал Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук, 614000, Ленина ул., 13а, г. Пермь, Россия

[4]Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия

Аннотация

Проанализированы основные итоги реализации государственной национальной политики Российской Федерации в последние десятилетия. Цель настоящего исследования – изучить направления работы и приоритеты государственной национальной политики, которые могут лечь в основу новой редакции Стратегии государственной национальной политики на период до 2036 г. Данная тематика чрезвычайно многогранна, и авторы, опираясь на собственный управленческий и научно-исследовательский опыт, остановились на нескольких наиболее важных аспектах, работа в рамках которых представляется наиболее актуальной. Методы исследования – сравнительный анализ, типология, системный метод. Авторы полагают, что наиболее значимыми мегатрендами современной сферы межнациональных и межконфессиональных отношений, которые будут учтены в новой редакции Стратегии государственной национальной политики, станут укрепление этнокультурного суверенитета, развитие общественной инфраструктуры сферы этнополитики, опора на традиционные духовно-нравственные ценности и нематериальное этнокультурное достояние народов Российской Федерации, новая роль институтов народной дипломатии, сохранение исторической памяти, регулирование сферы миграции (включая направление импатриации) и профилактика экстремизма. Даны краткие характеристики каждого направления работы, особенности и риски, связанные с ними в части взаимодействия с общественным сектором. Обозначено, что грамотная государственная политика обеспечит гармоничное развитие сферы межнациональных и межконфессиональных отношений в стране, будет способствовать укреплению этнокультурного суверенитета. Успех в деле укрепления единства российской нации в решающей степени зависит и от взаимодействия основных акторов реализации государственной национальной политики: органов власти, институтов гражданского общества и экспертного, научного обеспечения. Проводимые мероприятия по этому вопросу – важный механизм достижения данной цели в условиях изменяющегося мира.

Ключевые слова: национальная политика, миграция, импатриация, профилактика экстремизма, народная дипломатия, нематериальное культурное наследие, историческая память, общественная инфраструктура, духовно-нравственные ценности, Россия

Благодарности. Статья публикуется в рамках государственного задания «Историческое наследие и этнокультурное достояние Урала: народы, языки, традиции, взаимодействие», № 125062407447-6.

Для цитирования: Зорин В.Ю., Каменских М.С., Волох В.А. Государственная национальная политика Российской Федерации в меняющемся мире: ресурсы, законодательство, мегатренды//Управление. 2025. Т. 13. № 4. С. 106–116. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-4-106-116

© Зорин В.Ю., Каменских М.С., Волох В.А., 2025.
Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная
http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Received 29.09.2025 Revised 24.11.2025 Accepted 01.12.2025

Russia's state national policy in a changing world: resources, legislation, megatrends

Vladimir Yu. Zorin[1,2]
Dr. Sci. (Polit.), Leading Researcher[1], Prof. at the Russian Policy Department[2]
ORCID: 0000-0003-1292-1836, e-mail: v.y.zorin@mail.ru

Mikhail S. Kamenskikh[1,3]
Cand. Sci. (Hist.), Senior Researcher[1], Leading Researcher[3]
ORCID: 0000-0002-4041-086X, e-mail: mkamenskih27@gmail.com

Vladimir A. Volokh[4]
Dr. Sci. (Polit.), Prof. at the Public Administration and Political Technologies Department
ORCID: 0000-0003-1292-7631, e-mail: v.volokh@yandex.ru

[1]Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 32a, Leninsky prospekt, Moscow 119017, Russia

[2]Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie gory, Moscow 119991, Russia

[3]Institute of Humanitarian Research of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 13a, Lenina ulitsa, Perm 614000, Russia

[4]State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia

Abstract

The main results of the Russian state national policy implementation in recent decades have been analyzed. The purpose of the study is to consider the areas of work and priorities of the state national policy, which can form the basis of a new edition of the Strategy of State National Policy for the period up to 2036. This topic is extremely multifaceted, and the authors, relying on their own managerial and research experience, focused on several of the most important aspects, the work within which is the most relevant. Research methods are comparative analysis, typology, and system method. The authors believe that the most significant megatrends in the modern interethnic and interfaith relations, which will be considered in the new edition of the Strategy of State National Policy, will be strengthening the ethno-cultural sovereignty, developing the public infrastructure in the sphere of ethnopolitics, reliance on traditional spiritual and moral values, and the intangible ethno-cultural heritage of Russians, the new role of public diplomacy institutions, the historical memory preservation, migration regulation (including the impatriation phenomenon), and extremism prevention. Brief characteristics of each line of work, the features, and risks associated with them in terms of interaction with the public sector have been given. It has been indicated that a competent state policy will ensure the harmonious development of interethnic and interfaith relations in the country and will contribute to strengthening ethno-cultural sovereignty. Success in strengthening the unity of the Russian nation depends crucially on the interaction of the main actors when implementing state national policy: government authorities, civil society institutions, and expert and scientific support. Ongoing activities on this issue are an important mechanism for achieving this goal in a changing world.

Keywords: national policy, migration, impatriation, extremism prevention, people's diplomacy, intangible cultural heritage, historical memory, public infrastructure

Acknowledgements. The article is published within the framework of the state assignment "Historical heritage and ethnocultural heritage of the Urals: peoples, languages, traditions, interaction", No. 125062407447-6.

For citation: Zorin V.Yu., Kamenskikh M.S., Volokh V.A. (2025). Russia's state national policy in a changing world: resources, legislation, megatrends. *Upravlenie / Management (Russia)*, 13 (4), pp. 106–116. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-4-106-116

© Zorin V.Yu., Kamenskikh M.S., Volokh V.A., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение / Introduction

В Российской Федерации (далее – РФ, Россия) ведется разработка новой редакции Стратегии государственной национальной политики на период до 2036 г. (далее – Стратегия)[1]. Проект Указа Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» подготовлен в связи с завершением срока действия Стратегии[2]. Предложения в проект обсуждались на форумных и тематических мероприятиях, в том числе на круглых столах в комитетах Государственной Думы РФ и Совета Федерации Федерального собрания РФ, на заседании Научного совета Российской академии наук по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений.

Проект новой Стратегии разработан межведомственной рабочей группой, в состав которой вошли представители федеральных органов исполнительной власти, научного и экспертного сообщества, в том числе члены Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям. Новый документ будет учитывать внесенные изменения в Конституцию РФ 2020 г., а также положения принятых за период 2020–2024 гг. ключевых документов стратегического планирования страны, таких как Стратегия национальной безопасности РФ, Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, Концепция внешней политики Российской Федерации, Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации, результаты Всероссийской переписи населения 2020 г.[3,4,5,6,7,8].

В проекте сформулирована цель государственной национальной политики – укрепление единства многонационального народа России (российской нации) при сохранении этнокультурного и языкового многообразия для обеспечения государственной и территориальной целостности страны, ее внутренней политической и социальной стабильности, профилактики и предупреждения проявлений экстремизма, недопущения розни по признакам расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. В обновленной Стратегии будут актуализированы вызовы и угрозы в области межнациональных отношений, уделено внимание региональному аспекту, отражена задача по интеграции исторических территорий страны в российское этнокультурное пространство.

Разработка документа ведется в условиях серьезного международного давления на Россию, активизации этнополитических процессов внутри страны. Между тем в последнее десятилетие государство последовательно придерживалось линии, направленной на повышение роли гражданского общества, что способствовало как укреплению гражданского единства, так и обеспечению этнокультурного суверенитета. Изменения в мире и в России требуют новых подходов к управлению сферой этнополитики, что и будет отражено в новой редакции Стратегии.

В рамках настоящего исследования авторы, основываясь на собственном опыте работы с некоммерческими организациями, экспертным сообществом и органами власти, планируют разобрать основные направления работы и приоритеты государственной национальной политики, которые могут лечь в основу новой редакции Стратегии. Среди основных задач государства в сфере этнополитики, по мнению авторов, являются укрепление этнокультурного суверенитета России, этнокультурная инфраструктура и ее развитие, информационное обеспечение реализации государственной национальной политики, защита традиционных духовно-нравственных ценностей, нематериального этнокультурного достояния, грамотная миграционная политика, развитие институтов народной дипломатии и профилактика экстремизма.

Этнокультурный суверенитет и этнокультурное достояние России / Ethnocultural sovereignty and ethnocultural heritage of Russia

В условиях современных глобализационных процессов и многополярного мира происходит постепенный отход от понимания европейской системы ценностей как единственной для современных обществ. В этой

[1] Опубликован проект Стратегии государственной национальной политики России до 2036 года. Режим доступа: https://www.oprf.ru/news/opublikovan-proekt-strategii-natsionalnoy-politiki-rossii-do-2036-goda (дата обращения: 25.09.2025).

[2] Указ Президента Российской Федерации от 25 ноября 2025 г. № 858 «О стратегии государственной национальной политики». Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/902387360 (дата обращения: 25.09.2025).

[3] Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/3ed9a4d68072c2f9d74767edb4d4d2ea1def6e9f/ (дата обращения: 25.09.2025).

[4] Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 25.09.2025).

[5] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей отношениям. Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 25.09.2025).

[6] Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации 31 марта 2023 г.). Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/ (дата обращения: 25.09.2025).

[7] Утверждена Стратегия противодействия экстремизму в России. Режим доступа: http://kremlin.ru/acts/news/76020 (дата обращения: 25.09.2025).

[8] Всероссийская перепись населения 2020 года. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020 (дата обращения: 25.09.2025).

ситуации в Общественной палате РФ, на факультете государственного управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и ряде других научных центров сложилось мнение о целесообразности говорить не только о государственном, оборонном, технологическом и других суверенитетах, но и об этнокультурном[9]. Начиная с публикации в 2012 г. статьи В.В. Путина «Россия: национальный вопрос», эксперты отмечают восстановление этнокультурного суверенитета страны и возвращения государства в сферу этнополитики[10]. Основанная тогда модель управления этнокультурным разнообразием, институциональные решения, документы стратегического планирования позволили сохранить единство, достойно ответить на все риски и вызовы, предложенные коллективным Западом.

В последние 10 лет государство планомерно проводит линию на повышение роли гражданского общества в решении главных задач современности. В основе национальной политики современной России находится концепция единства и многообразия российской нации, разработанная академиком В.А. Тишковым. Она исходит из тезиса, что при множестве этнических самоидентификаций гражданское самосознание у современного россиянина может быть только одно [Тишков, 2021]. В России сложилась уникальная модель управления этнокультурным разнообразием, которую надо отразить и закрепить в общественно-политическом дискурсе, документах стратегического планирования.

Задача по укреплению этнокультурного суверенитета страны актуализировалась после начала проведения специальной военной операции. За прошедшие три года резко возросло внешнее информационное давление, продолжаются попытки иностранных структур использовать этнонациональный и религиозный факторы в целях дестабилизации обстановки. Усилилось влияние деструктивной миграционной повестки. Во время публичных мероприятий часто встречается культивирование национальной символики стран исхода некоторых общественных объединений, логическое ударение в определении этнокультурного своеобразия конкретной группы граждан может делаться на достижениях «исторической родины». Подобная деятельность может подпитывать такие категорически нежелательные стороны межнациональных отношений, как двойная лояльность, этнофаворитизм, культивирование антироссийских националистических проектов (пантюркизм, панфинноугризм, кавказский национализм, «украинство» и др.). Все это в ущерб осознанию причастности к России. Подобная деятельность порой осуществляется на средства государственного бюджета.

Сохранение имеющегося суверенитета возможно с учетом консолидации общественных и экспертно-научных ресурсов вокруг построения современной гражданской ценностной шкалы для России при сохранении присутствия ее влияния на важнейших международных платформах как одного из центров мировой политики. Нынешние угрозы национальной безопасности нуждаются в новом научно-методологическом осмыслении. Нужно совершенствовать систему экспертных оценок проектов общественных организаций, четко соблюдать баланс поддерживаемых мероприятий по принципу паритета межнациональных и этнокультурных. Нужно говорить не только о различиях, но и том общем в сознании и культуре, что объединяет российский народ как полиэтничную гражданскую нацию.

Инфраструктура общественных отношений в сфере этнополитики / Infrastructure of public relations in ethnic policy

Общественное поле, которое представляет сферу этноконфессиональных отношений, чрезвычайно широко, и масштабы его представленности в повседневной жизни россиян постоянно растут. Появляются новые институты, реализуются десятки новых проектов. По информации Общественной палаты РФ по итогам 2024 г., этнокультурный сектор страны включает более 10 тыс. некоммерческих организаций, 1,5 тыс. национальных культурных автономий и более чем 37 тыс. религиозных объединени[11]. Среди наиболее значимых общественных организаций и объединений этнокультурного сектора можно отметить Общероссийскую общественно-государственную организацию «Ассамблея народов России», Ассамблею народов Мира, прочие ассамблеи народов России, представителей коренных малочисленных народов, центры этнической культуры, этнодеревни, дома национальностей и др.[12,13,14]. Этим перечнем этнокультурная инфраструктура не ограничивается. Одной из новаций последнего времени стал Ресурсный центр в сфере национальных отношений, который ведет тесную работу с субъектами РФ.

[9] Многонациональный народ России. Этнокультурный суверенитет: преданность Родине, воля, единство. Режим доступа: https://forum.oprf.ru/program_blocks/mnogonacionalnyj-narod-rossii-vosstanovlenie-jetnokulturnogo-suvereniteta-predannost-rodine-vole-i-edinstvu/ (дата обращения: 25.09.2025).

[10] Путин В.В. Россия: национальный вопрос. Режим доступа: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 25.09.2025).

[11] Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. Режим доступа: https://report2024.oprf.ru/ (дата обращения: 25.09.2025).

[12] Ассамблея народов России. Режим доступа: https://ogoanr.ru/ (дата обращения: 25.09.2025).

[13] Ассамблея народов Мира. Режим доступа: https://www.eurasia-assembly.org/ru (дата обращения: 25.09.2025).

[14] Ассамблея представителей коренных малочисленных народов Севера. Режим доступа: https://www.dumahmao.ru/assemblyoftherepresentativesofthenorth/ (дата обращения: 25.09.2025).

Важным инструментом взаимодействия с общественными объединениями стала Общественная Палата РФ, которой в 2025 г. исполнилось 20 лет. За это время данная институция накопила колоссальный опыт работы в рассматриваемом направлении. На площадке Общественной палаты РФ проводятся обсуждения и дискуссии, касающиеся тематики развития межнациональных и межрелигиозных отношений, сохранения российских традиционных духовно-нравственных ценностей и др. К таким проектам можно отнести общероссийскую конференцию «Устойчивое развитие этнокультурного сектора», Всероссийский форум национального единства и Конкурс лучших практик в сфере национальных отношений, акцию «Народов много – Родина одна», конференцию «Всемирная сокровищница родных языков: оберегать и лелеять», Гражданский форум «Мы – россияне» и др.[15,16,17,18,19].

Важным проектом Общественной палаты РФ последних лет стал Форум «Сообщество». В 2021–2024 гг. значительная часть площадок форума была посвящена темам межнациональных отношений, религиозного многообразия и традиций добрососедства народов России[20]. Участники тематических секций обсуждали такие вопросы, как межнациональные и межрелигиозные отношения, миграция, народное единство, общероссийская гражданская идентичность, сохранение традиций в российском обществе, развитие этнокультурного сектора, практики проведения культурных фестивалей, этнотуризм, сохранение национальных языков.

В последние годы институты этнокультурного сектора активно включились в процесс социального проектирования. Ежегодно Общественная Палата РФ представляет президенту Доклад о состоянии гражданского общества в России[21]. Вопросы межнационального и религиозного единства занимают особое место в докладах последних лет [Зорин, Каменских, 2021]. Для повышения компетентности участников законодательных процессов данный ресурс необходимо более активно использовать.

Важной составляющей национальной политики на уровне всей страны станет и процесс интеграции «исторических территорий», который уже запущен и дает первые результаты, несмотря на режим специальной военной операции. С 2023 г. Общественной Палате РФ поручен мониторинг соблюдения органами государственной власти и органами местного самоуправления социальных прав граждан в период интеграции новых субъектов РФ в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы, а также в систему органов государственной власти. Институты гражданского общества новых регионов получают эффективные инструменты представительства и взаимодействия с органами государственной власти всех уровней.

Создание сети мероприятий и площадок для обсуждения вопросов сферы межнациональных отношений стало важным итогом работы органов власти, общественности и экспертного сообщества в достижении целей Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации и обеспечения ее этнокультурного суверенитета[22]. Необходимо и дальше совершенствовать систему взаимодействия с регионами, повышать качество работы на местах, обучать кадры, внедрять систему оценки эффективности. Сохраняется необходимость эффективного мониторинга состояния межнациональных отношений. Здесь свою роль должны более активно играть научные учреждения и экспертное сообщество.

Духовно-нравственные ценности, историческая память и этнокультурное достояние / Spiritual and moral values, historical memory, and ethnocultural heritage

Следующее важное направление работы – сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей народов России. Для стран Запада на современном этапе характерен отход от институтов семьи и религии как базы гражданского общества. В 2022 г. Министерством культуры РФ в соответствии со Стратегией национальной безопасности был разработан проект Указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». 9 ноября 2022 г. Указ был подписан Президентом РФ[23]. На принятие такого документа

[15] V Общероссийская конференция «Устойчивое развитие этнокультурного сектора. Режим доступа: http://ethnoconference.tilda.ws/ (дата обращения: 25.09.2025).

[16] Всероссийский форум национального единства. Режим доступа: https://edinstvo.admhmao.ru/(дата обращения: 25.09.2025).

[17] Народов много – родина одна. Режим доступа: https://ogoanr.ru/projects/project/54/ (дата обращения: 25.09.2025).

[18] Всемирная сокровищница родных языков: оберегать и лелеять. Режим доступа: https://clck.ru/3RTqSk (дата обращения: 25.09.2025).

[19] Зорин В.Ю. В приоритете укрепление межнационального согласия и гармонизация межэтнических отношений. Режим доступа: https://www.oprf.ru/news/v-prioritete-ukreplenie-mezhnatsionalnogo-soglasiya-i-garmonizatsiya-mezhetnicheskikh-otnosheniy (дата обращения: 25.09.2025).

[20] Сообщество. Форум для тех, кто действует. Режим доступа: https://forum.oprf.ru/ (дата обращения: 25.09.2025).

[21] Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации. Режим доступа: https://report2024.oprf.ru/ (дата обращения: 25.09.2025).

[22] Указ Президента Российской Федерации от 6 декабря 2018 г. № 703 «О Стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 года». Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949 (дата обращения: 25.09.2025).

[23] Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей отношениям». Режим доступа: http://www.

в российском обществе существовал определенный запрос. Мероприятия «Года семьи», рост популярности ценностей многодетства являются лучшим подтверждением этого тезиса. К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Опора на традиционные духовно-нравственные ценности сегодня является важной частью выстраивания всей социальной политики страны, начиная от сферы культуры и образования и заканчивая социальной политикой и мерами социальной поддержки. Ценностные установки современного общества будут отражены и в уточненной редакции Стратегии государственной национальной политики на период до 2036 г.

Важной работой в этом направлении является опора на нематериальное этнокультурное достояние народов России как фундамент для построения суверенитета [Черных, 2023]. Так, первой из провозглашенных целей действующей на сегодняшний день редакции Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 г. является «сохранение и развитие культур и языков народов Российской Федерации, укрепление их духовной общности», что обусловлено исторически сложившимся поликультурным составом государства и традицией взаимодействия власти и этнических сообществ [Тишков, 2023][24]. Ключевым инструментом этой работы является поддерживаемая на государственном уровне политика по сохранению и фиксации нематериального этнокультурного достояния [Минникес, 2024]. Например, в новой редакции Конституции РФ 2020 г. провозглашена обязанность государства по сохранению и охране культуры как уникального наследия многонационального российского народа[25].

Отметим, в последние годы предпринят ряд важных шагов в сфере выявления и фиксации объектов нематериального этнокультурного достояния. В частности, принят федеральный закон № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации»[26]. Документ обеспечил реализацию конституционного права граждан РФ на доступ к культурным ценностям народов страны. Для реализации положений закона 3 августа 2023 г. премьер-министром РФ было подписано Постановление № 1277 «Об утверждении Положения о федеральном государственном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации»[27]. По мнению законодателя, создание общедоступного информационного ресурса позволит упростить изучение, использование, сохранение и популяризацию нематериального этнокультурного достояния. В документе даны определение «объекта» нематериального этнокультурного достояния, состав необходимых сведений для фиксации объекта, утверждены полномочия органов исполнительной власти в нормативном регулировании фиксации таких объектов. Оператором реестра определено Министерство культуры РФ[28]. В 2024 г. Распоряжением Правительства РФ утверждена Концепция сохранения и развития нематериального этнокультурного достояния РФ на период до 2030 г.[29]. Все эти меры подтверждают намерения государства в эффективной и последовательной работе в области сохранения нематериального этнокультурного достояния.

Принятие федерального закона открыло новый этап в организационной работе в данной сфере. В частности, в нормативную практику введено понятие нематериального этнокультурного достояния (далее – НЭД), под которым понимается «нематериальное культурное наследие народов Российской Федерации как совокупность присущих этническим общностям Российской Федерации духовно-нравственных и культурных ценностей, передаваемых из поколения в поколение, формирующих у них чувство осознания идентичности и охватывающих образ жизни, традиции и формы их выражения, а также воссоздание

kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 25.09.2025).

[24] Стратегия государственной национальной политики РФ до 2025 года. Режим доступа: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949 (дата обращения: 25.09.2025).

[25] Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/3ed9a4d68072c2f9d74767edb4d4d2ea1def6e9f/ (дата обращения: 25.09.2025).

[26] Федеральный закон от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации». Режим доступа: (дата обращения: 25.09.2025).

[27] Постановление Правительства Российской Федерации от 3 августа 2023 г. № 1277 «Об утверждении Положения о федеральном государственном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации». Режим доступа: http://static.government.ru/media/files/PN62sr9rAiL1LGwcJTbZzz6eRqmfy1wm.pdf (дата обращения: 25.09.2025).

[28] Правительство утвердило положение о федеральном реестре объектов нематериального этнокультурного достояния России. Режим доступа: http://government.ru/news/49222/ (дата обращения: 25.09.2025).

[29] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 февраля 2024 г. № 206-р «Об утверждении Концепции сохранения и развития нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации на период до 2030 года». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_469295/372f912d9be933f6514c707929c2e48a187d1fbb/ (дата обращения: 25.09.2025).

и современные тенденции развития данного образа жизни, традиций и форм их выражения»[30]. В документе сделан акцент именно на этнической составляющей культуры и ее объектов, подлежащих сохранению.

После принятия закона в большинстве действующих региональных нормативных были отражены соответствующие изменения. За последние два года свыше 40 субъектов РФ приняли соответствующие нормативные акты. Мониторинг регионального законодательства, проведенный авторами на начало сентября 2025 г., показал, что на сегодняшний день собственные законы о сохранении объектов НЭД имеют 26 регионов РФ, в 29 субъектах внесены изменение в нормативные акты, касающиеся уполномоченных органов в сфере культуры, еще в 45 есть соответствующие нормативные акты о порядке ведения реестра объектов НЭД и правил подачи заявок в них. Эта тематика в части совершенствования нормативной базы и составления реестров объектов НЭД как на уровне страны, так и в регионах будет важным фактором национальной политики, особенно в свете построения собственной идентичностной шкалы, не привязанной к западной системе ценностей.

Укрепление гражданских ценностей невозможно без сохранения исторической памяти народа. Уровень знаний о прошлом в обществе остается невысоким, в том числе в среде молодежи, что вызывает особые опасения. Существует значительная поляризация мнений при оценке ключевых событий, явлений, фигур прошлого. Это периодически приводит к конфликтам на почве исторической памяти, которые подчас приобретают значительные масштабы, создают угрозу для укрепления общероссийского единства и нередко становятся объектом деструктивного внешнего воздействия. 2025 г. объявлен в России Годом защитника Отечества, в связи с чем одной из задач для государства и общества на ближайшие годы является эффективное взаимодействие по вопросам исторического просвещения широких кругов общества[31]. Нужно закрепить тот позитивный настрой, который с особой силой проявился в дни празднования 80-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В зоне особого внимания должны оставаться патриотическое воспитание молодежи (в том числе через конкретные мероприятия по оказанию помощи бойцам специальной военной операции и их реабилитации), забота о семьях, волонтерство, благотворительность.

Значимым общественно-политическим вопросом является тема реабилитации нацизма и героизации нацистских преступлений. В этом контексте особое внимание должно уделяться вопросу патриотического воспитания молодого поколения. Так, ежегодно в память о геноциде советского народа в годы Великой Отечественной войны в России проводится День единых действий, в рамках которого в образовательных организациях, учреждениях науки и культуры организуется комплекс памятных мероприятий, направленный на сохранение исторической правды о преступлениях нацистов и их пособников в отношении мирных граждан. Для школьников походит тематический урок «Без срока давности».

В просветительской работе необходимо пресекать любые попытки переписывания истории, эскалации межнациональной и межконфессиональной розни. В условиях специальной военной операции в 2025–2026 гг. актуальными остаются работа по патриотическому воспитанию молодого поколения, сохранению исторической памяти, противодействие идеологии неонацизма, что особенно актуально для новых субъектов РФ. Такие институты, как Комиссия по вопросам образования и исторического просвещения Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, Российское историческое общество, Российское военно-историческое общество, Национальный центр исторической памяти при Президенте РФ, призваны обеспечить стабильную работу по сохранению исторической памяти.

Институты народной дипломатии / Public diplomacy institutions

В условиях международной изоляции, которую третий год пытаются навязать страны коллективного Запада, особое значение приобретают институты «народной дипломатии». В отсутствие официальных международных каналов связи именно общественные организации несут функцию обеспечения коммуникаций с внешним миром и сохранения имеющегося опыта международного взаимодействия [Медведева, 2007]. Исторический опыт России, включающий немало периодов внешнеполитической изоляции и информационного противодействия на уровне правительств отдельных стран, актуализирует институирование и повышение роли народной дипломатии в политике страны [Василенко, 2015].

С 2022 г. в России проводится конкурс «Лидер народной дипломатии», первый из которых состоялся в Перми. Ежегодно в финале конкурса принимают участие активисты из десятков стран мира. Проект поддерживается Ассамблеей народов

[30] Федеральный закон от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации». Режим доступа: (дата обращения: 25.09.2025).

[31] Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2025 г. № 28 «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества». Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/51589 (дата обращения: 25.09.2025).

мира и Общественной палатой РФ[32]. Среди других проектов следует выделить литературно-патриотический проект «Русские чтения», представляющий собой цикл публичных чтений великой русской литературы с участием политических и общественных деятелей, представителей культуры, науки и спорта. Целями проекта стали задачи показать мировому обществу, что культуру и авторитет русского языка «не отменить», сформировать систему наставничества и волонтерства в литературной сфере и объединить и сплотить общество вокруг главного культурного кода – русской литературы. Заметным событием международной жизни страны стала Первая Всемирная общественная ассамблея «Новый мир осознанного единства», посвященная роли гражданского общества по развитию народной дипломатии. Инициатором этого мероприятия явилась Ассамблея народов мира[33].

Важную общественную задачу решает созданный в 2022 г. на базе Общественной палаты РФ Международный общественный трибунал по преступлениям украинских неонацистов и их пособников, в состав которого входят общественные деятели и правозащитники из более чем 30 стран мира. Цель Международного общественного трибунала – проводить мониторинг и отслеживать военные преступления и нарушения международного гуманитарного права, совершенные со стороны киевского режима. Фиксация нарушений происходит на основе опроса пострадавших, проходящих в районах боевых действий, местах проведения фильтрационных мероприятий, больницах и госпиталях, пунктах временного размещения беженцев, местах заключения военнопленных. Анкета находится в открытом доступе на сайте Общественной палаты РФ. Международный общественный трибунал не оставляет без внимания и вопрос распространения украинских пропагандистских материалов и изданий, печатной и видеопродукции по героизации нацизма. Полученные данные направляются в Следственный комитет РФ, используются на заседаниях Совета Безопасности Организации Объединенных наций, в работе российских загранпредставительств за рубежом, на выставках и мероприятиях, в передачах отечественного телевидения и радио[34].

Институты гражданского общества и общественной дипломатии являются уникальной площадкой открытого, конструктивного и доверительного диалога между представителями разных стран. Именно потенциал гражданской активности на международном уровне может быть использован, чтобы донести до мирового сообщества объективную информацию о ситуации в России и взглядах ее жителей.

Миграционная политика / Migration policy

Не менее значимая для российского общества тема – это вопросы миграции и миграционной политики. Нельзя отрицать основной положительный потенциал миграционных процессов – ресурс восполнения убыли населения и привлечение квалифицированных кадров в различные производственные секторы страны. Тем не менее на современном этапе существует проблема неконтролируемой миграции, которая выходит за рамки необходимого адаптационного процесса иностранных граждан, потенциально формирует в обществе негативные настроения, повышает угрозу для национальной безопасности. За последние несколько лет усилилось влияние деструктивной миграционной повестки, обострились локальные конфликты в местах компактного проживания мигрантов, фиксируется рост ксенофобии и мигрантофобии во многих регионах России[35]. Причиной этому стали несколько крупных резонансных конфликтов [Авдашкин, 2022].

Тема миграции стала одной из ключевых в рамках форума «Сообщество», который состоялся в Москве в ноябре 2024 г. Площадка «Миграционная политика – вызовы и перспективы. Социальная и культурная адаптация мигрантов» объединила крупнейших специалистов по миграции со стороны как экспертного сообщества, так и органов власти[36]. Участниками поддержаны меры, осуществляемые в стране по улучшению управления миграционными процессами, а также основные изменения законодательной базы в этой сфере, в частности о необходимости знания русского языка, наведения порядка в учете мигрантов, повышения ответственности работодателей за приглашенных ими иностранных рабочих. Отдельно отмечено, что объективное освещение миграции как глобального общественно-политического явления также выступает одной из фундаментальных задач миграционной политики современной России. Признано необходимым увеличить число общественных и научных площадок для конструктивного обсуждения государственной миграционной политики, полнее

[32] Участниками полуфинала конкурса «Лидер народной дипломатии» стали представители десятков стран фонд «Русский мир». Режим доступа: https://russkiymir.ru/news/337965/(дата обращения: 25.09.2025).

[33] Первая Всемирная общественная ассамблея 2025 «Новый мир осознанного единства», 20–21 сентября 2025. Режим доступа: https://worldpublicsummit.org/ (дата обращения: 25.09.2025).

[34] Международный общественный трибунал по преступлениям украинских неонацистов и их пособников (видео). Режим доступа: https://www.oprf.ru/detail_project/50 (дата обращения: 25.09.2025).

[35] Уровень ксенофобии и межнациональной напряженности. Отношение к приезжим. Режим доступа: https://www.levada.ru/2024/05/14/uroven-ksenofobii-i-mezhnatsionalnoj-napryazhennosti-otnoshenie-k-priezzhim/ (дата обращения: 25.09.2025).

[36] Миграционная политика – вызовы и перспективы. Социальная и культурная адаптация мигрантов. Режим доступа: https://forum.oprf.ru/programa/moscow/51/ (дата обращения: 25.09.2025).

доносить до общества логику принятия тех или иных управленческих решений в миграционной сфере, чего в настоящее время недостаточно[37]. Новая редакция Стратегии государственной национальной политики также должна учесть различие между российскими этнокультурными объединениями и диаспорами, финансируемыми из-за рубежа. Такие термины, как «анклав», «адаптация», «ассимиляция», «интеграция», «толерантность», «мультикультурализм», требуют четкой консенсусной дефиниции. Задача общественных организаций в этом направлении – работа с населением. Необходимо напомнить, что проявление ксенофобии и дискриминации в отношении определенных слоев населения России недопустимо для современного многонационального общества.

При этом миграционный процесс должен быть четко артикулирован государством: с одной стороны, для потенциальных мигрантов необходимо предусмотреть особые условия для комфортной адаптации, а с другой – вводить некоторые ограничения, а в ряде случаев проводить контрольные мероприятия[38]. Проблемы миграционной политики в части социальной и культурной адаптации, противодействия формированию «этнических анклавов», укрепления светского характера правил общежития также требуют особого внимания. В этой ситуации экспертное сообщество всецело поддержало предложение Президента РФ по созданию по созданию Центра по вопросам миграции при Министерстве внутренних дел РФ (далее – МВД РФ)[39]. В течение 2025 г. в структуре Министерства была создана Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан, сформированы региональные службы, в ряде субъектов введены должности заместителей главы управления МВД. Кадровый состав службы наполнялся за счет сотрудников Генеральной прокуратуры РФ и бывших руководителей и специалистов управлений по вопросам миграции[40]. Данную работу необходимо продолжить благодаря сосредоточию усилий на подготовке предложений по разработке новой Концепции государственной миграционной политики России после 2025 г.

Вторым важным направлением миграционной политики России на современном этапе становится так называемая «импатриация» – политика, нацеленная на привлечение мигрантов не с целью решения экономических задач, а в силу принятия ими российских традиционных духовно-нравственных ценностей, которые они не имеют возможности отстаивать на Родине [Артеев, Бардин, Попадьева, Сигачев, 2025]. Данная политика не может считаться новой, ведь еще в 1920-е гг. это практиковалось. Так, начиная с принятия в 1924 г. Положения о гражданстве СССР, во всех редакциях этого документа вплоть до 1941 г. содержался пункт об упрощенной процедуре получения гражданства для лиц, «ищущих убежища вследствие преследования их за общественную деятельность»[41]. В тот период десятки тысяч коммунистов и сочувствующих советскому режиму оказались в Советском Союзе [Белковец, Белковец, 2005].

Автор термина И. Чеккини определила политику импатриации как «ценностную миграцию», основанную на том, что люди должны разделять российские ценности – традиционные, культурные, семейные[42]. Содержательное наполнение термина складывается определяется двумя составляющими: «ценностно-культурным выбором» и «высококвалифицированной миграцией», ведь переезжающие должны не только разделять ценности, но и понимать какой вклад они могут внести в развитие России. В целях реализации данной политики Президентом РФ подписан Указ от 19 августа 2024 г. № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности»[43]. Реализуя данный указ, Агентство стратегических инициатив в апреле 2025 г. подготовило «Памятку для иностранных граждан, переезжающих в Россию», а для потенциальных граждан начал работу портал «Время жить в России»[44,45].

[37] Миграционная политика – вызовы и перспективы. Социальная и культурная адаптация мигрантов. Режим доступа: https://forum.oprf.ru/programa/moscow/51/ (дата обращения: 25.09.2025).

[38] Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы». Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986 (дата обращения: 25.09.2025).

[39] Ряд функций ГУ МВД и территориальных подразделений передаются вновь созданным летом 2023 года Центрам по вопросам миграции (ЦВМ). Режим доступа: https://www.confidencegroup.ru/info/news/ryad-funktsiy-gu-mvd-i-territorialnykh-podrazdeleniy-peredayutsya-vnov-sozdannym-letom-2023-goda-tse/ (дата обращения: 25.09.2025).

[40] Генералов призвали на миграционную службу. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/8025299?utm_source=yxnews&utm_medium=mobile&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2F7933a678-d18b-50a0-bdbf-6a97c2d73d76 (дата обращения: 25.09.2025).

[41] Постановление ЦИК СССР от 29 октября 1924 г. «Положение о гражданстве СССР». Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3068#08113827957814717 (дата обращения: 25.09.2025).

[42] Ирене Чеккини: в России существует меритократия – у людей есть возможность создавать будущее своими руками. Режим доступа: https://expert.ru/obshchestvo/irene-chekkini-v-rossii-sushchestvuet-meritokratiya-u-lyudey-est-vozmozhnost-sozdavat-budushchee-svoimi-rukami/(дата обращения: 25.09.2025).

[43] Указ Президента Российской Федерации от 19 августа 2024 г. № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности». Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408190001 (дата обращения: 25.09.2025).

[44] Памятка для иностранных граждан, переезжающих в Россию МИД РФ. Режим доступа: https://clck.ru/3RTuE3 (дата обращения: 25.09.2025).

[45] Портал «Время жить в России» позволит импатриантам познакомиться с работодателями. Режим доступа: https://russkiymir.ru/news/337100/ (дата обращения: 25.09.2025).

В рамках этой политики в марте 2025 г. Министерство иностранных дел РФ совместно с Фондом поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, озвучили рекомендации для совершенствования защиты соотечественников в странах Балтийского региона[46]. Импатрианты, разделяющие принятые в России ценности, смогут получить разрешение на временное пребывание вне утвержденной Правительством РФ квоты. Решение по каждому случаю импатриации принимает специальная комиссия.

Исследователи сходятся во мнении, что привлечение масштабной миграционной волны высокого уровня квалификации будет способен обеспечить необходимые условия для инновационного прорыва России [Рязанцев, Красинец, Вазиров, 2017]. Сегодня по программе импатриации в Россию на постоянное место жительство переехало уже несколько тысяч человек, в основном из стран Европейского союза. Ожидается, что к 2030 г. по этой программе в страну может въехать до 10 тыс. импатриантов[47]. В новых геополитических условиях данная тема будет только актуализироваться.

Многонациональность и полиэтничность, открытость и способность гражданского общества к интеграции представителей разных культур и религий – это историческое достояние и преимущество России, ресурс для дальнейшего сплочения и укрепления общественных и общественно-государственных отношений.

Профилактика экстремизма / Prevention of extremism

Начало 2020-х гг. было ознаменовано беспрецедентным политическим и идеологическим давлением на Россию, попытками дестабилизировать достигнутый уровень прочности государственных институтов, в том числе в сфере межнационального согласия [Зорин, Каменских, 2021]. Все это актуализирует направление работы, связанное с профилактикой экстремизма. Нельзя не признать, что в последние несколько лет в стране произошло сразу несколько резонансных инцидентов на почве этноконфессионального взаимодействия, которое с таким трудом выстраивалось последние два десятилетия. Кульминацией этих провокаций стали события в «Крокус сити холле»[48]. Последние законодательные инициативы в части усиления борьбы с экстремизмом, особенно в сети «Интернет», свидетельствует о той важной роли, которую играет данное направление деятельности для современной власти. Авторы полагают, что борьба с экстремизмом и терроризмом – дело не только правоохранительных органов, но и общественного сектора. В связи с этим институты гражданского общества должны уделять особое внимание работе по профилактике экстремизма.

Заместитель руководителя Администрации Президента М.М. Магомедов, открывая в марте 2024 г. Заседание президиума Совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ, поблагодарил членов Совета «за оперативный консолидированный ответ провокаторам, за активные действия по поддержке межнационального согласия в обществе»[49]. Даже крупные теракты последних лет не смогли подорвать сложившееся единство народов России, что свидетельствует о довольно эффективной работе органов власти и общественности в обеспечении межнационального и межрелигиозного согласия.

Только активная и всесторонняя поддержка общественности и грамотно выстроенная информационная политика помогли избежать эскалации мигрантофобии в России. При работе в средствах массовой информации необходимо обратить внимание на материалы, которые могут быть неоднозначно восприняты, вызвать негативные эмоции к какой-либо этнорелигиозной группе, особенно в молодежной среде. В этом направлении роль институтов гражданского общества очень важна и является предметом постоянного внимания институтов гражданского общества.

Заключение / Conclusion

В современных непростых геополитических условиях созданный запас гражданского согласия находится под сильным давлением, о чем свидетельствуют и международные события, и конфликты и теракты внутри России. Общественная палата РФ на протяжении последних трех лет отмечает трансформацию общественно-государственного диалога в сторону устойчивого доверительного партнерства, которое выражается в росте и сохранении высокого уровня доверия граждан к ключевым общественным и государственным институтам страны, устойчивости показателей социального самочувствия.

Действующая редакция Стратегии государственной национальной политики истекает в 2025 г., и уже сейчас общественность, эксперты и органы власти завершают разработку новой редакции документа, который будет определять развитие сферы этноконфессиональных отношений в ближайшее десятилетие[50].

[46] Почти 80 % импатриантов переезжают в Россию из стран Европы. Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/06/19/1118252-pochti-80-impatriantov?from=copy_text (дата обращения: 25.09.2025).

[47] АСИ: около 10 тыс. импатриантов могут приехать в РФ до 2030 года. Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/24313273 (дата обращения: 25.09.2025).

[48] Теракт в «Крокус Сити Холле»: что за год изменила трагедия. Режим доступа: https://www.rbc.ru/society/24/03/2025/67dfdf279a79474f931ab7 (дата обращения: 25.09.2025).

[49] Заседание Президиума Совета по межнациональным отношениям. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/administration/73756 (дата обращения: 25.09.2025).

[50] Указ Президента РФ «О стратегии государственной национальной политики». Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/902387360 (дата обращения: 25.09.2025).

Задача общественников в этой работе – обеспечить конструктивный диалог всех акторов гражданского общества в решении вопросов межнационального и межконфессионального согласия. Развитие общественной инфраструктуры в сфере этноконфессиональных отношений, поддержка институтов народной дипломатии, сохранение этнокультурного суверенитета России, опора общественного сектора на традиционные духовно-нравственные ценности, нематериальное этнокультурное достояние и исторический опыт России по гармоничной интеграции представителей разных культур, грамотная миграционная политика (в том числе в части импатриации), эффективная и бескомпромиссная работа по недопущению проявлений экстремизма – вот те направления работы, которые будут определять развитие сферы межнациональных и межконфессиональных отношений в России в ближайшие годы и найдут свое отражение в новой редакции Стратегии государственной национальной политики

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдашкин А.А. Среднеазиатские и китайские мигранты в ракурсе общественного мнения: уральские и сибирские кейсы. Социологические исследования. 2022;8:47–58. https://doi.org/10.31857/S013216250016149-6

Артеев С.П., Бардин А.Л., Попадьева Т.И., Сигачев М.И. Импатриация как феномен и направление политики развития (на примере современной России). Journal of international analytics. 2025;2(16):136–157. https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-2-136-158

Василенко И.А. Значение публичной дипломатии в имиджевой политике России. Власть. 2015;2:48–53.

Зорин В.Ю., Каменских М.С. Роль общественных палат в укреплении межнационального и межконфессионального согласия в современной России. Вестник российской нации. Спецвыпуск. 2021.

Медведева Т.И. Основные методы и формы гражданской дипломатии в современном политическом процессе. Власть. 2007;4:71–74.

Минникес И.В. К вопросу о правовой охране объектов нематериальной культуры в Российской Федерации. Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Юридические науки. 2024;3(43):36–43.

Рязанцев С.В., Красинец Е.С., Вазиров З.К. Постоянная и временная трудовая миграция в контексте перспектив демографического развития России. Сегодня и завтра российской экономики. 2017;81–82:5–16. https://doi.org/10.26653/1993-4947-2017-81-82-01

Тишков В.А. Нация наций: о подходах к пониманию России. М.: ИЭА РАН; 2023. 250 с.

Тишков В.А. Нация, национализм и нациестроительство. Россия в глобальной политике. 2021;2(19):42–62.

Черных А.В. Нематериальное культурное наследие России: проблемы сохранения и презентации. В кн.: Культурное наследие: исторический опыт и современное интерпретации (к итогам года культурного наследия народов России). М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; 2023. С. 11–30.

Чернышева Н.В. Привлечение иностранцев к труду в России: опыт ретроспективного анализа. Вопросы управления. 2024;1(18):83–96. https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-1-83-96

REFERENCES

Arteev S.P., Bardin A.L., Popadeva P.I., Sigachev M.I. Impatriation as a Phenomenon and a Direction of Development Policy (the Case of Russia). Journal of International Analytics. 2025;2(16):136–157. (In Russian). https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-2-136-158

Avdashkin A.A. Central Asia and Chinese migrants in the public opinion: Ural and Siberian cases. Sociologic Research. 2022;8:47–58. (In Russian). https://doi.org/10.31857/S013216250016149-6

Chernykh A.V. Intangible Cultural Heritage of Russia: Problems of Preservation and Presentation. In: Cultural Heritage: Historical Experience and Modern Interpretations (on the Results of the Year of Cultural Heritage of the Peoples of Russia). Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences; 2023. Pp. 11–30. (In Russian).

Chernysheva N.V. Attracting Foreigners to Work in Russia: A Review of Past Experiences. Management Issues. 2024;1(18):83–96. (In Russian). https://doi.org/10.22394/2304-3369-2024-1-83-96

Medvedeva T.I. Main methods and forms of civil diplomacy in modern politic process. Vlast. 2007;4:71–74. (In Russian).

Minnikes I.V. On the issue of legal protection of intangible cultural objects in the Russian Federation. Bulletin of the Witte Moscow University. Legal sciences. 2024;3(43):36–43. (In Russian).

Ryazantsev S.V., Krasinets E.S., Vazirov Z.K. Permanent and Temporary Labor Migration in the Context of the Prospects of Demographic Development of Russia. Today and Tomorrow of Russian Economy. 2017;81–82:5–16. (In Russian). https://doi.org/10.26653/1993-4947-2017-81-82-01

Tishkov V.A. Nation of nations: about approach to understanding Russia. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; 2023. 250 p. (In Russian).

Tishkov V.A. Nation, nationalism and nation-building. Russian in Global Policy. 2021;2(19):42–62. (In Russian).

Vasilenko I.A. The role of public diplomacy in image policy of Russia. Vlast. 2015;2:48–53. (In Russian).

Zorin V.Yu., Kamenskikh M.S. The role of public chambers in strengthening interethnic and interfaith harmony in modern Russia. Vestnik of Russian nation. Special Issue. 2021. (In Russian).